

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Серягина Юлия Сергеевна

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ РУБЕЖА XIX–XX вв.:
КРИТИКА, ПЕРЕВОДЫ, ТЕАТРАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
доцент Никонова Наталья Егоровна

Томск – 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Место немецкой литературы в имагологической парадигме сибирской периодики и театра конца XIX – начала XX вв.	13
1.1. Переводы с немецкого в контексте восприятия других инонациональных литератур на страницах сибирских газет	13
1.2. Постановки пьес немецких авторов на томской сцене в освещении местной печати	18
1.3. Литературно-переводческая деятельность сибирских авторов как выражение индивидуальных и программных рецептивных стратегий	58
Глава 2. Переводы малой прозы в сибирской печати 1880–1917 гг.: культурно-исторические процессы Европы, России и Сибири в представлении региональных авторов	70
2.1. Образ Ф. Ницше в интерпретации сибирских авторов	70
2.2. Идеологи сионизма в зеркале местной литературной периодики: Т. Герцль и М. Нордау	90
2.3. Проза театрального критика О. Блюменталья на страницах местных газет.....	107
Глава 3. Переводы немецкой поэзии как выражение эстетической программы сибирских авторов	114
3.1. М. Ю. Лермонтов, Ф. Боденштедт и И. Северный: русско-немецкий межкультурный диалог	114
3.2. Новалис на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX вв.	128
3.3. Пейзажная лирика Ленау в интерпретации И. Иванова и П. Черневича.....	136
3.4. Мотивы поэзии Г. Гейне в восприятии сибирских авторов	151
3.5. Социально-политическая тема в стихотворных переводах с немецкого	173
Заключение	183

Список литературы	189
Приложение А. Немецкая литература в периодике Сибири: библиография	208

Введение

Культурное пространство сибирского региона рубежа XIX–XX веков, в особенности университетского Томска, формировалось за счет активности общественных деятелей, открывающих книжные магазины, театры, организовывающих различные просветительские мероприятия. Периодическая печать играла в этом процессе немаловажную роль, поскольку была призвана освещать местные новости, важнейшие события центрального региона и зарубежья, рассматривать вопросы и проблемы повседневности; публиковались обзоры и критика книг, литературных произведений и театральных постановок. Сибирские писатели и журналисты создавали особое культурное пространство, реализуя программные установки областников.

Сибирскому читателю был доступен широкий круг периодических изданий различной направленности: новостные листки, литературные газеты, развлекательные журналы и др. «Сибирский вестник» (1885–1905) и «Сибирская жизнь» (1894–1919, до 1897 – «Сибирский листок») – крупнейшие ежедневные газеты, которые издавались в Томске. Кроме них в корпус исследования входят периодические издания «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирские отголоски» (1906–1910), «Сибирский наблюдатель» (1901–1906), «Сибирская мысль» (1906–1907), сатирические журналы «Бубенцы» (1906) и «Ерш» (1906), а также выходившая раз в 2 недели газета «Сибирский Листок» (Тобольск, 1890–1919).

Сибирские газеты не раз становились объектом исследования в различных областях гуманитарной науки. «Сибирскую газету» с позиции областничества рассматривает в диссертационном исследовании Н. В. Жилиякова¹, различные аспекты «Томских губернских ведомостей» освещены в монографии В. В. Шевцова², издана антология текстов из газет и журналов Томска

¹ Жилиякова Н.В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2002. 270 с.

² Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 414 с.

дореволюционного периода³. Также различные сибирские газеты рассматриваются исследователями с точки зрения жанров⁴ и рубрик⁵, источниковедения⁶, «женского вопроса»⁷, истории цензуры⁸, революции⁹ и т.д. Сибирская дореволюционная периодика наряду с изданиями центрального региона выступает активным субъектом межкультурной коммуникации конца XIX – начала XX века. Комплекс оригинальных и переводных литературно-художественных текстов, размещившихся на ее страницах, уникален с точки зрения историко-культурной значимости, поскольку он раскрывает важнейшие черты культурного самосознания региона в характерных сюжетах, мотивах, образах и жанре сочинений, выбранных авторами сибирских газет, отражает процесс формирования представлений о «своем» (национальном, региональном) и «чужом» (инонациональной словесной культуре).

Переводы с немецкого, согласно данным собранной нами библиографии, составляют 30 % от всех переводов инонациональной литературы на страницах газет и занимают второе место после переводов с французского. Интерес к немецкому языку в данный период был обусловлен сохранившимися в России со времен Александра II, состоявшего в родстве по материнской линии с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом IV и императором Вильгельмом I, германофильскими настроениями. Несмотря на обострившуюся внешнеполитическую ситуацию в конце XIX века между Россией и Пруссией,

³ Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 2.: Антология. 524 с.

⁴ Ваганова И.В. Жанровая характеристика материалов газеты «Сибирская жизнь» // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Вып. 3. Томск : Изд-во ТГУ, 2008. С. 84–86.

⁵ Сенинг М.А. Рубрика «Маленький фельетон» в газете «Сибирская жизнь»: от литературы к журналистике (1904 год) // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 121–122.

⁶ Макеева Д. Письма в редакцию как информационный источник (по материалам газеты «Сибирский вестник», 1905 г.) Актуальные проблемы журналистики : сборник трудов молодых ученых. Томск, 2014. Вып. 9. С. 14–15; Григорьев А.А. «Сибирский вестник» Г.И. Спасского и формирование сибирского источниковедения в первой половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Материалы Всероссийской конференции. Барнаул, 2002. <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/32-35.html> (дата обращения 17.02.2017).

⁷ Патрина Ю.В. Постановка и развитие «женского вопроса» на страницах российских изданий в 1905 году (на примере изданий «Новое время» и «Сибирский вестник») // Актуальные проблемы журналистики. Вып. 8. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. С. 16–18.

⁸ Жиликова Н. В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Том. гос. ун-та, 2009. № 3(7). С. 102–115.

⁹ Шугурова Н.В. «Сибирская жизнь» как источник изучения реакции томской общественности на Февральскую революцию 1917 года // Документ в системе социальных коммуникаций. Томск, 2008. С. 306–308.

Александр III поддерживал относительный нейтралитет. Во время Первой мировой войны количество переводов с немецкого в сибирских газетах значительно сокращается, а после 1917 года вовсе сходит на нет, поскольку большинство газет перестают существовать, а оставшиеся меняют публикационную политику в соответствии с обстановкой в стране.

Следует также отметить, что в рассматриваемый период в Томске уже сложилась немецкая диаспора. Однако образовалась она не по этническому фактору, а по конфессиональной принадлежности, поскольку большинство немцев исповедовало лютеранство¹⁰, местом собраний служила евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии. В немецкой общине практиковалось двуязычие. Так, например, в «Сибирской жизни» до 1905 года все объявления, касающиеся только немецкого общества, публиковались на немецком языке¹¹. Кроме того, община периодически устраивала концерты и театральные постановки, которые проходили на немецком языке¹². В конце 1901 года Петр Иванович Макушин сформировал в публичной библиотеке новый отдел, для которого специально закупил около 4000 томов на немецком языке.¹³

Изучение словесной культуры Сибири 1880–1917-х годов в пространстве межкультурного взаимодействия является актуальной задачей современной науки о литературе и подразумевает среди прочего исследование стратегий восприятия и усвоения инонациональной литературы и театра.

Степень разработанности темы исследования

Специальное изучение рецепции инонациональной литературы в дореволюционной периодике Сибири было инициировано О. Б. Кафановой и составило отдельное направление кафедры романо-германской филологии НИ ТГУ. В. Н. Горенинцевой были освещены стратегии регионального

¹⁰ Алишина Г.Н. Немцы Томска в конце XIX – начала XX в.: религиозная и общественная жизнь // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 377.

¹¹ См. например: Сибирская жизнь. 1897. № 238.

¹² Немецкий спектакль <в пользу лютеранского детского приюта> // Сибирская жизнь. 1898. № 29; Любительский спектакль на немецком языке / Объявления // Сибирская жизнь. 1898. № 30.

¹³ Никиенко О. Немецкая библиотека в Томске / Сибирская старина. 2006. № 25. С. 20.

восприятия англо-американской литературы¹⁴, Ю. И. Родченко обратилась к переводческой и театральной рецепции французских авторов¹⁵, рассмотрена также польская литература, стоящая на третьем месте по частотности переводов в сибирских газетах¹⁶, опубликован ряд статей Н. Е. Разумовой, Д. А. Олицкой, О. Б. Кафановой о драматургии Ф. Шиллера, И. В. Гете, Г. Зудермана, Г. Гауптмана, У. Шекспира, М. Метерлинка, К. Гуцкова и др. В трех хрестоматиях 2016 года опубликованы и комплексно осмыслены оригинальные переводы сибирских авторов, напечатанные на страницах томских газет 1880–1917 гг. и выполненные специально для региональной периодики, а также информация о критике, подражаниях и перепечатках произведений зарубежных писателей и поэтов¹⁷. Однако вопрос о восприятии немецких авторов в дореволюционной периодике Сибири не был до настоящего времени предметом специального исследования.

Актуальность исследования связана с повышенным интересом современной гуманитарной науки к проблемам словесной культуры регионов России, а также рядом частных факторов. Во-первых, рецепция немецких авторов на страницах периодики органично включается в понятие «сибирского текста», расширяет и дополняет его. Во-вторых, сибирские переводы, подражания, адаптации, театральные постановки являются малоизученной частью русской рецепции немецких поэтов, писателей, публицистов второй половины XIX – начала XX вв. Литературная регионалистика является сегодня актуальным направлением в литературоведении. Томский топосный свертхтекст остается недостаточно изученным. Исследование рецепции инонациональной литературы

¹⁴ Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 218 с.

¹⁵ Гавриленко (Родченко) Ю.И. Георгий Вяткин о театральных постановках Мопассана на томской сцене // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы XII конференции молодых ученых. Томск, 2011. Вып. 12. Т. 2.

¹⁶ Никонова Н.Е. Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910 годов // Сибирский филологический журнал. 2018. №1. С. 119–133.

¹⁷ Горенинцева В.Н., Никонова Н.Е., и др. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 252 с.; Никонова Н.Е., Олицкая Д.А., и др. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. – Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 280 с.; Никонова Н.Е., Серягина Ю.С. и др. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия (учебно-практическое издание). Томск: Изд-во ТГУ, 2016. 204 с.

позволяет охарактеризовать тенденции в литературном процессе этого периода, словесности региона и России в целом.

Объектом исследования являются литературно-критические материалы, посвященные немецкой литературе, а также переводы произведений инонациональной литературы, опубликованные в сибирских периодических изданиях в период с 1880 по 1917 годы. В процессе исследования выявлено около 1000 переводов с различных языков, из них более 270 – переводы прозы и поэзии с немецкого языка. Рассмотрено также около 300 литературно-критических публикаций и театральных рецензий, посвященных наследию немецких авторов.

Предметом исследования являются особенности рецепции немецкой литературы в сибирской публицистике конца XIX – начала XX вв. (критики, переводов, театральной рецепции, творческого усвоения), которая рассматривается в связи с ее центральной ролью в формировании культурного самосознания сибирского региона.

Цель диссертационного исследования – выявление региональной специфики в восприятии немецкой литературы на страницах периодической печати Сибири конца XIX – начала XX вв.

Для достижения заявленной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1) систематизация обширного фактографического материала, связанного с рецепцией немецкой литературы в томских периодических изданиях конца XIX – начала XX вв., составление библиографии публикаций об иностранной литературе и театре;

2) изучение обзорно-аналитических статей о европейских писателях и театре с целью выявления региональной специфики критической рецепции немецкой литературы;

3) анализ прозаических и стихотворных переводов с немецкого, определение интерпретативной позиции переводчика, механизмов адаптации и мотивов выбора произведений для публикации на страницах местной дореволюционной печати;

4) определение своеобразия рецепции немецкой словесной культуры в общем контексте восприятия инонациональной литературы в сибирской периодике.

Материалом исследования выступают найденные в сибирских дореволюционных газетах, выходивших в Сибири 1880–1917 годах («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирские отголоски», «Сибирский листок» и др.), публикации, посвященные творческому наследию зарубежных авторов, в том числе художественные переводы, критические рецензии, библиографические очерки и т.д., а также оригинальные произведения инонациональной литературы (Приложение А).

Научная новизна связана с тем, что впервые в научный оборот вводится корпус материалов, связанных с переводческой, литературно-критической и театральной рецепцией немецкой литературы в томских и тобольских дореволюционных газетах («Сибирский вестник», «Сибирская газета», «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски», «Сибирский листок»). Такой подход, с одной стороны, позволяет расширить понятие «сибирского текста», один из структурных элементов которого представлен материалами рецепции иноязычной литературы. С другой стороны, новыми сведениями дополняется история изучения русской переводческой рецепции Г. Гейне, Н. Ленау, Г. Герцля и М. Нордау и др.

Методологическая база исследования определяется характером материала, собранного в результате фронтального просмотра периодических изданий Томска и Тобольска, выходивших в период с 1880 по 1917 год: («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский листок», «Сибирская мысль»). Более 1000 публикаций впервые рассматриваются комплексно, с применением историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, лингвокультурологического, библиографического и имагологического подходов.

Теоретическая значимость работы определяется систематизацией и атрибуцией обширного библиографического материала, связанного с рецепцией

немецкой литературы в сибирских периодических изданиях рубежа XIX–XX вв. Изучение материала о восприятии инациональной литературы в Сибири способствует обогащению современной филологической науки, расширению научных знаний о культурных контактах сибирского региона. Вырабатываются новые подходы к изучению региональной словесности.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по истории русской и зарубежной литературы конца XIX – начала XX вв., в курсах по теории, практике и истории художественного перевода.

Апробация результатов исследования

Основные положения работы представлены в виде докладов на Всероссийской научной конференции, посвящённой году литературы «Русская литература в современном культурном пространстве» (Томск, ТГПУ, 2015), на X, XI международной студенческой научно-практической конференции «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» (Томск, ТГПУ, 2016, 2017), на III, IV, V Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, НИ ТГУ, 2016, 2017, 2018) на Международном научном семинаре «Словесная культура в Сибири» (Томск, НИ ТГУ, 2016), на XXXIV Международной конференции германистов («XXXIV. Germanistikkonferenz des DAAD», Томск, НИ ТГУ, 2017), на международной научно-практической конференций «Филология в XXI веке: слово, текст, коммуникация» (Томск, ТГУ, 2017). Исследование осуществлено при поддержке Германской службы академических обменов DAAD (исследовательская стипендия для аспирантов на стажировку в г. Мангейм, Германия, 01.12.2015-31.01.2016), гранта Президента РФ (проект МД-4756.2016.6, 2016–2017), Правительства РФ (стипендии аспирантам, обучающимся по специальностям и направлениям подготовки, соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики (2017–2018), грантом РФФИ (проект №17-14-70006, 2017–2018).

Степень достоверности результатов проведенного исследования

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается:

- опорой на научно-методологическую базу основополагающих направлений литературоведческой мысли: работы исследователей кафедры романо-германской филологии ТГУ, посвященные рецепции инациональной литературы на страницах сибирских газет (О. Б. Кафанова, Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, В. Н. Горенинцева, Ю. И. Родченко, и др.) и трудов по изучению культуры, литературы и публицистики Сибири (И. А. Айзикова, Е. А. Макарова, В. С. Киселев, Н. В. Жиликова и др.).

- применением современных общепризнанных литературоведческих методов исследования, историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, лингвокультурологического, библиографического и имагологического подходов;

- значительным объемом привлеченного и впервые введенного в научный оборот материала, в частности публикаций из сибирских дореволюционных газет, выходивших в период 1880-1917 гг. («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирские отголоски», «Сибирский листок» и др.), посвященных творческому наследию зарубежных авторов, в том числе художественных переводов, критических рецензий, библиографических очерков и т.д., и оригинальных произведений инациональной литературы;

Положения, выносимые на защиту:

1. В периодических изданиях «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский листок», «Сибирская мысль» в 1880–1917 гг. о немецкой классической и современной литературе и театре выходит 585 публикаций, которые становятся неотъемлемой частью сибирского текста как один из его структурных элементов.

2. Переводы малой прозы и поэзии с немецкого занимают одно из центральных мест в контексте регионального восприятия инациональной и русской литературы и в своей совокупности представляют единый корпус произведений, обнаруживающих программные установки ценностно-эстетического свойства, связанные с реализацией образовательно-

просветительских и социально-политических целей культурной программы сибирского областничества.

3. Переводы с немецкого, театральные и критико-аналитические обзоры о немецкой словесности, с одной стороны, отражают актуальные явления европейской культуры рубежа XIX–XX вв. (ницшеанство, сионизм, женский вопрос, аналитическая психология); с другой стороны, оригинальные стратегии их интерпретации определяются тяготением к сюжетам и мотивам немецкого романтизма, поэтике чувствительности, морально-назидательному пафосу.

4. Восприятие немецкой поэзии связано с усиленным вниманием к классике: любовной тематике наследия Г. Гейне, пейзажной лирике Н. Ленау, образам-символам Новалиса, народническим и узническим мотивам (переводы из А. Бюргера, А. Г. Гоффмана фон Фаллерслебена, М. Ю. Лермонтова). Малая проза представлена преимущественно переводами современных немецких публицистов и имеет ярко выраженную притчевую доминанту (Т. Герцль, М. Нордау, О. Блюменталь и др.).

5. В томской рецепции наряду с шедеврами немецкой драмы (И. В. Гете, Ф. Шиллер, Г. Гауптман, Г. Зудерман) получают оригинальную критическую оценку местные и центральные постановки современных пьес М. Дрейера, Л. Фульды, О. Эрнста, Р. Фосса, А. Шницлера, Г. Бара, сыгравшие важную роль в истории сибирского театра, в реализации программы по формированию нравственных и эстетических идеалов активно развивающейся культуры региона.

6. Немецкая литература на страницах дореволюционной периодики Сибири выступает имагологическим инструментом, позволяющим местным авторам, таким как Г. А. Вяткин, И. И. Северный (Почекас), П. Л. Черневич, В. А. Долгоруков, И. Иванов, при помощи переводов, критики и адаптации сформировать собственный репертуар и индивидуальный художественный стиль, который получает реализацию в оригинальном творчестве литераторов-сибиряков.

Глава 1. Место немецкой литературы в имагологической парадигме сибирской периодики и театра конца XIX – начала XX вв.

1.1. Переводы с немецкого в контексте восприятия других инонациональных литератур на страницах сибирских газет

Материал библиографии переводов инонациональной литературы, отобранный по итогам фронтального просмотра томских газет, репрезентативен в двух планах: с одной стороны, он говорит о наличии в сибирской периодике большого количества рецептивных фактов. Газеты знакомят читателя не только с основными новостями зарубежья, но и с культурой других стран, за счет публикаций произведений как популярных, так и малоизвестных иностранных писателей. С другой стороны, собранный корпус переводов обнаруживает устойчивые стратегии трансформации: в «чужом» тексте находятся черты «своего», понятного сибирскому читателю и необходимого местному обществу в историко-культурном контексте рубежа XIX–XX вв., с точки зрения авторов сибирских газет.

В оцифрованном архиве томских газет обнаруживается не менее 1000 переводов: из них более 80 переводов поэтических произведений и более 900 переводов в прозе. Наибольшее количество переводов иноязычной литературы опубликовано в издании «Сибирский вестник»: более 500 текстов вышло в рубрике «Фельетон Сибирского вестника» с 1885–1905 гг.

Среди переводов поэзии преобладают произведения немецких авторов, по большей части, представителей немецкого романтизма. Наиболее популярен Генрих Гейне, восприятие его творчества составляет третью часть всех поэтических переводов, в сибирской прессе печатаются также переводы поэзии И. В. Гете, А. Бюргера, Н. Ленау, Ф. Боденштедта и Р. Пруцка. Второе место занимает поэзия на славянских языках, которая представлена пятью переводами с малорусского из Ивана Франко и Тараса Шевченко, пятью переводами В. Долгорукого с болгарского, а также переводами с польского стихотворений

неуказанных авторов. Французская поэзия представлена всего несколькими публикациями, среди которых одно стихотворение В. Гюго в переводе Ивана Северного и два стихотворения неизвестных авторов, имеющие помету «с французского». Из английской поэзии в корпусе переводов также представлены единичные произведения, как-то: переводы Георгия Вяткина из Роберта Бернса и перевод Павла Козлова из Байрона.

Самый обширный пласт среди переводов прозы в газетах занимают переводы с французского языка (более 360 переводов), на втором месте – с немецкого (236), на третьем – с польского (108). Среди французских авторов наибольшей популярностью пользовался Ги де Мопассан. Большинство его произведений переведены инженером А. О. Станиславским, который в то же время выступал редактором томской газеты «Сибирский вестник». Он перевел с французского более 20 рассказов различных авторов, взятых им из известных парижских изданий (“Figaro”, “Bevue Bleue”) и российских изданий на французском языке (“Journal de St. Petersburg”). Не менее популярна проза Альфонса Доде (1840–1897): на страницах сибирской печати находятся не менее 10 его рассказов. Местные авторы обращаются также к творчеству К. Мендеса, Ф. Коппе, А. Франса, Ж. Ришпена, М. Прево, Ж. Леметра и П. Арена¹⁸.

Немецкая переводная проза представлена такими известными авторами, как Т. Герцль, М. Нордау, Б.ф. Суттнер, Л.ф. Захер-Мазох, Г. Зудерман, О. Блюменталь и др. Переводы прозы с немецкого языка примечательны также объемными переводческими циклами. Так, например, в переводе М. Прейса, подписывающегося криптонимом М. Пр-м, в «Сибирском вестнике» публикуются 23 перевода в период с 1898 по 1900 год (при этом с французского языка в этот же период публикуется только 1 перевод). В период с 1899 по 1903 годы публикуются 48 переводов с подписью «О. К-ая» и 6 переводов с подписью «Х.», зачастую без указания оригинальных авторов.

¹⁸ Подробнее о рецепции прозы некоторых французских авторов см. Родченко Ю.И. Французская литература в томской периодике конца XIX – начала XX в.: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 220 с.

Кроме того, немецкая литература выступала и в качестве посредника для перевода произведений на других языках: например, перевод «М. Б.» рассказа Г. Сенкевича «Художник»¹⁹ имеет помету «по немецкому тексту», как и перевод М. Прейса рассказа норвежского писателя П. Эгджа «Возвращение Петра Сольберга»²⁰. Уникальным материалом являются также переведенные И. Северным стихотворения М. Ю. Лермонтова, сохранившиеся только в немецких переводах поэта Ф. Боденштедта (см. параграф 3.1.).

Английская проза представлена всего 63 переводами, в числе которых произведения таких великих писателей, как М. Твен, О. Уайльд, Ж. Верн, Фитцджеральд, Р. Киплинг. Среди публикаций выделяется произведение «Радости жизни»²¹ британского энциклопедиста Д. Леббока, переведенное с английского В.А. Геблером и напечатанное частями в 15-ти номерах газеты²².

Итальянская литература представлена 17 переводами малой прозы и поэзии. Авторство переводов принадлежит Г. Вяткину, Е. В. Фукс и переводчикам, подписывающимся криптонимами «Е. Г.», «М. Ш.» и «Илья Л.». Некоторые произведения перепечатаны из газет «Харьковский листок» и «Пермский край», «Курьер». Также обнаруживается 12 переводов с еврейского языка: из И. Л. Переца и Ш. Аша, Шолом-Алейхема и без указания оригинального авторства.

Переводы прозы со славянских языков представлены по большей части произведениями польских авторов, среди которых М. Конопницкая, Ц. Валевская, К. Тетмайер, Г. Сенкевич, Б. Прус, В. Серошевский, Э. Оржешко, А. Дыгасинский, В. Реймонт, В. Косякевич, С. Недзведский и др. Из сибирских авторов наиболее часто с польского языка переводит А. Станиславский и И. Северный. В комментариях к некоторым произведениям сообщается, что оригиналы взяты из газеты «Варшавский курьер». Объектом резонансного

¹⁹ Возвращение Петра Сольберга. Петра Эггэ (Перевод с немецкого) // Сибирский вестник. 1900. № 89.

²⁰ Художник. Г. Сенкевича (По немецкому тексту) // Сибирский вестник. 1901. № 277.

²¹ Фельетон «Сибирского вестника». 1891. № 30, 33, 36, 39, 42, 45, 48, 51, 54, 57, 60, 63, 66, 69, 72.

²² Подробнее о рецепции некоторых англоязычных авторов см.: Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 218 с.

восприятия сибирских литераторов, зрителей и переводчиков стало реалистическое направление польской литературы, «во многом благодаря схожести программных установок местных авторов: ориентация на назидательность, социально-ориентированную проблематику, на широкую целевую аудиторию»²³.

Интерес к польской литературе мог быть вызван несколькими факторами. Во-первых, среди редакторов и авторов газет было много ссыльных поляков. Во-вторых, культурно-политические особенности Польши в период отсутствия государственности и Украины с ее регионализмом на рубеже XIX–XX веков позволяли рассматривать их как неотъемлемую часть российской словесности. Сибирские авторы стремились к литературному объединению, открывали новое культурное пространство, стирая границы между регионами и государствами²⁴.

Переводы с украинского разделились в газетах на группы: с малорусского, с украинского и с галицийского, что обусловлено геополитической обстановкой рассматриваемого периода. Украинский регионализм оказывал влияние и на литературу. Следует отметить, что социокультурная обстановка в Малороссии в то время была в некотором смысле схожа с положением сибиряков. Малороссы подвергались влиянию соседних регионов, но в то же время находились в поиске собственного национального своеобразия²⁵. Этот поиск находил отражение и в литературе, в которой проявлялся особый национальный колорит, «дух народа»²⁶.

В томских газетах опубликованы также и переводы испанской и шведской прозы, переводы с армянского, датского, финского и японского языков, с китайского и грузинского, с монгольского, турецкого, португальского, чешского, румынского, сербского, греческого и эстонского.

²³ Подробнее о польской литературе на страницах сибирской периодики см.: Никонова Н.Е. Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910 годов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 119–133.

²⁴ Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и Сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 6–7.

²⁵ Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 76.

²⁶ Киселев В.С., Васильева Т.А. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья вторая «Необходимо снизойти под кровлю селянина...») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 74.

Переводы, выполненные специально для сибирской печати, обязаны своим появлением ограниченному кругу сибирских авторов, некоторые из которых переводили с нескольких языков (например, П. Черневич, Г. Вяткин, И. Северный, А. Станиславский), другие отдавали предпочтение одной иностранной культуре (например, М. Прейс переводил только с немецкого, а П. Граб – с украинского языка).

Очевидно, что выявленный нами корпус рефлексов иноязычной литературы, насчитывающий более 1000 текстов, представляет реализацию программной установки по развитию словесной культуры территории, восходящую к идеям сибирского областничества. Художественные переводы более чем с десятка языков не могли появиться спонтанно. В своей совокупности они значительно дополняют современную гуманитарную мысль о культурном плюрализме, провозглашенном Н. М. Ядринцевым и воплощенном впоследствии в деятельности Г. Н. Потанина, обратившегося к интеграции литературно-фольклорного наследия сибирских народов в единую региональную парадигму. Мотивы выбора авторов и произведений для перевода, стратегии их трансформации, сопутствующие им критические и аналитические обзоры, определенно предназначались для создания той почвы, о которой писал Н. М. Ядринцев в 1873 г.: «Идеалы общечеловеческого развития воспримутся, они носятся в современном воздухе, **они пройдут и в зарождающуюся национальность, но им надо дать почву**»²⁷ (выделено мною – Ю.С.).

Переводы с немецкого, рассмотренные нами далее монографически, выступают неотделимой частью описанного корпуса текстов. Их анализ с точки зрения переводоведческой, герменевтической, историко-культурной перспективы, с одной стороны, открывает специфику локального сегмента русско-немецких литературных связей. С другой стороны, он призван выявить характер имагологической составляющей коллективной стратегии авторов-сибиряков при обращении к данной иноязычной культуре, о которой писал Г. Н. Потанин,

²⁷ Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1 (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). С. 180.

считавший, что «нужно переводить с иностранного не на язык, этого недостаточно, а на формы русской жизни, на формы русского чувства»²⁸ (выделено мною – Ю.С.)

1.2. Постановки пьес немецких авторов на томской сцене в освещении местной печати

С появлением в Томске первого театра в 1850 году культурная жизнь города вышла на новый виток развития. Театр играл немаловажную роль в жизни Сибири на рубеже веков, выполнял не только эстетическую, но и образовательную функцию. Местные и гастролирующие труппы предлагали зрителю постановки отечественных классиков и зарубежных драматургов. Исследование сибирской театральной рецепции немецкоязычной литературы на рубеже XIX–XX веков донныне ограничивалось рассмотрением творчества наиболее популярных зарубежных авторов: Ф. Шиллера, И. В. Гете, Г. Зудермана, Г. Гауптмана и др.

Обширная рецепция наследия драматургов: Макса Дрейера (*Max Dreyer*; 1862–1946), Людвигу Фульды (*Ludwig Fulda*; 1862–1939), Отто Эрнста (*Otto Ernst*, 1862–1926), Рихарда Фосса (*Richard Voß*; 1851–1918), Артура Шницлера (*Arthur Schnitzler*, 1862–1931), Германа Бара (*Hermann Bahr*, 1863–1934) играла едва ли не более важную роль в развитии местного театра, в реализации просветительской программы сибирского областничества по формированию нравственных и эстетических идеалов развивающегося университетского сообщества, отразила попытки сибиряков посредством «чужого» выстроить собственную парадигму культурного сознания.

Как известно, первый томский театр был построен в 1850 году в городской роще на месте современного главного корпуса СибГМУ по инициативе золотопромышленника А.Е. Филимонова. Поскольку землю под театр выдали с условием дальнейшего освобождения ее под университет, деревянный театр

²⁸ Потанин Г.Н. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. С. 75.

просуществовал до 1882 года²⁹. В 1885 году купец Е. И. Королев построил в Томске новый, каменный театр, который так и называли «Театр Королева». Он просуществовал до 1905 года, пока его не уничтожил пожар. После этого спектакли в большинстве своем ставились на сцене Общественного собрания.

С открытием училищ, Технологического института и Сибирского университета в Томске сформировалась образованная общественная среда, состоящая из преподавателей и студентов. Стоит также упомянуть о ссыльной интеллигенции, которая сыграла большую роль в формировании культурной идентичности региона. Таким образом, томская публика была готова к восприятию постановок в театре произведений известнейших отечественных и зарубежных писателей: Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Ф. Шиллера, Г. Зудермана, Г. Гауптмана и др.

С 1880-х годов все чаще в местных газетах появляются рассуждения об уровне театра в Сибири. Так, например, в рубрике «Театральные впечатления» «Сибирской газеты» в 1882 году Ф. Полтавшук сетовал на тяжелую долю современного антрепренера: *«<...> совершенно ложны и неосновательны опасения, будто малоразвитая эстетическая публика не может быть заинтересована хорошей (не шаржированною) игрой и хорошей пьесой <...>, но, к несчастью, опасения эти слишком ходячи; вот почему нужно всегда быть благодарным провинциальному антрепренеру, если он, пренебрегая этими опасениями, ставит на сцену пьесу Островского, Гоголя, <...>; Грибоедов, Пушкин, Ал. Толстой из русских драматургов и иностранные классики – Шекспир, Шеридан, Гете, Шиллер, Лессинг, Мольер и др. – уже много труднее для постановки на небольшой провинциальной сцене. <...>»³⁰.*

Позднее, в 1887 году, в той же «Сибирской газете» появляется статья анонимного автора под заголовком «Театральные итоги»: *«Мнение об отсталости Сибири, об ее художественной грубости, о чрезвычайной слабости, почти отсутствии в ней запроса из впечатления прекрасного,*

²⁹ Родченко Ю.И. История первого томского театра (1850–1882 гг.) (на материале «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты») // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 78–81.

³⁰ Театральные впечатления // Сибирская газета. Томск, 1882. № 45.

облагораживающего и одухотворяющего, стало заурядной фразой, которую повторяет каждый, желающий щегольнуть собственным развитым вкусом»³¹. Автор статьи, ссылаясь на высказывание В. Г. Белинского, говорит о полноценности сибирского культурного сообщества и его «живой потребности изящного»³²: «Действительно, просматривая за год только то, что доходит до нас об эстетической жизни разных уголков Сибири, мы видим, что любительские спектакли устраиваются в Атбасарске, Ачинске, Барнауле, Бийске <...>, Тобольске, Томске, Тюмени <...>»³³.

Подобную точку зрения высказывал литератор и журналист Ф. Волховский, отводя театру значительную роль в воспитании общества. В связи с этим он предъявлял особые требования к театральному критику и обозревателю³⁴, который должен донести до зрителя особенности и смысл отношений, характеров и обстоятельств, составляющих содержание пьесы, и воспитать «правильные эстетические взгляды и инстинкты по отношению к литературе и драматическому искусству»³⁵.

Итак, театр выполнял важнейшую роль в жизни Томска. В статье «Пятнадцатилетний юбилей Томского школьного общества», опубликованной в «Томском листке» в 1897 году, помещается речь секретаря совета, основателя правовых основ областничества, известного общественного деятеля и правозащитника Р.Л. Вейсмана «Народный театр в связи с ближайшими задачами общества»: «...искусство призвано служить развитию эстетических сторон народного характера, к воспитанию и облагораживанию народных масс. <...> И только в последнее время начинают в пользу народного театра раздаваться голоса мыслителей и практических деятелей все громче и энергичнее <...>. **Задача театра и искусства вообще - сравнять ту глубокую пропасть,**

³¹ Театральные итоги // Сибирская газета. Томск, 1887. № 1.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Доманский В.А. Томская периодика XIX – начала XX в. как культурный феномен // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 13.

³⁵ Сибирская газета. Томск, 1882. № 48.

которая веками образовывалась между имущими и неимущими, самую ужасную пропасть непонимания друг друга»³⁶ (выделено мною – Ю.С.)

Поскольку театр Королева был доступен по большому счету только состоятельным горожанам, Вейсман указал на необходимость открытия театра, доступного всему населению: *«А между тем наши светильники мысли и поэзии в сущности известны небольшому классу лиц, т.н. интеллигенции. Вся же серая, бесформенная, многомиллионная масса живет, плодится и умирает, не имея представления о наших лучших друзьях писателях – Пушкин, Гоголь, Шиллер, Лессинг; эти великие поэты, которых воодушевляла любовь к народу, наверно отказались бы от своих памятников и мавзолеев, если бы они, умирая, сознавали, что к их могилам действительно «не зарастет народная тропа», что они работали и горели не только для кружка интеллигентных баловней счастья, но для всей народной массы»³⁷ (выделено мною – Ю.С.)*

В Томске народный театр так и не появится, но в театре при бесплатной библиотеке регулярно проходили спектакли, доступные любому зрителю.

Таким образом, на материале статей в дореволюционной печати мы можем судить о стремительном развитии театральной среды Сибири на рубеже XIX–XX веков, о растущем интересе публики к театральным постановкам. Томские газеты уделяли все большее внимание театральным обзорам и рецензиям. В крупных газетах «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета» регулярно появляются статьи известных сибирских журналистов, литераторов, критиков и общественных деятелей (Ф. В. Волховского, В. А. Долгорукова, Г. А. Вяткина, Н. Щукина и др.), посвященные обзору новых пьес или критике прошедших театральных постановок.

В 6 крупнейших томских и тобольских газетах обнаружено 243 публикации о немецких драматургах: Ф. Шиллер (50 упоминаний), Г. Зудерман (48), Г. Гауптман (40), К. Гуцков (20), И. В. Гете (15), М. Нордау (12), А. Шницлер (12), М. Дрейер (6), Л. Фульда (6), О. Эрнст (6), Г. Бар (6), Т. Герцль (5), Ф. Зуппе

³⁶ Городская хроника // Томский листок. Томск, 1897. № 169.

³⁷ Там же.

(4), Г. Фосс (3), Г. ф. Гофмансталь (2), Ф. Ведекинд (2), Г. Кадельбург (1), Ф. Бейерлейн (1), Р. Пресберг (1), А. Брахофогель (1), Л. Гангофер (1) и М. Бросинер (1).

Произведения Шиллера занимали ведущие позиции в томском театральном репертуаре. Читатели имели возможность самостоятельно приобщиться к творениям немецкого писателя: сочинения Шиллера были и в фондах Фундаментальной библиотеки Томского епархиального женского училища, и в библиотеке Томского (сибирского) императорского университета³⁸. Г. Гауптман и Г. Зудерман были не менее популярны, хотя их творчество не всегда воспринималось сибиряками однозначно^{39,40}. Но и интерес к современному немецкому театру имел системный характер.

Макс Дрейер (*Max Dreyer*, 1862–1946), немецкий писатель и драматург, один из основателей нового свободного народного театра в Берлине (1892) снискал широкую популярность в Германии, поскольку его пьесы ярко и эффектно освещали злободневные темы. Свой литературный путь Дрейер начал с натуралистической драмы. К литературным заслугам Макса Дрейера в общей сложности относятся 31 пьеса, 5 новелл, 18 романов, 4 сборника сочинений и один том стихотворений⁴¹, но в сибирской периодике его творчество освещается только в рамках драматургии. В просмотренных газетах публикуются отклики на 5 его драматических произведений: «Пробный кандидат» (*Der Probekandidat*, 1899), «Зимний сон» (*Winterschlaf*, 1896), «Семнадцатилетние» (*Die Siebzehnjährige*, 1904), «Долина жизни» (*Das Tal des Lebens*, 1902) и «Приват-доцент» (*Privatdozenten*, 1905).

Первая публикация в сибирской периодике, где упоминается имя Дрейера, представляет собой объемную статью «Драма учительской жизни», которая вышла в 1901 году в газете «Сибирская жизнь» и принадлежала автору,

³⁸ Лобачева Д.В. Драммы Ф. Шиллера на сцене томского театра (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. С. 157.

³⁹ Олицкая Д.А. Г. Зудерман в томской периодике рубежа XIX–XX вв.: литературно-театральный портрет // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009.

⁴⁰ Разумова Н.Е. Герхарт Гауптман в восприятии томской критики рубежа XIX–XX вв. // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009.

⁴¹ Puttkammer J. Mecklenburg-Vorpommern – 100 berühmte Köpfe. Erfurt, 2011. С. 84.

подписавшемуся псевдонимом «Нечай». Аналитическая заметка подробно рассказывает о двух пьесах, перекликающихся по проблематике и содержанию: сатирах из жизни педагогов и учеников «Пробный кандидат» Дрейера и «Воспитатель Флакман» Отто Эрнста. Публикация основана на работе Е. Ловича из «Вестника воспитания».

Пьеса «Пробный кандидат» повествует о молодом педагоге, который претендует на место учителя естественных наук в реальном училище, мечтает построить карьеру и улучшить систему образования. Но его мечтам не суждено сбыться из-за козней коллег и полного неприятия и непонимания со стороны начальства. Статья заканчивается выводами Ловича: *«Пройдет время, и школьная политика станет достоянием прошлого. Принцип свободы преподавания будет признан для всех школ. Ибо не может распространять познания правды та школа, где нельзя учить по совести и по научным убеждениям. И не может быть истинных учителей там, где учительскую жизнь превращают в драму, в борьбу, без надежды на победу, на право иметь совесть, убеждения и веру»*⁴². Очевидно, что данная тема находит живой отклик у сибирского читателя, поскольку тема школьной жизни была актуальна для Томска на рубеже веков в связи с открытием институтов и университета и активным развитием педагогического сообщества. Проблема устройства и реформации учебной и воспитательной среды требовала поиска новых решений. Восприятие инонациональной словесности служило при этом актуальным источником для дискуссии.

Следует отметить, что пьеса «Пробный кандидат» была самой популярной в наследии Дрейера, совершив настоящий прорыв в 1899: *«Der Probenkandidat wurde auf fast allen deutschen Bühnen gespielt und machte den Autor in ganz Deutschland bekannt»*⁴³ (досл.: «Пробный кандидат» была поставлена почти на всех немецких сценах и сделала автора известным во всей Германии»). Сибирские театралы и критики также не обошли талантливого немецкого драматурга-

⁴² Драма учительской жизни // Сибирская жизнь. Томск, 1901. № 221.

⁴³ Puttkammer J. Mecklenburg-Vorpommern – 100 berühmte Köpfe. Erfurt, 2011. С. 84.

натуралиста стороной, несколько его пьес были поставлены на томской сцене, рецензия на его драму включается в библиографический обзор⁴⁴.

В 1901 году в «Сибирской жизни» в разделе «Журнальное обозрение» публикуется заметка о натуралистической трагедии Дрейера «Зимний сон». Среди прочего, автор пишет: *«беллетристика «Мира Божия» не имеет ничего выдающегося, но рассказы Вересаева очень живые и интересные. То же можно сказать и о «Зимнем сне» – драме Макса Дрейера, переведенной О. Чужиной. Труда – девушка, не удовлетворяющаяся узкой семейной сферой в качестве дочери лесничего и невесты тоже лесничего Франца. Она молит отца: «Дай мне увидеть свет! Дай мне учиться и работать», и добряк отец уже готов отпустить дочку в Берлин из лесной глуши, но ограниченный, не развитый Франц, еще не будучи мужем Труды, уже считает себя в праве распоряжаться личностью Труды и Труда гибнет. Конечно, это не новая история, но драма тем не менее производит впечатление»⁴⁵*. Таким образом, социально-бытовая тематика, мотивы любви и юности, назидательный пафос пьесы также не чужды сибирскому зрителю, о чем свидетельствует следующая статья о пьесе Дрейера «Семнадцатилетние».

Статья написана Г. А. Вяткиным и опубликована в 1905 году в разделе «Театральная хроника» «Сибирского вестника»: *«„Семнадцатилетние“ Макса Дрейера едва ли являются ценной пьесой для настоящего времени. В ней нет общественной идеи, это драма чисто психологического характера, написанная под несомненным, нам кажется, влиянием Гауптмана, сказывающемся даже в мелочах, даже в обстановке»⁴⁶*. Далее Вяткин в одно предложение заключает сюжет пьесы: *«семнадцатилетний Фридер горячо беззаветно любит семнадцатилетнюю Эрику, но Эрика любит отца Фридера»⁴⁷*. Автор говорит о «шаблонности сюжета», приводя цитату из Гейне: *«Старинная сказка, но вечно останется новой она..»*, но, тем не менее, находит и положительные стороны:

⁴⁴ Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. Томск, 1901. № 236.

⁴⁵ Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. Томск, 1901. № 236.

⁴⁶ Театральная хроника // Сибирский вестник. Томск, 1905. № 158.

⁴⁷ Там же.

пьеса, по его мнению, *«дышит свежестью и ароматом здоровой, светлой молодости»*, в ней *«много красоты»*⁴⁸. Романтических мотивов, с точки зрения Вяткина, оказывается недостаточно ввиду отсутствия общественной идеи. Пьеса ставится также в 1909 году в Тобольске, о чем свидетельствует заметка в газете *«Сибирский листок»*⁴⁹. К сожалению, автор статьи не дает никаких характеристик прошедшему представлению.

В *«Сибирской мысли»* в 1907 году выходит еще одна статья Вяткина, посвященная на этот раз пьесе *«Долина жизни»* М. Дрейера: *«Макс Дрейер, бесспорно талантливый немецкий драматург; <...> в «Долине жизни» автор ярко осмеивает нравы и порядки немецкой аристократической буржуазии.. С удивительно тонким юмором, вполне художественными и в то же время вполне реальными штрихами автор рисует перед зрителем целую галерею типов того времени: с одной стороны – сильные мира сего, праздные, скучающие негодяи и пошляки, во главе с идиотом-маркграфом, который жаждет иметь сына-наследника и позволяет себя бесконечно дурачить в этом отношении, с другой стороны угнетенные, обездоленные крестьяне со своей не блестящей, но верной правдой, простотой и цельностью. – Хорошая, интересная, остроумная комедия!»*⁵⁰. В данном случае пьеса Дрейера *«Долина жизни»* встречает живой отклик сибирского общественника, очевидно потому, что в ней отражен дух времени, актуальный для настроения общества после событий 1905 года. Необходимо заметить, что пьеса *«Das Tal des Lebens: historischer Schwank in vier Aufzügen»* (*«Долина жизни: историческая шутка в 4х действиях»*)⁵¹ вызвала неоднозначный отклик и спровоцировала многочисленные запреты ее постановки в некоторых городах, включая наименее консервативный в то время Берлин⁵².

Очередной хвалебный отзыв Г. Вяткина на произведение *«талантливое немецкое драматурга»* Дрейера находится в № 88 *«Сибирской мысли»* за 1907

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Городская хроника // Сибирский листок. 1909. № 58.

⁵⁰ Театр и искусство // Сибирская мысль. 1907. № 58.

⁵¹ Здесь и далее дословный перевод Серягиной Ю.С.

⁵² Stark G.D. Banned in Berlin. Literary censorship in Imperial Germany, 1871–1918. New York, Oxford, 2012. С. 221.

год. Автор обозревает постановку «*сцен из университетской жизни в 4х актах*» – «Приват-доцент»⁵³. Критик отмечает, что: «*пьеса эта настолько интересна, что мы считаем нужным остановиться на ней теперь же. Действие происходит в Германии, в одном из небольших университетских городов; действующими лицами являются профессора, их жены, приват-доценты, студенты*»⁵⁴. Далее следует краткое описание сюжета с приведением отдельных запоминающихся цитат, например, из речи главного героя, борющегося с застоём в университетской среде: «*В глубоком негодовании я протестую против нападков на свободу науки. Я боролся с мракобесием всю жизнь и не хочу отказаться от этой борьбы теперь, на краю могилы!*»⁵⁵. Мотивы борьбы и революционные настроения были характерными для позиции Г. Вяткина, его гражданская лирика, как отмечали современники, была пронизана «огнем живых исканий»⁵⁶. Поэтому, не удивительно, что он положительно отзывается о пьесе Дрейера и акцентирует внимание на острых высказываниях. Завершается рецензия следующим выводом: «*Пьеса написана красочно и жизненно, с тонким юмором и с определенными взглядами на науку и университет, и мы не можем не рекомендовать ее томской публике*»⁵⁷. Таким образом, мотив выбора пьесы для постановки и интерес критика обусловлены острой социальной тематикой, актуальной для стремительно развивающегося университетского города. Очевидно, что остроумное, сатирическое творчество Макса Дрейера приходится по душе Г. Вяткину, выступая поводом для выражения собственной творческой и общественной позиции сибирского общественника и литератора, посвятившего драмам немецкого автора цикл критических заметок.

Другой выдающийся фигурой, встречающейся на страницах газет, является **Отто Эрнст Шмидт** (*Otto Ernst*, 1862–1926) – немецкий писатель и драматург, писавший под псевдонимом **Отто Эрнст**. В томских газетах упоминается его произведение, которое на протяжении 4 лет не

⁵³ Театр и искусство // Сибирская мысль. 1907. № 88.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Театр и искусство // Сибирская мысль. 1907. № 88.

⁵⁶ Жуков В. Георгий Андреевич Вяткин, кто он? // Класс. 2002. № 10. С. 2.

⁵⁷ Театр и искусство // Сибирская мысль. 1907. № 88.

единожды становилось предметом оживленных дискуссий в сибирской прессе, речь идет о самой популярной пьесе автора под заглавием «Воспитатель Флаксман» (*Flachsmann als Erzieher*, 1900).

Первое ее упоминание с подробнейшим пересказом содержания находим в упомянутой ранее статье «Драма учительской жизни» в № 221 «Сибирской жизни» за 1901 год. Среди действующих лиц – воспитатель мужской народной школы в провинциальном городке Флаксман, а также «художник-учитель» и «полная противоположность начальнику» Флемминг и школьный советник и профессор Прелль, «присланный для расследования «проступков» Флемминга». Сюжет комедии заключается в борьбе учителя с непродуктивными, устаревшими программами начальника и оканчивается победой Флемминга. Автор статьи пишет о концовке пьесы следующее: *«Конечно, от такого счастливого конца на душе не становится веселее: невольно является мысль, что при той организации школьного дела, которая изображена в пьесе, Флемминги могут побеждать Флаксманов лишь при необычайно счастливом стечении обстоятельств»*⁵⁸. Таким образом, содержание пьесы живо отзывается в сознании сибиряков, порождает вопросы и размышления, позволяет «примерить» ситуацию на реальность. Интерес этот не угасает на протяжении нескольких лет.

Подробное описание пьесы встречается в № 4 «Сибирской жизни» в 1902 году. В статье с подписью «Ю» дается обзор на постановку в театре Королева, которая прошла с аншлагом. Автор в своей заметке говорит о причинах такого повышенного внимания к произведению немецкого писателя: *«<...> пьеса эта задевает один из современных вопросов, близко касающихся всех слоев нашего общества, именно школьный вопрос. Все ожидали встретить в «Педагогах» что-то выдающееся, что-то особенное, многие надеялись услышать со сцены новое слово. <...> Борьба двух начал – нового, основанного на изучении природы ребенка, на полном единении ученика и учителя, на взаимном доверии и уважении учащихся и учащихся, на разумном и сознательном преподавании, и старого, – отдающего рутинной, канцелярициной и полным умственным и*

⁵⁸ Драма учительской жизни // Сибирская жизнь. 1901. № 221.

нравственным разложением – послужила мотивом для авторского замысла. <...> В пьесе выведен целый ряд лиц, принадлежащих к учебному персоналу школы, от которых веет полным умственным и нравственным убожеством, для которых школа – мертвая канцелярия, а дети – входящие и исходящие номера бумаг. И вот в такую-то затхлую, специфическую, убогую среду попадает молодой, талантливый учитель, стремящийся пролить в это темное царство луч света. С появлением этого живого человека в школе, разумеется, загорелась борьба»⁵⁹ (выделено мною – Ю.С.)

Несмотря на лестный отзыв о содержании пьесы, автор отмечает также ряд недостатков: *«В литературном отношении, по-нашему, пьеса сильно грешит против жизненной правдивости и художественности изображений, в ней много шаблона и утрировки, некоторые отдельные сцены поражают совершенно излишней сентиментальностью. Гораздо больше удались «Педагоги» автору в сценическом отношении, так как смотрится комедия легко, и некоторые положения вызывают здоровый смех публики»⁶⁰. Позднее, в 1903 году в № 121 «Сибирской жизни» автор под псевдонимом N дает очень емкую характеристику произведению Эрнста: «комедия, в которой осмеиваются школьная рутина и педагоги, поработанные этой рутинной, уже ранее шла в Томске и достаточно известна публике»⁶¹.*

В 1904 году в газетах «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» одновременно выходят статьи, посвященные постановке в Бесплатной библиотеке комедии Эрнста «Педагоги». В № 200 «Сибирской жизни» автор, подписавшийся псевдонимом Ipse, упоминает лишь о хорошей игре любительской труппы⁶². Г. Вяткин же в № 200 «Сибирского вестника» дает более подробную характеристику пьесе, также объясняя ее популярность: *«Комедия Отто Эрнста «Педагоги» стала популярной, не сходящей с репертуара пьесой не только в Германии, но и далеко за пределами ее. И, думаем, каждому понятно, чем*

⁵⁹ Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1902. № 4.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1903. № 121.

⁶² Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1904. № 200.

объясняется эта широкая популярность пьесы малоизвестного автора. Слишком уж обострился затрагиваемый пьесой вопрос, слишком уж порочна, душна и тяжела атмосфера, где воспитываются дети... Педагоги, фигурирующие в пьесе Эрнста, настолько ярко, рельефно и вполне реально обрисованы, что общая картина, развернутая автором перед зрителями, невольно заставляет последних брезгливо отвернуться от людей, навеки потерявших душу живую... Но зато как гордо, смело и убежденно звучат дышащие верой, честные, свободные и вдохновенные речи идеалиста Флеминга – речи о том, что необходимо освежить затхлый школьный воздух... Постановка «Педагогов» на сцене Беспл. библиотеки дает честь драматическому обществу»⁶³ (выделено мною – Ю.С.).

В одном ряду с произведениями на школьную тему, вызывающими особый интерес у критиков, зачастую ставится трагикомедия А. Хольца и О. Йершке «Траумулус» (Traumulus, 1905): «Prominenter behandeln die Figur des Lehrers Max Dreyers *Probenkandidat* (1900), Otto Ernsts *Flachsmann als Erzieher* (1901) und das von Arno Holz und Oskar Jerschke gemeinsam verfasste Drama *Traumulus*. Für alle Dramen und die Mehrzahl ihrer Verfasser gilt, dass sie zeitgenössisch äußerst publikumswirksam waren, ja teilweise als die populärsten Stücke der jeweiligen Autoren galten»⁶⁴ (Досл.: Более выдающиеся фигуры учителей представляют «Пробный кандидат» Макса Дрейера, «Воспитатель Флакман» Отто Эрнста и совместно написанная драма Арно Хольца и Оскара Йершке «Траумулус». На все драмы и на большинство их авторов распространяется то, что они в свое время были очень влияющими на публику и отчасти самыми популярными у соответствующих авторов. Однако отзывов и упоминаний о постановке пьесы «Траумулус» на томской сцене найдено не было.

Следует отметить, что Эрнст работал учителем, в произведение он вложил свой личный опыт. Как отмечает Вяткин, русскому зрителю и читателю Эрнст был не очень известен, хотя его стихотворения, вышедшие в 1889 году, принесли

⁶³ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1904. № 200.

⁶⁴ Whittaker G. Überbürdung – Subversion – Ermächtigung. Die Schule und die literarische Moderne 1880–1918. Göttingen, 2012. С. 233.

ему Шиллеровскую премию; он писал также литературные очерки, юмористические рассказы и фельетоны. При всем этом сибирскому обществу больше пришелся по нраву просветительский дух «Воспитателя Флаксмана».

Немецкий натурализм обозначился в сибирской периодике именем **Людвига Фульды** (*Ludwig Fulda*; 1862–1939) – известного немецкого драматурга, поэта, переводчика. В Берлине его сатирические пьесы имели большой успех. В сибирских газетах упоминаются 5 пьес Фульды: «Остров Робинзона» (*Robinsons Eiland*, 1896), «Школьные товарищи» (*Die Kameraden*, 1894), «Декаденты» и «Дурак» (*Der Dummkopf*, 1907).

Первое упоминание Фульды появляется в Томском листке в 1895 году. Со ссылкой на берлинского корреспондента «Киевского слова» публикуется объемная статья о недавней постановке в Берлине этой новой пьесы-сатиры. Автор отмечает, что пьеса «неделями не сходит со сцены и пользуется громадным успехом» и подробно пересказывает читателю ее содержание. Произведение повествует о небольшом, избранном обществе богачей, совершающем прогулку на пароходе «Утопия» и попадающем в шторм. Часть экипажа погибает, а остальные спасаются на уединенном островке посреди океана. *«На этом же острове и разыгрывается вся сатира: здесь образуется новая социальная организация, основанная на принципе: кто не работает, тот не ест. <..> Спасителем всего «избранного» общества оказался кочегар погибшего парохода, привыкший ко всяким испытаниям»*⁶⁵. Несмотря на интерес томичей к берлинской постановке и ее содержанию, пьеса «Остров Робинзона» в рассматриваемый период на томской сцене не ставилась.

В 1899 году в № 41 «Сибирского вестника» выходит статья Всеволода Долгорукова, известного своей жесткой критикой, посвященная поставленной в театре Королева комедии Фульды «Декаденты», переделанной для русской сцены Бентовиным. Пьеса, по мнению критика, «оказалась растянутым на три акта фарсом»⁶⁶. Далее Долгоруков поясняет: *«В первых двух действиях ее даже нет*

⁶⁵ Известия из газет // Томский листок. 1895. № 261.

⁶⁶ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1899. № 41.

веселых сцен, чтобы зритель мог бы хоть посмеяться от души; только длинные монологи и скучные сцены. Несколько забавнее последнее действие, в котором есть места, не лишенные комизма. Оригинал этой пьесы, как сообщалось в анонсах, увенчан премией от какой-то академии. Возможно, конечно, все. Венчали, бывало, и ослов... Но очень возможно и то, что оригинал пьесы более осмысленный и не лишен каких-нибудь достоинств – литературных или сценических. <...> У автора было, очевидно, намерение выставить в карикатурном виде так называемых декадентов; но из его намерения ничего удовлетворительного не вышло...»⁶⁷.

В. Долгоруков нелестно отзывается о пьесе «Декаденты», поскольку в Сибири на рубеже веков декадентство воспринималось негативно, о чем свидетельствуют, например, критические отзывы о новаторстве Ш. Бодлера⁶⁸. Данной темы избегали сознательно, и даже попытка Фульды высмеять декадентство не удовлетворила сибиряков.

Первое упоминание о постановке пьесы «Школьные товарищи» появляется в 1904 году в № 2 «Сибирского вестника». Автор ее, Григорий Вяткин, отмечает: «Довольно оригинальная, бойкая и остроумная комедия Фульда «Школьные товарищи» <...> прошла не совсем удачно»⁶⁹. В № 20 «Сибирского вестника» за 1904 год выходит заметка о повторной постановке: «Комедия «Школьные товарищи» прошла более дружно и бойко, чем в первый раз»⁷⁰. Выбор данной пьесы для постановки в бесплатной библиотеке еще раз указывает на интерес сибиряков к школьно-учительской, воспитательной тематике социально-бытового плана. Примечательно, что данную пьесу критики характеризуют как *satire on the «new woman»*⁷¹ (досл.: сатира на «новую женщину»). Это связано с раскрытием в комедии нескольких противоположных женских характеров. Женская тема для сибиряков представляла особый интерес на рубеже веков. Так, например, в 1896

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Родченко Ю.И. Особенности критической рецепции французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. С. 158-177.

⁶⁹ Театр и музыка// Сибирский вестник. 1904. № 2.

⁷⁰ Театр и музыка// Сибирский вестник. 1904. № 20.

⁷¹ Cardullo, B. German-Language Comedy. A critical Anthology. Selinsgrove, 1992. С. 23.

году в № 279 «Сибирского вестника» была опубликована заметка «Современная Ева», автор которой критически характеризует появившийся в обществе новый *«интересный женский тип, который заслуживает особенного внимания психолога, – это, именно, тип так называемой «дамы»»*⁷². Публикуются также рассказы Макса Нордау, описывающие различные женские характеры и судьбы (см. параграф 2.2.).

В тобольском издании «Сибирский листок» в 1913 году вскользь упоминается о нескольких постановках на сцене пьесы Фульды «Дурак». Автор, к сожалению, не приводит пересказ содержания и не дает никаких оценок самой пьесе, но при этом отмечает, что постановка очень хорошо была воспринята зрителями, этот факт ставится в заслугу бенефицианту, артисту Новскому^{73,74}.

Следует отметить, что в Берлине наиболее популярными из произведений Л. Фульды были пьесы «Die Aufrichtigen» (1883), «Unter vier Augen» (1886), «Die wilde Jagd» (1888), «Talisman», которые на Томской сцене не ставились, что может служить доказательством избирательности сибиряков: пьесы для постановок они выбирали, опираясь на собственные цели. Фульда, помимо драматических произведений, также является автором многих лирических стихотворений, сатиры и эпиграмм. Стихотворения Фульды изданы в 5 сборниках, вышло также собрание его повестей. Однако, несмотря на пристрастие сибирских читателей к немецкой поэзии, его стихотворения не были найдены в просмотренных томских и тобольских газетах.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод об оригинальном восприятии сибиряками немецкой драмы: с одной стороны, им импонировали социально-бытовые темы, но с элементом борьбы, критикой буржуазных порядков, с назидательным пафосом. С другой – намеренно отвергалось декадентство, а произведения без общественной идеи признавались недостаточно интересными. Особо выделяется интерес критиков и публики к «драме учительской жизни». Активное развитие культуры и университетской среды в

⁷² Сибирский вестник. 1896. № 271.

⁷³ Городская хроника // Сибирский листок. 1913. № 140.

⁷⁴ Театр // Сибирский листок. 1913. № 143.

рассматриваемый период требовало решения проблем обучения и воспитания. Все происходящие в Томске процессы были направлены на организацию университетской общественности, и критерии выбора пьес для постановок определялись этой направленностью.

Общее между рассмотренными драматургами – это принадлежность к натурализму и острая сатира на злободневные темы. Следует отметить, что М. Дрейер и О. Эрнст часто сравнивались немецкими критиками-современниками. Помимо очевидной связи их произведений «Пробный кандидат» и «Воспитатель Флакман», их также объединяет уход от натурализма на позднем этапе творчества, а также некоторая схожесть художественных приемов, например: «Otto Ernst wie Max Dreyer verwenden im Detail ihrer Stücke viel Heimatliches»⁷⁵ (досл.: Отто Эрнст как и Макс Дрейер использует в деталях своих пьес много отечественного). Дрейер и Фульда ставятся в один ряд в антологии Берта Кардулло, как одни из самых ярких представителей натуралистической сатиры⁷⁶, но в томской театральной и критической рецепции этот пафос не является главным мотивом для обращения к их наследию.

Немецкая драматургия на томской театральной сцене 1880–1910-х гг. была представлена достаточно выразительно: наряду с Ф. Шиллером, Г. Зудерманом и Г. Гауптманом, чьи произведения чаще других ставились в томских театрах, сибирскому зрителю были известны и немецкие драматурги-современники. Пьесы представителей немецкого натурализма – М. Дрейера, О. Эрнста и Л. Фульды – не могли не привлечь сибиряков злободневной социально-бытовой проблематикой и морально-назидательным пафосом. Таким образом, исходя из стратегий регионального восприятия, рассмотренных трех драматургов можно объединить по тематике их пьес. Особый интерес вызвали постановки, связанные с сюжетами из жизни школы, о буднях учителей среды и вопросах образования и воспитания.

Другая группа немецких и австрийских драматургов-современников, которые регулярно появляются на страницах сибирских газет, в частности, Артур

⁷⁵ Bartels A. Geschichte der deutschen Literatur. Band 2. 1902. С. 539.

⁷⁶ Cardullo, B. German-Language Comedy. A critical Anthology. Selinsgrove, 1992. С. 23.

Шницлер, Герман Бар, Рихард Фосс, характеризуется более критическим восприятием идей, актуальных в современности Европы – женского вопроса, идей парламентаризма и либерализма, натуралистической социально-бытовой драмы. В крупнейших ежедневных газетах Томска «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» в период с 1895 по 1912 г. выходят не менее 20 критических заметок о драмах названных авторов.

Ранее других местному читателю стал известен драматург и романист **Рихард Фосс** (*Richard Voß*; 1851–1918) – представитель немецкого натурализма, получивший признание в Европе до Первой мировой войны, о чем свидетельствуют многочисленные литературоведческие труды и диссертации того времени (К. Goldman, О. Pach, W. Thamm, P. Strengel и др.)⁷⁷.

Литературное творчество Фосса разнообразно: в 1911 году стал бестселлером его роман «Два человека» (“*Zwei Menschen*”), но ранее, в 70-е годы автор был более известен как драматург. В драмах «Непогрешимый» (“*Unfehlbar*”, 1874) и «Савонарола» (“*Savonarola*”, 1878) Фосс обратился к острым проблемам современности, эпохи Культуркампа (нем. «*Kulturkampf*»), представив конфликт между Бисмарком и католической церковью 1872–1880 гг. От исторических драм (например, его “*Luigia Sanfelice*”, 1882, была отмечена наградой), Фосс переходит к социальным акцентам, создав специфический тип драмы, в центре которой оказывается образ женщины эпохи *fin de siècle* (“*Magda*”, 1879; “*Mutter Gertrud*”, 1885; “*Alexandra*”, 1886; “*Eva*”, 1889). Именно женский вопрос и женские образы в пьесах Фосса вызвали живой интерес сибирских критиков, обозревателей и рецензентов, поспешивших занять собственную позицию по отношению к новым веяниям в европейском обществе и культуре.

В рубрике «Театр и музыка» в № 130 «Сибирского вестника» за 1895 г. помещается заметка Ивана Северного о социальной драме Фосса «Ева» («*Eva: Schauspiel in fünf Aufzügen*», 1889). Автор считает пьесу неподходящей для русского театра, признавая ее «сравнительно большой успех» в Германии.

⁷⁷ Bernhard, O. *Gestalt und Geschichte Savonarolas in der deutschsprachigen Literatur. Von der Frühen Neuzeit bis zur Gegenwart.* – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2016. S. 187.

Причины того, что произведение «никогда не дожидается того же на русской сцене», он видит как в несоответствии уровня выразительности, глубины характеров, изображенных Фоссом в целом; так и в различиях ментальности «немецкой бюргерской публики» и «русского зрителя», «характере художественных запросов русской природы»⁷⁸.

Рецензент подробно передает сюжет драмы, в которой вдовец граф Дюрен владеет Акционерным обществом, управлять им он назначает фабриканта Хартвига, честного и надежного предпринимателя, который боготворит дочь графа – Еву. Однажды предприятие графа терпит крах, во всем обвиняют Хартвига, который на самом деле ни в чем не виноват, т.к. граф Дюрен скрывал от него реальное положение вещей на предприятии. Ева, в то время обрученная с молодым и красивым графом Элимаром, чувствует вину за обман отца и становится на сторону Хартвига. Элимар недоволен этим поступком и дружбой Евы с мещанином, и Ева его отвергает. Хартвиг жертвует все свои сбережения и увязает в долгах, чтобы исправить положение акционерного общества. Отец Евы не выдерживает стыда и кончает жизнь самоубийством. Героиня выходит замуж за Хартвига из чувства долга и благодарности, но не по любви. Со временем она становится все несчастнее, родившаяся дочь не становится ей утешением, положение усугубляет и живущая с ними мать Хартвига, которая все время упрекает Еву за ее благородное происхождение. Однажды в жизни Евы снова появляется Элимар, который говорит, что все еще любит ее, и Ева возвращается к нему, решая оставить мужа и ребенка. Но Элимар не торопится жениться на Еве. Однажды Ева узнает о многочисленных женщинах, обманутых Элимаром, и требует от него заключения брака, чтобы сохранить свои отношения, и когда Элимар отказывается ей, она убивает его. После трех лет тюрьмы Ева смертельно заболевает. В день, когда она должна выйти на свободу, появляется Хартвиг, чтобы вернуть ее себе, но силы покидают ее и она умирает счастливой, оттого что он ее простил.

⁷⁸ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1895. № 130.

Сибирский критик подчеркивает, и что русскому зрителю нужно что-то более правдоподобное, близкое к действительности. Северный-критик выступает приверженцем ортодоксальных взглядов, верным ожиданиям, связанным с положительными женскими образами русской литературы – тонким, глубоким натурам, способным к сочувствию самопожертвованию и состраданию. Героиня Фосса, отстаивая свои представления о социальной и гендерной справедливости и решившаяся на убийство обидчика, видится ему далекой и неприятной. Действительно, Р. Фосс в своих произведениях отразил феминистические идеи европейской современности, во многом по этой причине его пьесы имели успех. Актуальная для западного театра социально-бытовая и идейная проблематика оценивается местным обозревателем как атрибут «слащавой мелодрамы».

Такая стратегия восприятия не находит соответствия в центральной русской рецепции драмы Фосса, о чем свидетельствуют, к примеру, отзыв о ней в журнале «Исторический вестник» за 1890 год: автор театрального обозрения положительно высказывается о драмах Фосса «Ева» и «Александра» «из жизни среднего класса»⁷⁹.

Драма «Ева» была поставлена в Томске в 1899 году, что следует из заметки известного местного критика Всеволода Долгорукова. По его мнению, пьеса «страдает и растянутостью, и сентиментальностью, – недостатками, присущими многим драматическим произведениям немецких авторов»⁸⁰.

И. Северный и В. Долгорукий оказываются единогласны в выводах об излишней «сентиментальности» драмы, однако под сентиментальностью критики, очевидно, понимают излишне прямолинейное и одновременно гротескное изображение эмоций, которое противоречит поэтике чувства, принятой в русской классике. Именно к таковой тяготел И. Северный в своем оригинальном и переводном поэтическом и прозаическом творчестве, выбирая произведения из

⁷⁹ *Istoricheskii viēstnik*, Том 42, 1890. С. 267.

⁸⁰ *Театр и музыка // Сибирский вестник*. Томск, 1899. № 47.

польской, французской и немецкой литературы с лирическим, мистико-романтическим или элегическим сюжетом⁸¹.

Живой интерес сибиряков к немецкой литературе 1880–1910-х гг. определяется вниманием к зарубежной мысли в целом, к дискуссиям о роли женщины в обществе и новому типу героини (например, о рецепции произведений М. Нордау см. параграф 2.2., о «новой женщине» в немецкой драматургии см. параграф 1.3.). Томские авторы охотно обращаются к освещению женских характеров нового типа в европейской литературе, но не принимают их в экстремальном варианте, отстаивая традиционные представления об исключительности высокой натуры. Провокативную зрелищность нового европейского театра, ориентацию на идейную тенденциозность драм „à thèse“, на «анализ общественных вопросов», «искание театральных эффектов на почве нарядной салонной психологии» томские обозреватели, как и рецензенты центральной периодики, легко опознают в «новейшем творчестве Вильденбрука, Рихарда Фосса, Анценгрубера, Голлендера и даже прославившегося своим новаторством Зудермана»⁸².

Однако, в отличие от театральных рецензентов, печатавшихся на страницах московских и петербургских журналов, сибиряки более последовательны в своем критическом отношении к популярному роду драмы. Так, пьеса Фосса «Чужой грех» (Schuldig, 1892), поставленная в 1898 г. в театре Королева, по мнению того же В. Долгорукова «своим окончанием производит впечатление мелодрамы», «смотрится тяжело, так как содержание ее растянуто». В то же время местный критик благосклонен к содержательной стороне постановки, замечая, что «идея драмы, собственно, благодарная и действительно заключающая истинные трагические сцены и положения»⁸³. Эта пьеса Фосса рассказывает о том, как Томаса Леера, осуждают за убийство на пожизненное заключение. Его жена Марта с детьми остается без средств к

⁸¹ Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике университетского Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. Томск, 2018. № 9. С. 30–52.

⁸² Вестник Европы. Вып. 11. 1896. С. 309.

⁸³ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1898. № 252.

существованию, в течение шести лет еле сводит концы с концами, затем, по выражению автора заметки в «Сибирском вестнике», «окончательно подавленная нуждой, не видя исхода впереди, боясь за участь своих детей, решается вступить в связь с неким Адольфом Крамером, грубым и наглым»; но «Томас Леер был осужден несправедливо. Убийцей был Крамер. Томас убивает Крамера, и таким образом невинный становится виновным». Концовка пьесы видится рецензенту неправдоподобной, искусственной: «Томасу в здравом уме стоило лишь раскрыть себя, и Крамер бы сам отказался от прав на его жену»⁸⁴.

Сюжет о невинно осужденном или раскаявшемся преступнике в целом является одним из самых популярных при выборе произведений для перевода в сибирской печати, и драма «Чужой грех» вписывается в имагологическую парадигму местного социокультурного самосознания, реализуя понятный читателю сюжет. Следует отметить, что обе драмы Фосса ставились по переводам одной из артисток местной труппы, Н. Пальчиковой. В этом же переводе пьеса ставилась и в других городах, о чем свидетельствует, например, запись в «Летописи Нижегородского-Горьковского театра» за 1798–1960 годы: «За чужой грех, перевод Н. Пальчиковой»⁸⁵.

В центральной рецепции встречаются положительные отзывы об этом произведении Фосса, связанные также с мотивом преступления и наказания. Например, в журнале «Труд: вестник литературы и науки» за 1895 год: «Там давали пьесу Рихарда Фосса «Виновный», потрясающая история человека, доведенного до преступления по причине несправедливого приговора»⁸⁶.

На родине немецкого драматурга, в журнале «Das Magazin für Literatur. Begründet von Joseph Lehmann» за 1891 год, вышла подробная статья о постановке “Schuldig” в берлинском театре. При этом пьеса получила оценку, сходную с замечаниями томского рецензента, который полагал, что в новой пьесе проявилась типичная для итальянской литературы «напыщенная

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Беляев Б.Н. Летопись Нижегородского-Горьковского театра, 1798–1960. Волго-Вятское книжное изд-во, 1967. С. 275.

⁸⁶ Труд: вестник литературы и науки. Том 27. Выпуски 7-9. 1895.

сентиментальность» («pathetische Sentimentalität»), которая «так непереносима для немцев» («die uns Deutschen so unerträglich ist»)⁸⁷.

Таким образом, постановки пьес Р.Фосса на томской сцене и отзывы местных рецензентов об этих постановках, во-первых, свидетельствуют о реализации стремлений интенсивно развивающейся сибирской интеллигенции к включенности в современный культурный процесс, непосредственной причастности к актуальным тенденциям в литературе, обществе, театральном искусстве. Во-вторых, судя по характеру сибирской региональной рецепции социальных драм Фосса, можно говорить о достаточной степени зрелости художественно-эстетического уровня и самостоятельности суждений рецензентов, независимости от центральной российской прессы и объективности критических оценок. Сибиряки чутко воспринимают новаторство немецкого автора в изображении женских характеров в новом социокультурном контексте эпохи, благосклонно осваивают резонансный сюжет о невиновном преступнике, но с высокой долей объективности отзываются о поэтико-композиционных недостатках пьес Фосса.

Оригинальное отражение в зеркале сибирской дореволюционной печати находит и наследие австрийского писателя, драматурга, представителя венского импрессионизма **Артура Шницлера** (*Arthur Schnitzler*, 1862–1931). Проза и драматургия Шницлера были широко известны, многократно переделывались для современной сцены, активно ставились в России и за рубежом. И хотя томские авторы-переводчики не обращались к творчеству австрийца, местный читатель имел полное представление о его месте на литературной арене и русских переводах. В 1902 г. Лев Троцкий⁸⁸ писал: *«Артур Шницлер становится в нашей литературе «своим человеком». Его «Трилогия» вышла в трёх разных изданиях, из которых одно, правда, никуда не годится, но ведь таковы уж вообще отечественные переводы. В декабре прошлого, 1901 года «Мир Божий» дал перевод трёхактной драмы Шницлера «Дикий» („Freiwild“), написанной в 1896*

⁸⁷ Literarische Chronik // Das Magazin für Literatur. Begründet von Joseph Lehmann. № 14. 1891. S. 222.

⁸⁸ Псевдоним дважды сосланного в Сибирь революционера, Льва Давидовича Бронштейна (1879–1940).

году, а в текущем году тот же журнал предложил своим читателям большую повесть Шницлера «Смерть», уже напечатанную семь лет тому назад в «Вестнике Иностранной Литературы». Мы имеем издание «новелл» Шницлера, кроме переводов, разбросанных по журналам»⁸⁹.

В томских газетах, «Сибирской жизни» и «Сибирском вестнике», находятся 12 упоминаний о А. Шницлере, которые представляют собой не только театральную рецензию, но и библиографические статьи о прозе австрийского автора. Первые заметки появляются в рубрике «Журнальное обозрение» газеты «Сибирская жизнь»: в 1898 году автор, подписавшийся криптонимом «А.», в статье о новинках беллетристики упоминает рассказ Шницлера: «*Не без таланта написан помещенный там же [в «Мире Божьем»] рассказ Артура Шницлера «Прощание», построенный на психологии молодого человека, возлюбленная которого умерла*»⁹⁰.

В 1902 году в «Сибирской жизни» выходит статья с подписью «Л.С.» снова с обзором публикаций в «Мире Божьем»: «*Не дурна переводная с немецкого драма Шницлера «Дикий» (“Freiwild”): она пропагандирует против дуэлей, так развитых в Германии, да и всюду среди военных. Павел Реннинг, проучивший бретера – Капитана Каринского пощечиной за негодяйский поступок, отказывается от дуэли: он полагает, что Каринский заслужил пощечину и с какой же стати ему – Павлу подставлять себя под пулю негодяя? Конечно, рассуждения Павла совершенно не понимаются даже друзьями: так въелся предрассудок! Каринский убивает Павла при первой встрече, хотя сознает в душе, что он, действительно, получил от Павла должное*»⁹¹.

Показательным примером сибирской рецензии творчества А. Шницлера является библиографическая заметка в «Сибирской жизни» за 1903 год о романе «Фрау Берта Гарлан» (“*Frau Berta Garlan*”, 1900). Автор, подписавшийся криптонимом «Л.С.», пишет: «*Это, если можно так выразиться, интересный*

⁸⁹ Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура старого мира. Сочинения. Том 20. Москва-Ленинград, 1926. С. 352.

⁹⁰ Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. 1898. № 270.

⁹¹ Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. 1902. № 16.

роман, взятый из очень неинтересной жизни: из жизни средней немецкой женщины. В Германии есть такие замечательные женщины, как Клара Цеткин; в Германии обсуждается вопрос об участии женщин в предстоящих выборах в рейхстаг, но в общем – средняя германская женщина занимает роль только жены и матери, хозяйки и няньки, ее права ограничены, ее умственный кругозор узок. Фрау Берта – героиня романа Шницлера – типичная немецкая женщина: даже ее бунт против женской доли выражается только в любовной аванюре. Более широких рамок для своей жизни она не ищет, ни о каких политических правах, ни о какой общественной деятельности она не думает. И она еще лучшая из худших»⁹².

Так известный роман Шницлера становится импульсом для высказывания местного обозревателя о женском вопросе и формирования собственной точки зрения, кардинально противоположной той, которая выразилась в немецком произведении. Роман повествует о судьбе обычной девушки, сложившейся из многих запретов: отец запретил Берте учиться в консерватории, выдал замуж за старика, который оставил ее вдовствовать с сыном на руках. Героиня позволяет себе единственную встречу с юношей, в которого когда-то была влюблена, и в этом заключается единственный из возможных для нее момент счастья. Трагизм типичной жизни героини романа Шницлера призван побудить к неприятию, протесту против запретов и детерминизма, против рамок социокультурных и гендерных стереотипов.

Томского автора эта история мотивирует к противоположным умозаключениям в духе религиозно-патриархальной аксиологии. В его интерпретации «Берта отдает себя всю Эмилию, но дальнейших встреч не последовало, Берта смирилась с этим унижительным разрывом, воспринимая его как возмездие за свой грех». *А дальше, вероятнее, уже поневоле потянутся добродетельные годы стареющей женщины, матери при подрастающем сыне»⁹³*, – заключает автор статьи. Немецкая героиня, как ее увидел местный

⁹² Библиография // Сибирская жизнь. 1903. № 128.

⁹³ Библиография // Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 128.

обозреватель, не соответствует представлению критика об образе женщины в обществе и литературе. Подобная точка зрения не является исключительной, напротив, реализует характерную для сибирского культурного самосознания стратегию восприятия женского вопроса и консервативного понимания роли сильной женщины в современном обществе. Сибиряки ориентировались во многом ретроспективно, акцентируя образ женщины, счастливой в своем жертвенном страдании, сглаживая острый социально-критический пафос европейской литературы в отношении такой трактовки.

Не менее интересная библиографическая заметка выходит в 1904 году в «Сибирской жизни» и посвящается сразу трем произведениям А. Шницлера: пьесам «В погоне за легкой добычей» (вышеупомянутая пьеса «Дикий» (“Freiwild”)), «Завещание» (“Das Vermächtnis”, 1897) и «Сказка» (“Das Märchen”, 1891). По мнению автора статьи, *«Артур Шницлер – один из выдающихся современных драматургов Европы. Драмы его читаются с величайшим интересом. Они всегда освещены значительной и глубоко человеческой идеей, темы, выводимые в них, всегда жизненны, а выполнение – отличается изяществом и художественностью»*⁹⁴.

Большее внимание в статье уделяется пьесе «В погоне за легкой добычей», в которой *«задет и чрезвычайно сильно выдвинут жгучий, болезненный вопрос о «чести» и о «дуэли»*⁹⁵. О двух других пьесах говорится только, что *«в них обеих чрезвычайно сильно обрисовано то, как предрассудки буржуазного кодекса морали, разбивают истинное человеческое счастье»*⁹⁶. Автор обзора дает подробный пересказ понятного русскому читателю дуэльного сюжета и фореизирует социально-бытовую драму, выставляя ее в виде чуждых сибирякам нравов европейцев, что вполне укладывается в динамично меняющийся после 1904 г. социально-политический контекст региона.

Библиографические обзоры, посвященные произведениям Шницлера, позволяют сделать вывод о том, что местная печать адекватно отразила место

⁹⁴ Там же. 1904. № 22.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Библиография // Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 22.

талантливому австрийскому писателю и драматургу в мировой литературе. Томский читатель получил достаточно полное представление об основных темах его произведений, связанных с женским вопросом, моралью современного социума. Однако идейный поворот в аналитических разборах местных обозревателей, их система приоритетов в оценке героев и сюжетов Шницлера свидетельствует о склонности авторов к консервативному мировоззрению.

Театральная же рецепция творчества А. Шницлера в Томске начинается в 1903 году с негативных отзывов критиков. Гастролирующая московская труппа ставит на томской сцене комедию Шницлера «Литература», о чем сообщают в «Сибирском вестнике» критик Всеволод Долгоруков под псевдонимом «Неизменный театрал» и в «Сибирской жизни» автор под псевдонимом «N». Оба критика не выражают восторга от представления. Неизменный театрал сообщает, что: *«...пьеса, несмотря на то что принадлежит перу даровитого автора, решительно не представляет из себя ничего выдающегося и смахивает на водевиль...»*⁹⁷. «N» пишет: *«Одноактная комедийка Шницлера, незамысловатая по содержанию – очень изящна по построению, и требует хороших исполнителей и детальной отделки игры, иначе публика, смотря ее, уснет»*⁹⁸.

Комедия А. Шницлера «Литература» (“Literatur”, 1902) представляет собой четвертую часть цикла одноактных пьес «Часы жизни: Тетралогия» (Einakterzyklus *Lebendige Stunden*, 1902). Пьесы связаны между собой единой темой взаимосвязи творчества и смысла жизни, на немецкой сцене они, как правило, ставились вместе, как 4-актный цикл. Сюжет «Литературы» составляет история о Гилберте и Маргарите, в прошлом влюбленных, которые хотят независимо друг от друга опубликовать любовный роман на основе своих неудавшихся отношений. Литература превращает жизнь героев в обман⁹⁹. Очевидно, что негативные отзывы томичей «Литература» получила в том числе и из-за неполноты художественного контекста в связи с постановкой ее отдельно от остальных произведений цикла. Кроме того, сюжет пьесы не был принят во

⁹⁷ Театр и музыка // Сибирский вестник. Томск, 1903. № 121.

⁹⁸ Театр и музыка // Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 121.

⁹⁹ Duhamel, R. Dichter im Spiegel. Über Metaliteratur. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. С. 49.

многим потому, что выражал идею разрушения незыблемости традиционных культурных ценностей, выраженных не в последнюю очередь в национальной литературе. Декадентский пафос оставил двух местных критиков равнодушными, заставив сконцентрироваться на внешней архитектонике постановки. В отличие от них, Л. Троцкий, ориентировавшийся более на центральную прессу, сообщивший в омском «Восточном обозрении» о выходе четырех пьес „Lebendige Stunden“ («Часы жизни») одним изданием 1902 г., отметил «водевильность» пьес Шницлера в позитивном ключе, как способ показать смесь игры и действительности¹⁰⁰.

В Томске театральная рецепция Шницлера продолжилась постановкой 1906 г. Пьеса «Фарисеи» (в оригинале “Das Vermächtnis” – «Завещание», 1898) была встречена благосклонно – отчасти благодаря созвучию острой социальной проблематики усилению политической ангажированности региона. Автор отзыва о спектакле передвижников, Б. Стрилько, отмечает, что *«фабула «Фарисеев» Шницлера не нова и не сложна. Автор обнажает одну из тех традиционных язв, которая в продолжение многих веков давит человечество – гнет среды и общественного мнения»*¹⁰¹.

Сюжет пьесы повествует о том, как сын профессора, доктор прав Гуго, перед смертью открывает родителям страшную для них тайну о том, что от внебрачной связи его с некой Тоней Вебер имеется сын, которому 6 лет. Герой просит исполнить его предсмертную волю – взять мать и сына к себе в дом и обращаться с ними, как с родными. Конфликт произведения основан на дилемме профессора: отказать в исполнении посмертного желания сына или навлечь на себя неодобрение общества, исполнив это желание. Скоро Гуго умирает, а Тоня со слабым и болезненным Франциском переезжают к профессору. С первых дней пребывания в доме девушке приходится нелегко, профессора тяготит присутствие новых жильцов. После смерти Франциска профессор считает свой долг перед сыном исполненным, семья отдаляется от Тони, за исключением дочери

¹⁰⁰ Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура старого мира. / Л. Троцкий. Сочинения. Том 20. Москва-Ленинград, 1926. С. 365.

¹⁰¹ Театр // Сибирская жизнь. Томск, 1906. № 131.

профессора, которая пытается вразумить семью. Тоня не выдерживает гнета и кончает жизнь самоубийством.

Фарисеи (лицемеры) – олицетворение главных проблем современного общества, которые волновали сибиряков: неравенство общества, высокомерие, отсутствие общественной морали, сочувствия к ближнему и т.д. В заключении рецензии критик резюмирует: *«Талантливый драматург в художественных красках осветил один из тех пережитков современного буржуазного общества и дал целую галерею типов, являющихся яркими носителями пресвященного фарисейства. Вся разница только в степенях»*¹⁰².

Тематика произведения Шницлера не нова для русской литературы, она созвучна, например, «Грозе» Островского: в основе сюжета – бездушное общество, в котором на первом месте внешние приличия. Подобное созвучие, основанное на христианских мотивах и чистом женском образе, не могло быть не замечено сибиряками.

В 1908–1910 гг. Шницлер продолжает позиционироваться на страницах сибирской литературной печати как один из признанных лидеров европейской литературы, хотя оценки его произведений не становятся более однозначными. О наследии немецкого автора специально высказывается один из самых активных сибирских литераторов и общественных деятелей Г. Вяткин. В 1908 г. он публикует объемный очерк¹⁰³, который начинается с перечисления выдающихся фигур пантеона современной литературы: *«Жизнь бьет усиленным темпом, вздымается и клокочет, как море под грозой кипит и шумит, - и, вечно покорный жизни, бьет усиленным темпом и пульс литературы. Я разумею не только русскую жизнь, и не только общественно-политическую. Я разумею подъем художественной мысли культурного мира вообще, в Германию, Австрию, Скандинавский полуостров и Россию в частности. В Германии – Ведекинд, в Австрии – Артур Шницлер, в Норвегии – Кнут Гамсун, в России – Андреев, Бальмонт, Куприн, Арцыбашев. Все эти имена – новые и крупные звезды на*

¹⁰² Театр // Сибирская жизнь. Томск, 1906. № 131.

¹⁰³ Литература и жизнь // Сибирская жизнь. Томск, 1908. № 46.

литературном небе, новые кумиры в литературном храме; их с жадностью читают, о них много говорят и пишут, о них многого ждут». Г. Вяткин критикует модернизм с его склонностью к излишнему самолюбованию. Выход из литературного тупика критику видится в соблюдении золотой середины – балансировании на границе между реализмом и символизмом. Перечисленные имена, в числе которых находится имя Шницлера, по мысли томского автора, соответствуют этому эстетическому принципу.

В то же время в отзыве на пьесу «Забава» (очевидно, имеется в виду «Liebeleï» / «Игра в любовь», 1895) в исполнении любительской труппы железнодорожного собрания, последнюю из известных томских постановок Шницлера, Вяткин отмечает, что жанр миниатюр лучше удается драматургу, чем крупные пьесы.

С одной стороны, 3х-актная «Забава» кажется критику *«сложной и длительной структурой»*, которая *«не идет к характеру творчества»* Шницлера, *«не вяжется с его нервной, изысканно капризной и ежеминутно меняющейся натурой»*. С другой стороны, Вяткин признает, что автор *«и в длинных вещах то и дело дает такие великолепные тонкие моменты, такой изысканно-изящный рисунок, что положительно очаровывает зрителя»*¹⁰⁴.

Пьеса повествует о том, как двойные стандарты общества и морали могут привести к печальному исходу. В основе сюжета – юный Фриц, легкомысленный и прожигающий жизнь, состоящий в тайной связи с замужней женщиной, баронессой Эггерсдорф, и юная особа Кристина, помолвленная с музыкантом, сослуживцем отца. Образ Кристины в немецкой критике характеризуется как *das süße Mädel* – образ девушки из провинции, естественной, скромной и простой, часто встречающийся в произведениях Шницлера¹⁰⁵. Кристина встречает однажды Франца, между ними возникает взаимный интерес. Франц решает оставить баронессу, но именно в это время мужу баронессы становится известно

¹⁰⁴ Театр и музыка // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 237.

¹⁰⁵ Blank, Ch. S.Liebe und Sexualität in Arthur Schnitzlers Drama “Liebeleï”. GRIN Verlag, 2009. S. 4.

об их отношениях. Он вызывает Фрица на дуэль и убивает с одного выстрела. Подавленная горем Кристина кончает жизнь самоубийством.

«Драма «Забава» – не сильна и недостаточно характерна для Шницлера, но она представляет собой богатый материал для исполнителей <...>. Что касается сюжета «Забавы», то он не блещет новизной и оригинальностью, а лейтмотив пьесы сводится к излюбленной Шницлером теме о любви, как величайшем чувстве», которое, однако, люди иногда склонны низводить к пустой забаве»¹⁰⁶.

Пьеса “Liebeleii” за рубежом была невероятно успешна и обеспечила Шницлеру прочные позиции в немецкоязычном театре и литературе¹⁰⁷. При этом, он долгое время ассоциировался именно с этой пьесой, в то время как его репертуар не ограничивался темами любви, смерти и характерной *das süße Mädel*.

Пьеса экранизировалась 5 раз: в 1927, 1933, 1958, 1969, 2003 годах. Активная интермедиаальная рецепция и интерпретация этой пьесы в немецком мире свидетельствует о ее репрезентативности в плане выражения этнокультурных ценностей и представлений.

Годом позже в рубрике фельетон «Сибирской жизни» печатается подробная статья П. Николаева под заголовком «Литературные миниатюры». Публикация представляет обзор современной литературы Западной Европы. Автор так же, как и Г. Вяткин отмечает, что *«каждая страна выставила по крупному таланту с такой необъемлющей популярностью, <...> что весь интерес к литературе сосредоточен только на нем, об этом писателе говорят всюду, его новые произведения ожидаются с жгучим интересом, словом он бесспорный корифей своего народа. Во Франции – Октав Мирбо, в Германии – Густав Френзен, в Австрии – Артур Шницлер»*. Интересно намерение автора *«вызвать у читателя желание, поглубже ознакомиться с этими бесспорно талантливыми писателями и при том весьма интересными, особенно для нас, русских, так как каждый из этих литературных корифеев Запада для момента,*

¹⁰⁶ Театр и музыка // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 237.

¹⁰⁷ Urbach R. Schnitzler Kommentar. Zu den erzählenden Schriften und dramatischen Werken. Munich: Winkler, 1974. S. 22.

переживаемого Россией, является глубоко интересным по своему мировоззрению; только нужно выбирать их сообразуясь со своим настроением». В данном высказывании отражена типичная для сибиряков стратегия избирательного восприятия «чужого» с целями, сообразными собственным интересам, обусловленными задачами культурной программы областников. Шницлер предстает в разборе Николаева как «изящный психолог-импрессионист», который «покоряет нас необычайной мягкостью своего таланта». Автору импонирует именно эта «мягкость ощущения, которое разработано автором с редкой грацией экспрессии», отсутствие намерения «вызвать у читателя чувство негодования и протеста». Поэтика чувства «грусти и немого раскаяния», согласно мысли критика, «может заинтересовать русского читателя в произведениях Шницлера»¹⁰⁸. Из произведений А. Шницлера автор статьи советует читателям прочесть «Смерть», «Берту Герлан», «Путь жизни», чтобы оценить «блестящий ум» писателя.

Таким образом, литературный талант А. Шницлера не остался незамеченным в Томске. Сибирские литераторы считали его бесспорным лидером среди австрийских писателей современности. Критики советуют к прочтению его повести и романы, их привлекает глубокий психологизм Шницлера, критика буржуазной морали, с интересом воспринимается описанный им образ немецкой женщины. Авторы статей о Шницлере восхищаются жизненностью тем, затронутых писателем, «жгучих и болезненных», но описанных с высокой художественностью. Томская театральная рецепция пьес Шницлера обнаруживает самобытный характер и, несмотря на неоднозначные оценки сценического воплощения, имеет одобрительную окраску.

Еще одним австрийским автором, снискавшим повышенный интерес сибиряков, является **Герман Бар** (*Hermann Bahr*, 1863–1934) – известный писатель, драматург, эссеист, режиссёр и критик; один из основателей и теоретик австрийского импрессионизма, организатор литературного направления «Молодая Вена». Наряду с А. Шницлером и Г.ф. Гофмансталем он утвердил

¹⁰⁸ Фельетон «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. 1909. № 20.

позиции австрийской литературы за рубежом. Как замечает современный исследователь австрийской литературы, Бар «не столько как драматург и романист, сколько как эссеист и литературный критик, был первым, кто ввел в немецкую литературу такие понятия, как «декаданс», «символизм», «импрессионизм», «эстетизм», «неоромантизм», «новый идеализм»»¹⁰⁹.

Эссе Германа Бара не единожды переводились на различные языки (английский, итальянский, испанский, китайский и др.¹¹⁰) критиковались, становились объектом научных исследований (см., например, труды Ф. Хедерсона¹¹¹, У. Брекнера¹¹², Д. Давье¹¹³). Во вступительной статье к сборнику избранных сочинений Г. Бара Л. Дунин называет его «наиболее успешным и уважаемым драматургом начала века, чьи комедии шли почти на всех немецких сценах»¹¹⁴.

В томской газете «Сибирская жизнь» выходит 5 статей об австрийском драматурге, первое упоминание Г. Бара мы находим в 1903 г. Читателю предлагается библиографическая заметка, речь в которой идет о комедии в 3х действиях «Апостол» (Der Apostel. Schauspiel in 3 Aufz, 1901) в переводе с немецкого О.Н. Поповой: «Немецкий писатель Герман Бар – пользуется репутацией литературной, так сказать, переметной суммы. Он писатель неустойчивый в своем направлении: то он «натуралист» в духе Золя, то он символист, то он декадент. – Как бы то ни было, но разбираемая пьеса написана со злою мыслью – подкопаться под идею парламентаризма, к которому автор, очевидно, весьма нерасположен. К несчастью автора, он представил перед зрителями такой парламент, какого нигде и быть не могло, – так что западно-европеец, знакомый достаточно с тем, что такое на самом деле парламент,

¹⁰⁹ Жеребин, А.И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 89.

¹¹⁰ Hermann Bahr. Österreichischer Kritiker europäischer Avantgarden [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.univie.ac.at/bahr/node/38716> (Дата обращения: 24.01.18).

¹¹¹ Henderson, F. Expressionism by Hermann Bahr. Translated by B.T. Gribble. – London, 1925. – 116 p.

¹¹² Breckner, E.W. Hermann Bahr and the Quest for Culture: A Critique of His Essays. – University of Wisconsin, 1978. – 351 p.

¹¹³ Daviau, D.G. Understanding Hermann Bahr. – Röhrig, 2002. – 500 S.

¹¹⁴ Bahr, H. Ausgewählte Werke von Hermann Bahr: Expressionismus (Essay), Die Hexe Drut und Dostojewski (Essay). Musica Books, 2017. 525 S.

увидя на сцене пьесу Бара, непременно скажет: *С кого портреты они пишут, и пожалеет об авторе, который, имея возможность воочию познакомиться с парламентом, игнорирует эту возможность и высасывает из своего пальца небывальщину*¹¹⁵.

Сюжет произведения разворачивается вокруг министра, главы правящей партии. Он стремится работать на благо народа, за что и заслуживает прозвище «Апостол», но некоторые из его соратников желают извлечь из его правления личную выгоду. Встретив сопротивление министра, они объявляют его вором на заседании парламента. К неожиданности Апостола, этому обвинению способствуют неопровержимые доказательства. Оказывается, жена министра, обделенная вниманием занятого мужа, занимает денег у одного депутата, участвующего в это время в сделке с министром о постройке канала. Бумаги о займе, подписанные женой министра, становятся доказательством виновности Апостола. Он разочаровывается в политике и начинает проповедовать любовь.

В конце обзора автор приводит цитату Апостола, адресованную его бывшему политическому противнику: *«Не надо партий, мой Андрей! не надо славы. Надо тихо сидеть среди людей, около них, близко, близко, с нежным участием; надо быть добрым и ласковым, бесконечно добрым, пока они не склонятся в нашу сторону и также станут добрыми, – один, другой, третий, многие и, наконец, в далеком будущем, побежденные силой любви, все до единого!»* – Это, конечно, самая удобная и успокоительная политика!..¹¹⁶

Пародия Г. Бара на парламентский строй приходится не по вкусу сибирскому критику. В виду обостренной социально-политической ситуации в 1903 году сибиряки большой интерес проявляют к политической тематике, а в пьесе Бара критик видит некоторую наивность и примитивность художественного вымысла. Г. Бар реализовывал в своих произведениях дух времени, и в «Апостоле» он предпринял попытку изобразить с точки зрения европейского

¹¹⁵ Библиография // Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 218.

¹¹⁶ Библиография // Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 218.

сознания критику нового строя, но со свойственным ему человеколюбием и анализом человеческой души.

Премьерная постановка «Апостола» в венском Бургтеатре была очень тепло встречена зрителями и собрала положительные отзывы критиков, которые отмечают, что пьеса полна любви и человечности. Примечательно, что авторы статей положительно отзываются и об описании парламента Г. Баром. Например, газета «Reichspost» в 1901 году писала: «*Wer das Parlament noch nicht in natura gesehen, braucht es sich nur im Burgtheater anzuschauen, wie es lebt und lebt mit seinen Abgeordneten, den Ministern, dem Präsidium, den Stenographen, den Journalisten, der doppelten Galerie, den Ordnern und Dienern, bis zum Glase Bier, das der Stenograph ab und zu zum Munde führt...*»¹¹⁷ (досл.: Тот, кто еще не видел парламент вживую, может увидеть его в Бургтеатре, как он живет со своими заместителями, министрами, президиумом, стенографистами, журналистами, двойной галереей, дежурными и служащими, вплоть до кружки пива, которую стенографист то и дело подносит ко рту).

Исследователи отмечают, что Г. Бар был подвержен влиянию французский образцов театра того времени. В немецкой газете «Fremden-Blatt» в 1901 году, а критической заметке об «Апостоле» Бара называют реалистом, который имеет точки соприкосновения с Октавом Мирбо, в частности, с его комедией «Geschäft ist Geschäft»¹¹⁸.

Другая комедия Бара, «Звезда» («Der Star. Ein Wiener Stück in vier Akten», 1898), получает в томской печати положительный отзыв, подписанный псевдонимом «Родриго» и опубликованный в «Сибирской жизни» в 1909 году: «*В пьесе Бара великолепно обрисована артистическая среда, ее нравы и обычаи... Артистки и артисты, клакер, капельмейстер, театральный доктор... все это выхвачено живьем из артистического мира. Но достоинство пьесы, конечно, не в жанровых картинках, а в ярко написанной душевной драме Лоны Ладинзер, звезды венского театра, рвущейся к тихому счастью, и молодого писателя Поля*

¹¹⁷ Die Reichspost. Wien, 1901. № 259. С. 9–10.

¹¹⁸ Benay, J., Pfabigan, A. Hermann Bahr - für eine andere Moderne. Peter Lang, 2004. S. 355.

Визингера, стремящегося к оригинальной, свободной, артистической жизни. Центральная роль Лоны выписана ярко, красочно... В ней масса оттенков, переходов от одного настроения к другому, масса материала для артистки. <...> Почему-то был выпущен весь четвертый акт, написанный у автора так просто, жизненно... Совершенно непонятно такое урезание пьесы на целый акт»¹¹⁹.

Под псевдонимом «Родриго» театральные рецензии публиковала актриса Е.И. Кирова, уроженка Киева, некоторое время проживавшая в Томске и организовавшая городской театральный кружок¹²⁰. Поэтому неудивительно, что пьеса о судьбе актрисы произвела положительное впечатление на рецензента. В немецкой же рецепции пьеса получила более сдержанные оценки. В австрийских газетах историю Бара о театральной жизни назвали неправдоподобной, а последний ее акт, положительно охарактеризованный Е.И. Кировой, критики посчитали избыточным и требующим сокращения. В 1998 г. в газете «Новый венский ежедневный листок» (Neues Wiener Tagblatt) о пьесе Бара благосклонно писали: «*Der Verfasser hat die schöne Fähigkeit, Menschen in der Kompliziertheit ihres Wesens zu zeigen. Seine Figuren sind immer noch etwas anders als sie zu sein glauben*»¹²¹ (досл.: Автор прекрасно показал людей во всей сложности их существования. Его фигуры представляют собой всегда немного больше, чем кажется).

В центральном регионе «Звезда» Бара описывалась критиками как «бессодержательная» комедия нравов, «в которых даются картины то поведения литераторов, то художников, то нефтяных дельцов, сановников и депутатов»¹²². Оценка же, данная пьесе в сибирской газете, представляет собой взгляд человека заинтересованного, непосредственно связанного с темой, описанной Баром, в связи с чем оценка эта недостаточно объективна. Актриса видит в «Звезде» знакомые мотивы, узнаваемых персонажей, но при этом она указывает и на

¹¹⁹ Театр «Буфф» // Сибирская жизнь. 1909. № 127.

¹²⁰ Томск и томская земля в воспоминаниях советской эпохи: аннотированная библиография / сост. Н.М. Дмитриенко, Е.В. Мавшенко, А.С. Сучков, и др. Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 15.

¹²¹ Neues Wiener Tagblatt. Wien, 1898, #314.

¹²² Яков О. Боярский Сто лет. Александринский театр – театр Госдрамы, 1832–1932, 1931. С. 335.

главную особенность творчества Г. Бара, которая была отмечена и зарубежными критиками – его способность живо и глубоко отражать человеческие характеры и судьбы.

В 1910 году на томской сцене была поставлена комедия Г. Бара «Концерт» (Das Konzert: Lustspiel in drei Akten, 1909). В № 224 «Сибирской жизни» вышла рецензия Г. Вяткина, где в характерной для него поэтической манере указывалось на практическую ценность пьесы для современного общества: *«Если «Комедия брака» С. Юшкевича представляет собою злую и грубоватую сатиру на нравы современного общества вообще и института брака в частности, то комедия Германа Бара «Концерт», написанная на ту же тему о браке, является пьесой совсем иного характера: изящной, грациозно-легкой, полной добродушиного, но вместе с тем ядовитого юмора, которым не бьет вас по лицу, но невольно вызывает у вас краску стыда за ту ложь, которой пропитаны и вы, как член изолгавшегося современного общества...»*¹²³.

Сюжет пьесы повествует о том, как жена доктора Юра, Дельфина, завязывает отношения с профессором музыки Густавом Гейнком. Узнав об этом, доктор Юра, приходит к жене профессора и рассказывает ей о своем горе. Она удивлена тому, что доктор никак не пытался остановить Дельфину. Юра утверждает, что не вправе мешать ей в поисках своего счастья. В конце истории супружеские пары волей судьбы встречаются в хижине, представ друг перед другом *«без всяких масок, в их настоящем, неподдельном виде»*.

Г. Вяткин восхищается не только изящностью и остротой сюжета, но литературным талантом Г. Бара в целом: *«В отношении художественной отделки пьесу Бара следует поставить довольно высоко. Да это и понятно, ибо Герман Бар уже зарекомендовал себя не только в Германии, но и далеко за ее пределами, как бесспорно талантливый драматург, и главным образом, как автор нашумевшей в свое время пьесы «Властелин жизни» («Необыкновенный человек»)*¹²⁴.

¹²³ Театр // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 224.

¹²⁴ Театр // Сибирская жизнь. Томск, 1910. № 224.

Впервые пьеса была поставлена в Берлинском театре в 1909 году. О том, что «Концерт» заслужил высших оценок публики, свидетельствуют, например, следующие строки в «Новом венском журнале» (Neues Wiener Journal): *“Man kann also ein volles Gelingen des Stückes konstatieren. <...> Direktor Brahm tret zum Schlusse nach dem minutenlangen Beifall, der das Haus durchdröhnt hatte, vor die Rampe, um dem Publikum im Namen des nicht anwesenden Autors für die warme Aufnahme des Stückes zu danken*¹²⁵“ (досл.: Итак, можно констатировать полный успех пьесы. <...> Директор [театра] Брам вышел в заключение после минутных аплодисментов, которые сотрясали здание, чтобы поблагодарить публику от лица отсутствующего автора за теплый прием пьесы).

В газете «Новая свободная пресса» (Neue Freie Presse) в 1910 пьеса также получила высокую оценку: *„Ohne Zweifel hat diese fröhliche Konjunktur auch Hermann Bahrs neues Werk “Das Konzert” wie überall in Deutschland so unlängst bei uns zu einem so lauten Erfolg emporgeragten. Indessen, dieses Stück ist so stark mit Heiterkeit geladen, dass es wohl auch in trübere Zeiten gezündet hätte. Es stellt einen dieser immer erfreulichen Falle dar, wo das Talent eines Schriftstellers von der Zeitströmung erfasst und geflügelt wird. Das Lustspiel ist zeitgemäß und kunstgemäß...*”¹²⁶ (досл.: Несомненно, этот счастливый экономический климат также привел новую работу Германа Бара «Концерт», столь популярную в Германии, и у нас к громкому успеху. Однако, эта пьеса настолько радостна, что она светила бы даже в унылые времена. Это один из тех приятных случаев, когда талант писателя подхватывается и уносится на крыльях духа современности. Комедия эта современна и соответствует всем правилам искусства).

Таким образом, тема брака, нетривиально описанная Баром, находит одобрение не только на родине писателя, но и в Сибири. Комедия «Концерт» содержит в себе все те компоненты, которые были важны для Вяткина-критика: острая, актуальная тема, назидательный пафос, но при этом в изящном,

¹²⁵ "Das Konzert" von Hermann Bahr. Erstaufführung im Berliner Lessing-Theater. In: Neues Wiener Journal, 1909. № 17.

¹²⁶ Ein Lustspiel. Neue Freie Presse. 1910. № 16346.

высокохудожественном воплощении. Здесь также можно говорить о тематическом комплексе пьес немецких драматургов на сюжеты из жизни театра, актеров, музыкантов, которые дополняют мотивы из будней педагогов, студентов и учителей.

Отзыв о комедии «Властелин жизни» (*Der Meister*, 1904), упомянутой в предыдущей критической заметке Вяткина, появляется спустя два года в «Сибирской жизни», в № 110 за 1912 год. Иосиф Иванов, сибирский литератор и переводчик, пишет о ней: *«В драматической литературе образ «властелина жизни» встречается не впервые. Ибсен занялся им прежде всех и в особенности. Герман Бар – один из талантливых последователей Ибсена, по глубине и силе, конечно, не равный ему. У героя пьесы Кай-Дора, «властелина жизни», поступающего наперекор всем предрассудкам, много врагов и в числе их родной брат его Мельхиор, врачебный инспектор, с женой Юлией. Для них Кай просто человек с недопустимыми странностями во взглядах на жизнь. Над полным их убожеством Кай может только смеяться. Смех его снисходительно-добродушен, когда они выступают врагами, и торжествующе-презрителен, когда они напрашиваются в друзья, узнав, что этот пропащий человек, недоучка, *honoris causa*, за небывало удачную операцию получает профессорское звание. <...> Победителем является тот, кто первым идет в «скачке страстей» и что «бесноваться всегда нужно»¹²⁷.*

Герой пьесы, Кай Дор – незаурядная личность, поступающая лишь по своим интересам и убеждениям, но окруженная персонажами боязливыми, не смеющими выйти за пределы общественных представлений о жизни. В Австрии пьеса была удостоена премии Bauernfeld Prize. На сценах Германии пьеса имела большой успех. В «Новом венском ежедневном листке» (*Neues Wiener Tagblatt*) в 1903 году помещается рецензия на постановку «Мастера» в Берлинском театре: *„Der Verfasser nennt das dreiaktige Stück eine Komödie, aber eine Komödie ist es nur so, wie das bunt verworrene Leben eine ist, wenn man mit bitterem Humor nach Schicksalen, die das Innerste aufwühlen, erkennt, dass sich der Weltlauf nicht nach*

¹²⁷ Театр // Сибирская жизнь. 1912. № 110.

unseren klugen Prinzipien richten will, dass das Elementare mächtiger ist als die Vernunft. Bahr hat sehr viel in dies herbe Drama hineinlegen wollen, und so ist es ein ziemlich kompliziertes Gebilde geworden”¹²⁸ (досл.: Автор называет трехактную пьесу комедией, но комедия заключается только в разнообразно запутанной жизни, когда человек с горьким юмором осознает о судьбе, которая будоражит самое сокровенное, что мир не следует нашим разумным принципам, что стихия сильнее, чем разум. Бар вложил очень много в эту суровую драму, и поэтому она представляет собой довольно сложную структуру).

Самое позднее упоминание Г. Бара встречается в «Сибирской жизни», в №136 за 1912 год. В рубрике «Театр» И. Иванов дает краткий обзор постановки на томской сцене комедии «Наполеон и Жозефина» (*Josephine. Ein Spiel in vier Akten, 1897*): *«В красиво написанном вступлении в комедию автор говорит: «Я хочу показать, что нет героев или все – герои, и хочу показать, что все люди похожи друг на друга – повелитель и раб, мудрец и дурак, великан и ничтожество, - в этом смысл пьесы». Показать, что Наполеон такой же, совсем такой же человек, как и все мы, автор сумел. Пьеса смотрелась и будет смотреться с интересом. <...> Комедия имела успех. Театр был полон»*¹²⁹.

Следует отметить, что в Германии и Австрии пьеса также была воспринята с интересом. В 1913 году в австрийской газете «Новая свободная пресса» комедия сравнивается с «Избранником судьбы» Б. Шоу: *“Als Hermann Bahr vor fünfzehn Jahren die “Josephine” schrieb, war Bernard Shaw für Deutschland noch nicht entdeckt. Dennoch mag der Wiener Schriftsteller Shaws “The man of the destiny”, jenes andere Spottlied auf die napoleonische Epopöe, das wenige Jahre vorher in England entstanden war, zu jener Zeit bereits gekannt haben. <...> denn in dem männlichen englischen Stücke herrscht schon im Titel der Mann, während es dem Oesterreicher, wie schon der Titel verrät, mehr um die Frau zu tun ist*”¹³⁰ (досл.: Когда Герман Бар написал «Жозефину» пятнадцать лет назад, Бернард Шоу еще не был открыт для Германии. Тем не менее, венскому писателю «Человек судьбы» Шоу, эта другая

¹²⁸ Neues Wiener Tagblatt, 1903. № 342.

¹²⁹ Театр // Сибирская жизнь. 1912. № 136.

¹³⁰ Neue Freien Presse, 1913. №. 17516.

пародия к наполеоновской эпопее, появившаяся несколько лет назад в Англии, в то время могла быть известна. <...> В мужской английской пьесе уже в названии господствует мужчина, в то время как австрийская, как сообщает нам название, больше касается женщины). Автор отмечает недостаточно высокое качество пародии в пьесах, но образ Жозефины и сюжет комедии Бара о том, что все люди подвластны простым человеческим слабостям и соблазнам, приходится немецким критикам по вкусу.

Таким образом, в творчестве Бара сибирскому зрителю больше импонировали его комедии, раскрывающие разные стороны личности предприимчивого героя, воспевающие талант и стремление к успеху. Восприятие сибирскими критиками творчества Бара не всегда соответствовало аутентичной рецепции его произведений, поскольку сибиряки более чутко принимали близкое по духу, применимое к местным реалиям.

Публикации в газетах рубежа веков свидетельствуют о высокой осведомленности сибиряков о событиях в литературном и культурном мире. Авторы пристально следили за новинками, актуальными направлениями, обзоредали не только постановки пьес немецких и австрийских авторов на томской сцене, но и другие их пьесы, выходившие в разные годы, и по тем или иным причинам заинтересовавшие томских критиков.

Важно отметить, что среди библиографических статей и театральные рецензий в сибирской печати мы наблюдаем исключительно оригинальную рецепцию, без перепечаток из других газет. Авторами статей выступают известные литературные и общественные деятели, переводчики. Выбор произведений отвечал требованиям программы областничества, которая *«была обращена к провинциальной интеллигенции и направлена на изменение ее сознания, а часто и на фактическое создание такой интеллигенции. Задачей интеллигенции, в понимании областников, было служение местным интересам,*

социально-экономическому, политическому и культурному развитию своего края»¹³¹.

Немецкий сегмент театрального репертуара Томска современен: пьесы современников ставятся в течение года-двух после выхода их в Германии, обзревается самые громкие новинки берлинского театра. В тобольском театре постановки немецких драматургов идут немного позднее, чем в Томске. Сибирские критики и литераторы зачастую хвалят постановку пьес немецких драматургов рубежа XIX–XX вв., но критикуют ее художественно-литературную составляющую. Как отмечают исследователи, такая стратегия была свойственна русской критике: *«Нередко острота и актуальность затронутых в пьесе проблем обеспечивала ей успех независимо от ее художественных достоинств»*¹³².

1.3. Литературно-переводческая деятельность сибирских авторов как выражение индивидуальных и программных рецептивных стратегий

Общество Сибири представляло собой смесь коренного населения и большого количества ссыльных, которые, по большей части, и образовали интеллигенцию региона. Подобное смешение культур обуславливало особое культурное пространство Сибири, связанное с центром, но в то же время независимое от него. Сибирская литература – понятие, на сегодняшний день так и не определенное¹³³, но, несомненно, обладающее неповторимой спецификой и требующее особого рассмотрения как в контексте общероссийской и мировой литературы, так и с точки зрения самобытного явления.

Уже в начале этапа формирования областничества Г. Н. Потанин и Н.М. Ядринцев говорили об особом образе автора-сибиряка, который вдохновляется народными интересами Сибири, опирается на собственные цели,

¹³¹ Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 6.

¹³² Разумова Н.Е. Герхарт Гауптман в восприятии томской критики рубежа XIX–XX вв. // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009.

¹³³ Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83.

что выражается в жанровых предпочтениях, в котором взаимодействуют региональная и общерусская концепции¹³⁴. Сибирские авторы формировали общую стратегию, отвечающую интересам областничества, но, при этом каждый из них обладал собственным неповторимым стилем.

При выявлении стратегий восприятия зарубежной литературы в сибирской периодике важно установить, кто выступал субъектом восприятия и определял ракурс избирательного освоения Чужого и видения в нем Своего. Круг авторов публикаций в периодических изданиях, сибирских критиков, переводчиков и литераторов изучен в недостаточной степени. Основные трудности для комплексного осмысления связаны с тем, что большая часть их работ выходила под псевдонимами, криптонимами, которые нуждаются в дешифровке. Тем не менее, можно выделить ряд важнейших фигур, имена которых поддаются атрибуции: это Георгий Вяткин, Иван Северный, Петр Черневич, Иосиф Иванов, Всеволод Долгоруков и др.

Программный характер восприятия в Сибири зарубежной литературы и культуры представляют публикации **Петра Львовича Черневича** в газете «Сибирский вестник». Период его творческой активности приходится на 1893–1897 годы. В общей сложности на страницах газет найдено не менее 20 переводов и не менее 15 критических, предметно-тематических обзоров на самые острые темы, связанные с вопросом о взаимоотношении полов и литературно-философскими течениями эпохи *fin de siècle*. Фактически, в них П. Черневич задал программу регионального восприятия основных идей и культурных явлений современности в целом.

Немецкий язык является преобладающим в репертуаре Черневича-переводчика (11 из 20). Примечательно, что источниками целого ряда его переводов служил немецкий журнал для женщин и семейного чтения “Freya” (“Freya, illustrierte Blätter für die gebildete Welt”), на что указывают комментарии к публикациям. Назидательная тематика и трогательные истории о маленьком

¹³⁴ Там же. С. 94.

человеке и о счастливом избавлении от несчастий данного журнала представляются сибирскому автору подходящими для местных читателей.

П. Черневич в большей степени сосредотачивает свое внимание на публицистической деятельности. В «Сибирском вестнике» выходят его заметки о современных философских идеях. Однако, судя по содержанию обзоров, его собственный взгляд на эти вопросы оставался неизменным и находился в русле традиционных ценностей русской литературы и христианской аксиологии. Черневич активно выступал против декадентских настроений, что проявлялось в его критике творчества Э. Золя и других французских писателей.

Томский автор задал и взгляд на современную аналитическую психологию, всматриваясь в идеи итальянского психолога Чезаре Ломброзо (*Cesare Lombroso*, 1835–1909). Его первая объемная статья о нем, вышедшая в «Сибирском вестнике» в 1894 году, восходит к сочинению Ломброзо, однако с противоположным пафосом: высказывание итальянского врача-психиатра о том, что любовь сама по себе редко выступает причиной самоубийств и преступлений, в статье сибирского публициста трансформируется, наоборот, в единственную причину: *«Существует один только род самоубийства – самоубийство от любви, о котором романисты и драматурги знают гораздо больше, чем психиатры и ученые»*¹³⁵. П. Черневич в своих эссе выражает общее неприятие в Сибири, в ее культурной программе, модернистов. В статье, посвященной влиянию модных психоаналитических тенденций на литературу, он пишет: *«Психология, как известно, в последнее время решительно завладела нашей литературой <...>. Но, странное дело, нормальный человек в литературных произведениях отсутствует, а вместо него писатели, наперерыв друг перед другом, стараются познакомить нас с разными психопатами»*¹³⁶. Исходя из географических и политических особенностей региона, сибирских публицистов живо интересует тема преступлений, их социальных и психологических предпосылок. Труды Ц. Ламброзо в этом плане представляются П. Черневичу во многом ошибочными

¹³⁵ Самоубийство по любви (по Ломброзо) // Сибирский вестник. Томск, 1894. № 136.

¹³⁶ «Преступления и типы преступников» // Сибирский вестник. Томск, 1899. № 226.

и необдуманными, но предоставляющими широкие возможности для дальнейших изысканий по этому вопросу¹³⁷.

Отдельная тема публикаций томского автора связана с творческим усвоением и переосмыслением идей Ф. Ницше, также определивших дух времени конца XIX в. (см. раздел 2.1.).

В том же ключе реализовывал культурную программу сибирских областников по формированию культурного самосознания ссыльный русский адвокат, издатель и журналист **Всеволод Алексеевич Долгоруков** (1845–1912), выступая ведущим театральным критиком. Более трети опубликованных с 1898 по 1899 год в «Сибирском вестнике» обзоров театральных постановок (более 50 из 159) принадлежат его перу. Свои публикации в газетах В. Долгоруков подписывает сокращенным именем «Всеv. Долг-ков», или псевдонимами «Всеволод Сибирский», или «Неизменный театрал». Под псевдонимом «Всеволод Сибирский» выходят также сборники его стихов: три сборника была издано при жизни, четвертый вышел посмертно¹³⁸.

В. Долгоруков по праву считается строгим и даже скептически настроенным критиком. Его стиль можно проследить, например, в его отзыве о постановке пьесы Г. Зудермана «Родина» в томском театре Королева: *«Дана очень хорошая и идейная пьеса «Родина» Зудермана – и публика, готовая усердно посещать цирковые представления, когда они бывают в Томске, посредственные оперетки и тому подобное, не находит возможным посетить бенефис хорошего артиста и оказать внимание честному труженику. <...> В театре в партере такой холод, что положительно невозможно сидеть без шубы, а без теплых галош – можно отморозить ноги <...>»*¹³⁹. «Неизменный театрал» критикует, зачастую достаточно резко, художественное наполнение пьес и творческие успехи их авторов. Например, в заметке о пьесе Л. Фульды «Декаденты» встречается следующее характерное высказывание: *«Оригинал этой пьесы, как сообщалось в*

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Скворцов Г. В. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. – Томск, 2004. С. 103.

¹³⁹ Сибирский вестник. Томск, 1903. № 12.

анонсах, увенчан премией от какой-то академии. Возможно, конечно, все. Венчали, бывало, и ослов...»¹⁴⁰.

Свое внимание В. Долгоруков уделял самым разным представителям зарубежной драматургии. На страницах «Сибирского вестника» обнаруживаются его отзывы о постановках пьес У. Шекспира, Ф. Шиллера, К. Гуцкова, В. Сарду, В. Гюго, некоторых польских пьес, а также на выступление чешского скрипача Франца Ондричека.

Всеволод Долгоруков был из семьи издателей, его дед издавал «Московские ведомости». Собственную издательскую деятельность он начал, еще будучи студентом в Москве, и продолжил ее в Сибири: он выступал редактором и издателем «Дорожника по Сибири и Азиатской России», который позднее переименовывался в «Сибирский наблюдатель» и «Сибирские отголоски». Также он издавал приложение к «Сибирским отголоскам», сатирическое издание «Бубенцы».

Однако впервые на страницах томской периодики он появляется в качестве переводчика. В рубрике «Фельетон Сибирского вестника» публикуются его переводы стихотворений с болгарского в 1887¹⁴¹, 1889¹⁴² и 1901 году¹⁴³ и в 1890 году – с французского¹⁴⁴. Оригинальное авторство стихотворений не указано, но, предположительно, что это современная болгарская поэзия, а именно круг поэтов болгарского освободительного движения второй половины XIX века (Х. Ботев, 1847–1876; П. Славейков, 1827–1895; Л. Каравелов, 1834–1879). К их творчеству на страницах томских газет обращается В. Долгоруков и Г. Вяткин, которых наиболее привлекали мотивы борьбы, стремления к переменам, светлому будущему:

¹⁴⁰ Сибирский вестник. Томск, 1899. № 41.

¹⁴¹ Сибирский вестник. Томск, 1887. № 135.

¹⁴² Там же. 1889. № 87.

¹⁴³ Там же. 1901. № 72.

¹⁴⁴ Там же. 1890. № 46.

СВ, 1887, № 135

<...>

Слышу я песни свободной
 ...,
 Радостный вижу народ...
 С масличной ветвью и жёны,
 и девы
 Разум! Могуч твой приход.
 ...
 Боже великий! Когда б на
 мгновенье
 Тот бы открылся нам век,
 Годы недоли, тоски и
 мученья,
 Всё б позабыл человек!

СВ, 1889, № 87

Был мрак кругом; но
 разошлись тучи
 И день над нами в блеске
 засиял,
 И чей-то голос – длинный
 и могучий
 Нам слово правды смело
 возвещал.
 <...>
 Увы! Надежды зло нас
 обманули,
 И солнце появилось к нам
 на миг;
 Лучи добра, как метеор,
 мелькнули –
 И солнца скрылся
 благодатный лик!

СВ, 1901, № 72

При звуке труб и пуль
 барабанном
 Мы встали ровно, чтоб на
 бой идти,
 И – словно дети – в
 воздухе туманном
 Уж прозревали славные
 пути.
 <...>
 Но, побеждённые, зачем
 покорно
 Мы отдались нечестью,
 как рабы,
 Не проявили стойкости
 упорной,
 А изливали жалкие
 мольбы?!

В 1899 году вышла статья В. Долгорукова об экономическом и социальном положении современной Германии. В качестве эпиграфа публицист приводит цитату из «Вильгельма Телля» Шиллера: *“Das alte stürzt; es ändert sich die Zeit. Und neues Leben blüht aus den Ruinen...”*¹⁴⁵.

Таким образом, в 1890-х годах посредством литературно-критических обзоров и переводов Черневич и Долгоруков, а также ряд других авторов, сознательно формировали оригинальную имагологическую стратегию восприятия зарубежной словесности сибирской публикой. Неприятие новейших деструктивных идей философии, аналитической психологии, литературы и театра определило критический и ретроспективный характер их репрезентации. В то же время избранные авторами для переводов тексты с легкостью осмысляются в комплексе, реализуя предпочтения Черневича и Долгорукова: тяготение к лиризму и чувствительному романтизму в публикациях первого и теме протеста против неразвитости и несвободы – в наследии второго.

Не менее важным представителем сибирской литературной среды являлся **Иван Иванович Северный** (настоящая фамилия Почекас) – один из первых тобольских поэтов начала XX века, который был некоторое время сотрудником

¹⁴⁵ Там же. 1899. № 188.

газеты «Тобольский листок»¹⁴⁶. Его работы, как переводные, так и собственного сочинения, печатались в крупнейших сибирских периодических изданиях, «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни». Наиболее активно И. Северный переводил с польского языка: выявлено более 10 переводов из Б. Пруса, Ц. Валевской, П. Косьминского и др. Примечательно, что в переводах польских произведений появляется не типичная для остального творчества Северного тематика социального протеста, социальной несправедливостью, критикой власти, хоть и обличенная «в предпочитаемую автором риторику поэтических метафор чувствительного романтизма или штюрмерства»¹⁴⁷.

Северный переводит 5 произведений с французского из А. Доде, К. Мендеса, В. Гюго и Ж. Леметра, включающих в себя и поэзию, и прозу, но, по большей части, с лирическим, мистико-романтическим сюжетом. Сибирский поэт выступал также в роли театрального критика постановок на томской сцене переводных зарубежных пьес.

С немецкого языка для сибирских газет И. Северный перевел 8 произведений. Из немецкого поэтического наследия сибирского поэта больше всего привлекают представители романтизма: Новалис и Г. Гейне. И. Северный использует их произведения для реализации собственного творческого потенциала, используя характерные для немецких поэтов образы и мотивы и преобразуя их в собственные сочинения.

Схожей стратегии придерживался и внесший значительный вклад в формирование регионального культурного самосознания за счет литературно-критической деятельности, общественный деятель, поэт и переводчик **Георгий Андреевич Вяткин** (1885–1938). Он родился в Омске, но его литературная деятельность началась в Томске, где после окончания института он работал редактором и фельетонистом в ежедневном издании «Сибирская жизнь», а также печатал свои произведения в местных газетах «Сибирский наблюдатель»,

¹⁴⁶ Голдин В.Н. Забытые имена тобольских поэтов // Проза.ру (Интернет-ресурс). Дата публикации: 04.06.2014. Код доступа: <http://www.proza.ru/2014/06/04/388>. Дата обращения: 19.02.2017.

¹⁴⁷ Никонова Н.Е. Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910-х годов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 129.

«Сибирские вопросы», «Сибирская неделя». «Сибирские записки», в изданиях центрального региона «Журнал для всех», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современник». «Летопись» и др. В Томске увидела свет первая книга Г. Вяткина «Грезы Севера» (1907), а затем в Новосибирске и Москве вышли и другие его сборники: «Опечаленная радость» (1917), «Чаша любви» (1923), «Алтайские сказки» (1926), «Вчера» (1933), «Стихи» (1959) и т.д.¹⁴⁸.

Г. А. Вяткин был значимой фигурой в литературном пространстве сибирской периодики. Он не только являлся редактором нескольких крупных газет (среди них «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Сибирская мысль» и «Сибирский наблюдатель»), но и публиковал в них многочисленные библиографические статьи, театральные рецензии, произведения собственного сочинения и переводы. В составленной нами библиографии сибирских переводов насчитывается более 20 работ Вяткина, из них 6 с немецкого (из Г. Гейне, Ф. Боденштедта и Р. Прутца), 4 с английского (из Р. Бернса и Г.У. Лонгфелло), 3 с французского (из Т. Готье, Гюи де Ровелена), 2 с болгарского.

Исследователи неоднократно обращались к оригинальному творчеству Г. Вяткина: изучались его художественные произведения и публикации (Е. И. Беленький, В. П. Трушкин, Л. А. Пукшанская и др.)¹⁴⁹, его эпистолярное наследие¹⁵⁰, а также его творческое наследие как рецензента (А. В. Яковенко). Фигура Вяткина-переводчика фрагментарно освещалась в работах Ю. А. Тихомировой¹⁵¹, В. Н. Горенинцевой¹⁵², Н. Е. Никоновой¹⁵³.

¹⁴⁸ Беленький Е. Творчество Георгия Вяткина // Е. Беленький. Писатели моей земли. Новосибирск, 1967. С. 18.

¹⁴⁹ Яковенко А.В. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестн. Ом. ун-та. № 2. Омск, 2007. С. 86.

¹⁵⁰ Зародова Ю.П. Эпистолярное наследие Г.А. Вяткина в фондах института русской литературы (Пушкинский дом) // Материалы научно-практической конференции «Литературное наследие Сибири». Москва, 2007.

¹⁵¹ Тихомирова Ю.А. Псевдопереводы Г. А. Вяткина из Роберта Бернса // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Т. 2. Москва : Флинта, Наука, 2014. С. 393-401.

¹⁵² Горенинцева В.Н. Английская и американская литература на страницах томской дореволюционной периодики: критика, переводы, театр / Отв. ред. О.Б. Кафанова - Томск: Томский государственный университет, 2010.

¹⁵³ Никонова Н.Е. Переводы немецкой литературы и лирика Г. Гейне на страницах томской периодики рубежа XIX-XX вв. // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры. Тобольск, 2007. С. 24–27.

Для перевода Г. Вяткин выбирал, как правило, достаточно известных иностранных авторов: Г. У. Лонгфелло, Р. Бернса, Ф. Боденштедта, Р. Прутца и др. Следует отметить, что Вяткин стремился привнести частицу собственного творчества в переводное произведение. Так, например, в переводе баллады Г. Лонгфелло “Excelsior!” он «намеренно усиливает героический пафос», уходит в элегическое русло, адаптирует текст для сибирского читателя, устранив из текста «чужое» слово. Таким образом, баллада Лонгфелло в переводе Вяткина становится своеобразным проявлением нравственной и гражданской позиции переводчика, «призывающего к возврату к романтическим идеалам в условиях реакции в общественной жизни страны»¹⁵⁴.

Примечательным образцом творчества Г. Вяткина являются три его стихотворения с пометкой «Из Р. Бернса». Поскольку среди оригинального творчества шотландского автора похожих произведений не удалось найти, исследователи приходят к выводу, что данные стихотворения являются своеобразной мистификацией со стороны Вяткина, игрой с читателем. «Вместо реальных иноязычных оригиналов в основу этих стихотворений, видимо, легли некие структуры, существующие в сознании Вяткина, концентрирующие в нем приметы бернсовского идейно-тематического пространства и основных жанрово-стилевых тенденций»¹⁵⁵. Подобное явление мы наблюдаем в публикациях Г. Вяткина стихотворений «Из Фридриха Боденштедта» (см. параграф 3.1.) и «Из Роберта Прутца» (см. параграф 3.5.) на страницах «Сибирского вестника». Из немецкой поэзии Георгия Вяткина особенно привлекает Генрих Гейне (1797–1856). В сибирской печати появляются два его перевода из Гейне и одно подражание (см. параграф 3.4.)

В 1905 году Г. Вяткин активно выступает в качестве театрального критика в газете «Сибирский вестник». За этот год в газете опубликовано более 30 его критических обзоров постановок зарубежных авторов. Рецензии Вяткина, как и его переводы, отличаются особой стилистикой: они представляют собой скорее

¹⁵⁴ Горенинцева В.Н. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁵⁵ Тихомирова Ю.А. Указ. соч. С. 395.

эссе, написанные высокохудожественным слогом. Вяткин обзорекает постановки немецких и французских драматургов, а также некоторые спектакли гастролирующей в Томске малороссийской труппы. Например, о пьесе И. Карпенко-Карого «Суета» сибирский критик пишет: *«Удивительно хорошая, глубокая по содержанию и безукоризненная по обработке пьеса наконец-то дана томской публике, которую до сих пор малороссы угощали исключительно мелодрамами вроде «Нещасне Кохання»... <...> Эта суета властно захватила всех в свои когти, сделала жизнь душной и тесной, парализовала порыв к идеалу. И великих усилий стоит человеку хоть ненадолго оторваться от нее <...>, среди суеты и во власти ее вне высоких задач и чистых стремлений, вне сознательного, честного служения родине – нет и не может быть счастья <...>»¹⁵⁶.*

Г. А. Вяткин занимает особое место в истории развития сибирской литературной и культурной среды, а также в развитии русской литературы в целом. Его своеобразная поэтическая манера и особая переводческая стратегия отражают его творческое восприятие и общие отличительные черты сибирской рецепции зарубежной литературы в целом, в том числе стремление к романтизации героев, высокой поэтике и лиричности образов.

В конце 1900-х гг. в репертуаре томской периодики появляется имя **Иосифа Иванова**, переводившего для «Сибирской жизни». Первый его перевод выходит в газете в 1909 году в рубрике «Маленький фельетон»¹⁵⁷. Это стихотворение итальянской поэтессы Ады Негри, с характерным назидательным пафосом, повествующее от лица девушки о мужчине, который мог бы быть достоин чувства, если бы не его легкомыслие и неспособность к бескорыстной и чистой любви.

Пик творческого пути И. Иванова в сибирской периодике приходится на конец 1911 года и 1912 год, когда публикуется его цикл из четырех переводов стихотворений австрийского романтика Н. Ленау: «Туча» (“Nebel”, 1831), «Упрек» (“Vorwurf”, 1834), «Праздник любви» (“Liebesfeier”, 1832), «Песня в

¹⁵⁶ Театр и музыка // Сибирский вестник. Томск, 1905. № 25. С. 3.

¹⁵⁷ Из Ады Негри // Сибирская жизнь. Томск, 1909. № 137.

камыш» («Sonnenuntergang» из цикла «Schilflieder», 1832). В 1912 году в «Сибирской жизни» выходит его перевод небольшого стихотворения «Карбункул» из романа «Генрих фон Офтендингер» Новалиса, одного из важнейших представителей немецкого романтизма (подробнее о переводческих стратегиях И. Иванова см. в параграфе 3.3.)

Сибирский поэт переводит и стихотворение Анри де Ренье, написанное в форме *stance* (стансы), о томлении лирического героя, выраженном в образах природы, реализуя прием психологизма, любимый романтиками¹⁵⁸. Стихотворная пародия И. Иванова под названием «Всем» на стихотворение в прозе Ш. Бодлера трансформирует декадентские настроения в жизнеутверждающий призыв любить верить и стремиться вперед¹⁵⁹.

И. Иванов выступает также активным театральным критиком в газете «Сибирская жизнь». Не менее двенадцати его критических очерков публикуются в рубрике «Театр» в 1912 году, они посвящены постановкам на томской сцене пьес Г. Зудермана, А. Бернштейна, А. Дюма, Г. Бара, О. Уайльда, Б. Шоу, В. Сарду, Д. Айзмана, Г. Гауптмана. Свои рецензии И. Иванов снабжает дополнительной информацией об авторе и о его других произведениях, об особенностях творчества, проводит параллели с другими представителями зарубежной литературы. Так, например, в статье о постановке комедии О. Уайльда сибирский критик дает объяснение оригинальному названию пьесы «The Importance of Being Earnest»: «Название это заключает в себе непере译имую на другой язык игру слов: “Earnest” – английское собственное имя, “earnest” же по-английски значит «внимательный», «серьезный»»¹⁶⁰. Далее он опровергает информацию из афиши постановки о том, что это «посмертная» комедия Уайльда, приводя некоторые даты и факты из творчества английского писателя.

Таким образом, Иосифа Иванова, как и двух других ведущих сибирских поэтов-переводчиков (Г. Вяткина и И. Северного), привлекали романтические

¹⁵⁸ Стансы. Из Анри де Ренье // Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 15.

¹⁵⁹ Иванов И. Всем // Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 225.

¹⁶⁰ «Что иногда нужно женщине» комедия Оскара Уайльда // Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 123.

мотивы и темы, однако Иванов, в отличие от них, значительно преуспел в передаче образности и основных концепций романтизма (см. параграфы 3.2. и 3.3.). Его литературные и театральные обзоры выполняли важнейшую для рассматриваемого периода просветительскую функцию.

Большинство переводов с немецкого языка в сибирской периодике выполнено неопознанными авторами или из неустановленных источников, в связи с чем они не привлекаются к исследованию. Они составляют целые переводческие циклы. Так, например, в переводе М. Прейса, подписывающегося криптонимом «М. Пр-м», в «Сибирском вестнике» в период с 1898 по 1900 год публикуются 23 перевода без указания оригинального авторства. Такими авторами также являются переводчики, публиковавшиеся под криптонимами «М.Ш.» (найдено около 40 переводов, преимущественно с французского языка), «О. К-ая» (в период с 1899 по 1903 годы печатаются 48 переводов с немецкого и французского языков), «Х.» (6 переводов с французского). Примечательным образцом рецепции немецкой литературы являются также 7 переводов Петра Черневича из немецкого журнала для семейного чтения «Фрея» (“Freya. Illustrierte Familien-Blätter”), оригинальные номера которого на сегодняшний день не удалось найти.

Сибирская литературная среда впитала в себя элементы самых разных культур. Однако благодаря активности сибирской интеллигенции в формировании региональной идентичности словесность Сибири на рубеже веков обрела свои неповторимые черты. Немаловажную роль при этом сыграла переводческая деятельность. Художественные переводы в сибирских газетах рассматриваемого периода выступали как отдельный вид творчества молодых литераторов, важный в культурном, социальном и образовательном аспектах для широкого круга читателей местных изданий.

Глава 2. Переводы малой прозы в сибирской печати 1880–1917 гг.: культурно-исторические процессы Европы, России и Сибири в представлении региональных авторов

2.1. Образ Ф. Ницше в интерпретации сибирских авторов

Русское ницшеанство и антиницшеанство конца XIX – начала XXI веков обладало определенной спецификой, но сибирское восприятие неоднозначной фигуры и наследия философа и литератора обладало оригинальным характером.

Наследие Ф. Ницше (1844–1900) до сих пор привлекает к себе живой интерес гуманитарной науки и остается во многом неизведанным, выступая благодатным полем для интерпретаций и разысканий философов, лингвистов, литературоведов. Латентная функциональность его произведений достигает искомой цели, порождая отличные, сменяющие друг друга варианты понимания, толкования, представления учений мыслителя в разных национальных, историко-культурных, индивидуальных измерениях. По наблюдениям Н. К. Бонецкой, «русский Ницше» – это «коллективное создание мыслителей Серебряного века», «плод «русской герменевтики»», «не портрет, а скорее, икона, и представленный ею лик не индивидуален, а тяготеет к универсальной человечности»¹⁶¹. На рубеже XX–XXI вв. имя Ницше снова вызывает оживленный интерес в отечественной мысли и гуманитарной науке, и современное прочтение вновь, скорее, отражает характер эпохи, не стремясь открыть неизвестные грани его философии: «Для нас Ницше, скорее, непреходящая интеллектуальная провокация, втягивающая нас в опасную и непредсказуемую игру мышления, которая в случае удачи позволит добиться новой «оптики», способной открыть новые тематические горизонты»¹⁶². Таким образом, имя и наследие германского мыслителя уже почти полтора века

¹⁶¹ Бонецкая Н.К. Русский Ницше // Вопросы философии [Интернет-ресурс]. Опубликовано 26.08.2013. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?id=788&option=com_content&task=view. Дата обращения: 20.02.2016 г.

¹⁶² Смольянинов А. Е. Мой Ницше. Хроники интерпретирующего пилигрима (Рецепция Ницше сквозь призму личного восприятия) // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/smolianinov/>. Дата обращения: 04.02.2016 г.

выступает продуктивным имагологическим конструктом, зачастую больше говорящим о состоянии воспринимающей культуры.

Идеи Ницше стали предметом оживленных дискуссий в России еще в 1890-х годах, когда появились первые переводы и критические статьи, как ницшеанского, так и антиницшеанского толка. Ю. В. Синеокая отмечает, что «первоначальное (примерно с 1892 по 1899–1900 годы) отношение российских интеллектуалов к творчеству Ницше можно охарактеризовать как резкое отрицание позитивной роли его учения, в котором традиционно усматривали симптом и отражение кризисных тенденций, присущих европейской культуре», в результате этого в публикациях столичных авторов России «был создан устойчивый образ Ницше – декадента, имморалиста, ниспровергателя идеалов, сторонника рабства и крепостного права, безбожника и проповедника зла»¹⁶³. И первым ницшеанцем по праву считается В. П. Преображенский, выпустивший в 1892 году очерк, содержащий критику ницшеанской «морали альтруизма»¹⁶⁴. Резкий взлет популярности Ницше в России начинается после его смерти и связывается с выходом первого собрания сочинений в 9 томах в 1900 году¹⁶⁵, принятием его философии, способствовавшей «российскому духовному возрождению», развитию русского новоидеализма¹⁶⁶.

В 1894–1907 гг. в сибирской печати («Сибирского вестника», «Сибирской жизни», «Сибирских отголосков») развернулась оживленная дискуссия о Ницше и его идеях, участниками которой стали видные общественные деятели Томска: Петр Иванович Макушин, основатель правовых основ областничества Сибири Рафаил Львович Вейсман; правнук Н. Лобачевского, поэт и переводчик Василий Эдуардович Дембовецкий; авторитетный литературный критик Петр Львович Черневич и др.

¹⁶³ Синеокая Ю.В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/ideas/>. Дата обращения: 04.02.2016 г.

¹⁶⁴ Преображенский В.П. Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма // Вопросы философии и психологии. М., 1892. Год III, кн. 15. С. 115–160.

¹⁶⁵ Ницше Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1900; 2-е изд.: в 9 т. 1902–1903.

¹⁶⁶ Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.): дисс. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. Москва, 2009.

Первый этап рецепции Ницше связан с именем П. Л. Черневича, широкий кругозор и талант которого отмечали современники¹⁶⁷. Впервые имя философа появляется в 1895 г. в рубрике «Очерки заграничной жизни». П. Л. Черневич сообщает читателю о выходе скандально известной книги Ницше «Антихрист» и некоторых обстоятельствах ее издания: *«Другой, не менее интересной литературной новостью является посмертное, если можно так выразиться при живом еще авторе, только что вышедшая в печать книга Ницше «Антихрист». Это последний том сочинений, наделавшего столь много шума философа, сошедшего с ума еще в 1888 г. До последнего времени мать и сестра отказывались печатать последнюю рукопись несчастного больного, но в конце концов, к сожалению, согласились»*¹⁶⁸. Из этого краткого отзыва явствует негативный характер восприятия фигуры философа и его наследия, предстающего в образе помешанного.

В том же году Черневич продолжает свою ницшеану в анализе романа Д. С. Мережковского «Отверженный» (1895). Рецензент отзывается о произведении одобрительно, прочитывая его ницшеанские мотивы адекватно современности: *«Этот роман интересен еще кроме того и в том отношении, что в нем разрешаются некоторые вопросы, которыми не так давно Ницше взбудоражил мир и которые до сих пор еще волнуют многие легко увлекающиеся головы. Перед вами «сверхчеловек», дерзающий на все, восставший против богов и думающий преобразовать мир, сделать его снова столь же прекрасным, каким он был некогда, во время древних героев и великих мудрецов. Но мир уже позабыл старые идеалы. Они перестали быть понятными для него и к ним не вернут уже его никакие сверхчеловеческие усилия. Сверхчеловек поэтому должен погибнуть»*¹⁶⁹. Сверхчеловек Ницше, а за ним и Мережковского, предстает в статье сибирского критика последним романтиком, Черневич вчитывает собственные смыслы в интерпретацию Мережковского, подчеркивая

¹⁶⁷ Черневич П.Л. // Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001. С. 72.

¹⁶⁸ Очерки заграничной жизни // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 27.

¹⁶⁹ Проповедь безумца. Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Нитче // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 151.

конструктивность этого образа и предваряя, по сути, то толкование, которое философы Ницше найдут в русском неоидализме начала XX в. Тенденция к романтизации, аксиологическому консерватизму, вере в незыблемость вечных моральных ценностей прошлого, в частности, прошлых периодов словесной культуры, характерна для провинциальной рецепции западной мысли в целом, что оказывается созвучным интенциям Мережковского¹⁷⁰. И размышления томского обозревателя наглядно это демонстрируют: *«Некоторые наши критики удивляются, что Мережковский сделал пол влиянием проповеди Ницше своего героя – сверхчеловеком по той причине, что сверхчеловек порождение якобы нашего декадентского Fin de siècle. Как будто, в то время борьбы двух миров и страшного крушения отживших мировоззрений подобные идеалы были немыслимы!»*¹⁷¹. Император Юлиан-сверхчеловек характеризуется Черневичем с помощью типичных формул эпохи романтизма: *«последний рыцарь язычества и всего того, что только было в нем прекрасного, последний эллин, умирающий на развалинах Эллады»*; *«человек с удивительной силой воли, но скрытный и склонный к мечтательности, отважный до безумия и вместе с тем трусливо-осторожный, философ и суевер, жесток и нежен, как девушка»*¹⁷². Эта особенность регионального культурного сознания видится и в том, что томский критик не принимает социологического прочтения Сверхчеловека, представленного в историческом романе либерала П.Д. Боборыкина «Перевал» (1894), сопоставляя его с «Отверженным» Мережковского: *«Этот роман еще более выигрывает среди разных других произведений наших беллетристов, которые, которые, как будто, прилагают все усилия к тому, чтобы отбить у читателя всякую охоту к чтению. Умалчиваем в этот раз об огромном романе Боборыкина, растянувшимся в целых шести книжках «Вестн. Евр.»»*¹⁷³.

¹⁷⁰ Малашонок М.Г. Д.С. Мережковский как автор, представитель романтической школы и романтический герой // Аналитика культурологии. 2008. № 12. С. 211–216.

¹⁷¹ Проповедь безумца. Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Ницше // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 151.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

Восхищаясь интерпретацией Мережковского, Черневич, с одной стороны, выявляет резонансные черты в духе религиозного идеализма, с другой, сознательно не приемлет пессимистские, эпатажные, нигилистские идеи Ницше в дальнейших своих заметках на страницах сибирской периодики, которые свидетельствуют об оригинальной рецептивной стратегии и исключают вероятное провинциальное неофитство.

Образ сумасшедшего философа Черневич разворачивает в своей последующей подробной статье «Проповедь безумца» (1895)¹⁷⁴. На риторический вопрос «Не безумец ли он, не зазнавшийся ли пророк?» автор очерка дает утвердительный ответ, подчеркивая, что душевный недуг – воздаяние, постигшее «странного апостола» («судьба страшно наказала его»). Опираясь на очерк Преображенского, Черневич пересказывает идеи Ницше, признавая разрушительную силу его таланта: *«Наша цивилизация никогда не видела еще до сих пор более страстного и непримиримого врага. Из всех нигилистов Нитче самый отчаянный. Никто до сих пор не нападал так резко на всю нашу культуру, не отрицал так безропотно современных идеалов; не осмеивал так жестоко науку и все наши излюбленные «измы» и идеи, как этот беспощадный отрицатель»*¹⁷⁵.

В то же время сибирский обозреватель отдает должное художественному гению германского философа. *«Редкий писатель, – замечает автор статьи, – сумеет вылить какую-нибудь группу мыслей в такую краткую и вместе с тем художественную форму, какой отличаются многие афоризмы Нитче. <> Они действительно поражают не только силою языка и изумительным мастерством в передаче самых неуловимых оттенков мысли, но и красотой своей формы, обладающей прелестью пластики и музыки. Проза Нитче – это образец художественности»*¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Проповедь безумца Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Нитче // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 151.

¹⁷⁶ Там же.

Очерк Черневича представляет собой характерный образчик первого этапа русского ницшеанства, повторяет его логику и опорные постулаты мифотворческого характера, к примеру, симптоматичное утверждение о польских корнях философа: *«Для русской публики учение Фридриха Ницше должно представлять двойной интерес. Во-первых, потому что он славянин по происхождению; во-вторых, потому что он один из наиболее оригинальных и сильных, если не самый оригинальный и сильный противник Толстого»*¹⁷⁷; отец Ницше оказывается «польским шляхтичем по происхождению (Nietzki)». Такая родословная значительно приближала фигуру немецкого пророка именно к сибирской публике, заметную часть которой составляли переселенные поляки.

Хотя оценка взглядов Ницше в статье томского критика не является сугубо отрицательной, его вывод возвращает читателя к мысли об иллюзорности его идей, об их чуждости русскому человеку: *«Вот в кратких чертах та проповедь, которой теперь так увлекается Европа. Перед нами не моралист в строгом смысле этого слова, потому что он не признает и не дает никакой морали, а скорее мечтатель-эстетик, ненавидящий действительность и приведенный в экстаз созерцанием призрачных своих идеалов»*¹⁷⁸.

Завершает свою заметку Черневич разбором историко-культурных предпосылок, породивших феномен популярности философии Ницше. Умозаключение критика о логике движения европейской мысли от традиционных христианских идеалов к философии Шопенгауэра, заразившей общество «безнадежностью и разочарованием» и обернувшейся жаждой новой «веры и надежды», которую утолили поиски «счастья в самом себе», представляется довольно зрелым для последнего десятилетия XIX века. Разгадка успеха Ницше, согласно Черневичу, в том, что его «проповедь как раз совпала с толками о великих правах личности, с появлением и развитием культа личности».

В следующем году после выхода заметки Черневича на страницах «Сибирского вестника» появляется произведение автора, подписавшегося

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Проповедь безумца Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Ницше // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 151.

псевдонимом Рафаил Лем'блан «Элегии в прозе». Одна из двух частей этого сочинения «II Философ (по поводу Ницше)» представляет оригинальную вариацию образа раскаявшегося мыслителя и его смерти, которая последовала только в 1900 году. Об авторе многого выяснить не удалось, известно только, что его перу принадлежат публиковавшиеся в сибирской периодике прозаические очерки, содержавшие литературные портреты скандально известных героев европейской культуры и истории, к примеру, Джека-потрошителя и Фауста¹⁷⁹. Кроме того, в фондах РГБ сохранилось издание сочинения «Вырождение евреев и Палестина» (Одесса, 1889), очевидно, принадлежащее его перу, что позволяет предположить в нем ссыльного литератора.

Если в изображении Черневича Ницше предстает «не моралистом», но «мечтателем-эстетиком», то в элегии Лем'блана его образ дан в линейной драматической динамике. В начале произведения перед нами холодный философ, который руководствуется только логикой и рассудком, который «бил и метал предания людей, их веру, Бога, идеалы, их увлечения и ошибки, их горести и радости мгновения», бьется «с безызвестностью, с суровостью нужды». Такой образ Ницше, который «мечтаньям чуждый поклонялся лишь рассудку», совершенно противоположен портрету, созданному Черневичем. Однако этот характер во многом необходим автору элегии для разворачивания контраста во второй части текста, где возникает образ сумасшедшего философа. Если в изображении первой ипостаси лирическое повествование организует мотивы холодности и твердости, железа и стали, молота и кузнеца, то в создании второй доминируют образы пепла, мрака и мути, смерти, мотивы сомнения и печали: «Какой-то мрак окутал мертвым саваном угрюмые глаза».

В финале элегии Лем'блан вводит фигуру матери Ницше, «измученной горем» и пробудившей сына от безумия своим шепотом: «очнись, сын мой, очнись хоть на миг!». Возвратившись на этот зов в «мир разумный» лишь на мгновение, Ницше раскаивается и просит мать сжечь созданные им книги, после

¹⁷⁹ Грустная история о том, как был похоронен господин Фауст // Томский листок. № 10; Джек Потрошитель // Томский листок. № 23.

чего умирает. Эта тема выражается в мотиве света и огня: «осветилось вдруг лицо», «какой-то луч сверкнул», «потух огонь». Возникающий в финальной строке образ звезды («Звезда померкла навсегда»), эхом отзовется в переводческом восприятии поэтического наследия философа на страницах томской периодики в 1907 г. (см. об этом ниже).

Элегия предоставляет понятный автору и читателю образ Ницше сквозь призму его биографического мифа, элементы которого имелись и в статье Черневича. Лем'блан продолжает заявленную критиком тему безумия, обращая с ее помощью жизненную канву Ницше в христианское русло. Страдания, болезнь, осознание ошибок и заблуждений, покаяние перед смертью превращают героя элегии чуть ли не в святого: если Черневич называл Ницше апостолом в абстрактном смысле, то в элегии к безумному философу буквально идут паломники («пилигримы ездили к нему в деревню»). Хотя Лем'блан использует общеизвестные факты о биографии Ницше в последние годы жизни с матерью, среди которых – и ложные известия о смерти философа: будучи погруженными в лирическое измерение жанра чувствительной элегии, они создают романтически-трагический образ главного героя, которому читатель может только сочувствовать. Это уже совершенно иной характер рецепции, который может быть назван в рамках теории Антуана Бермана¹⁸⁰ domestiцирующим, присваивающим (в отличие от преимущественно фореизирующего, отчуждающего в заметках Черневича).

В самой структуре этого своеобразного некролога ощущается сложное взаимодействие разных культурных традиций, начиная от античной эпитафии и заканчивая романтическими кладбищенскими элегиями, жанром, получившим особенное распространение в русской литературе XIX века¹⁸¹. И даже тот факт, что написан весь цикл прозой, что манифестировано в его названии, не отменяет того обстоятельства, что типологически стихотворение «Философ» совпадает по своей структуре с так называемой аналитической (по классификации

¹⁸⁰ Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. P. 1–8.

¹⁸¹ Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. – М.: Языки славянской культуры, 2013. С.33–79.

М.Л. Гаспарова – «расчленяющей») элегией, имеющей трехчастное строение: «экспозиция, рисующая исходную ситуацию; ложный ход, намечающий возможное разрешение ситуации; отказ от ложного хода и предпочтение другого хода, истинного»¹⁸².

Не случайно и то обстоятельство, что именно жанр элегии, особо выделявшийся самим немецким философом, стал основанием для художественного обобщения томского автора: элегическая печаль о вечной утрате и сама элегия, которая «вне зависимости от способа воплощения, осознается как универсальная лирическая форма, как субститут лирики»¹⁸³, выдвигаются Лем'бланом в качестве структурообразующего, гармонизирующего начала в рассказе о трагической судьбе философа, усомнившегося в морали и Боге. Именно потому при довольно последовательной метрической реализации канонического для русской элегической поэзии ямбического метра, автор упорно избегает упорядоченности ритмических рядов и маркирующих их рифменных созвучий:

*Он был философ. (1.1.1) Холодным взором (1.1.1) прорезывал он прошлое
людей. (1.33.0) Мечтаньям чуждый (1.1.1) он поклонялся лишь рассудку. (3.11.1)
Он презирал любовь, (3.1.0) как бьющую из рудников страстей. (1.51.0)*

В ритмической каденции этого зачина проявляются некоторые черты типологического сходства с горьковской «Песней о Соколе», напечатанной за год до публикации в «Сибирском вестнике» в 1895 году и ставшей своеобразным манифестом демократической печати тех лет. Двухстопный ямб метризованной прозы, восходящий к экспериментам Горького и составляющий в структуре элегии всего лишь около 18 %, маркирует собой первую часть текста, разделенного астеризмом, а во второй образует кольцевую структуру за счет повтора знаменательной формулы: «Потух огонь, (3.1.0) поблекли краски (3.1.0)» (ср.: «Потух огонь, (3.1.0) померкли краски (3.1.0)»). При этом большую часть

¹⁸² Гаспаров М.Л. Три типа русской романтической элегии // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 363.

¹⁸³ Толстогузова Е.В. Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (7). С. 5.

элегии составляют ритмические комплексы, интерпретируемые как 4-стопный (33 %), 3-стопный (25 %) и 5-стопный ямб (18 %), что заставляет вспомнить о том, что одной из линий развития русской элегии был ямб вольный¹⁸⁴.

Определенную урегулированность чередованию ямбических форм разной длины придают амебейные приемы повторов словесных комплексов с принудительно акцентированным личным местоимением 3 лица единственного числа: «Он был философ <...> Он презирал любовь <...> Он долго бился с безызвестностью <...> Он сшел с ума <...> Он с матерью своей ютился». Рассредоточенные по всему тексту, эти конструкции с прономинализацией создают особенный нарративный модус всего повествования, с которым резко контрастирует собственно элегический модус этого во многом уникального произведения, реализуемый с помощью ритмико-стилистические клише, в основном выполненных 5-ти и 6-стопными ямбическими конструкциями: «Какой-то мрак из пепла и печали», «...ютился в комнате в селеньи одиноком», «и книги вещи и дерзкие по мысли / витали в воздухе отравленной струей» и т.д.

В год смерти философа в сибирской печати появляются две заметки: тобольский «Сибирский листок» отзывается перепечаткой некролога¹⁸⁵, а в Томске выходит объемистая работа известного правозащитника, общественного деятеля российского масштаба Р. Л. Вейсмана «Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз»¹⁸⁶. Из краткого предисловия к этому сочинению становятся очевидны задачи автора, его целевая аудитория и коммуникативная установка: *«Критическое отношение в деталях к Ницше могут себе позволить лишь крупные аналитики. Если следует говорить, то полным сочности и красок языком самого философа. Наша задача провинциального обозревателя – дать намек на взгляды Ницше на нравственность и преступность – далеко не единственные темы его философии – в надежде, что интеллигентная публика обратится к его сочинениям, из которых наиболее существенные имеются уже в*

¹⁸⁴ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2 изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. С.59.

¹⁸⁵ Фридрих-Вильгельм Ницше (Некролог) // Сибирский листок. Тобольск, 1900. № 70.

¹⁸⁶ Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз // Сибирский вестник. Томск, 1900. № 216.

*русском переводе*¹⁸⁷. Мотивы выбора темы в общем продиктованы профессиональными интересами разделявшего взгляды областников автора, добивавшегося особых правовых положений для Сибири, а также ее актуальностью для региона, поэтому Ницше «локализуется» в Сибири, как, к примеру, и его оппонент М. Нордау¹⁸⁸, в частности, посредством анализа отношения к феномену преступности.

Вейсман обращается к трем работам Ницше: «Помрачение кумиров» (более известное под заглавием «Сумерки кумиров (идолов), или как философствуют молотом», 1888), «По ту сторону добра и зла» (“Jenseits von Gut und Böse”, 1886) и «Так говорил Заратустра» (“Also sprach Zarathustra”, 1883-1885). На основе этих сочинений адвокат раскрывает основные концепты философии права германского мыслителя, как то: нравственность, «мораль господская» и «мораль рабская», «наказание» и «улучшение», «дисциплина расы», «преступник» и «патология». Вейсман отдает должное энергетике художественного слова Ницше, признавая «удивительную поэтичность и гениальность напоминающей псалмы философской поэмы “Also sprach Zarathustra”», однако, излагая и комментируя тезисы его творений, не всегда с ними соглашается, то есть «эскиз» обнаруживает и оригинальные аналитико-критические стороны. Так, сибирский автор не соглашается с отрицанием роли религии в оформлении понятия нравственности (*«Все средства, с помощью которых человечество должно было сделаться нравственным, были совершенно безнравственными»*), говоря о том, что *«резкая критика источника религиозных начал, несомненно, страдает и односторонностью»*, поскольку *«нельзя забывать, что вопросы этики только в последние столетия обособились в отдельные доктрины»*, а *«Библия есть книга не только религии, но и политики и гигиены»*, и *«классовое различие Ману вытекает из мотивов политических»*. Вейсман заканчивает первую часть своего очерка философским утверждением Т. Карлейля о людской и высшей справедливости, которое оттеняет категоричность

¹⁸⁷ Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз // Сибирский вестник. Томск, 1900. № 216.

¹⁸⁸ М. Нордау о преступности // Сибирский вестник. Томск, 1902. № 262.

ницшеанских афоризмов. *«Еще Карлейль* (*Томас Карлейль. Загадка Сфинкса. М., 1900 г.) так определяет справедливость. «Мрачное, грозное правосудие, парящее в палатках и судах с их карающими законами, протоколами, уставами и постановлениями – очевидно для всех. Но бесплотная истинная справедливость не так видна, потому что она нисходит с «неба», которого конечно не видно...»¹⁸⁹.*

Вторая часть эскиза посвящена «морали рабов» и «морали господ», при этом Вейсман, следуя логике Ницше, у которого эти два вида морали все же последовательно разделяются, хотя и с целью выявления сложности целого представления о морали, признает, что *«на земле существует действительно «двойственная нравственность»»,* подменяя таким образом ницшеанскую парадигму собственной. Резюме сибирского обозревателя венчается политически ангажированной критикой правового устройства Европы, содержащей в себе откровенно аболиционистские мотивы:

«Народы Европы приветствуют идею братства, стремятся к ослаблению войн. Откуда исходит призыв к кровожадности и мести к расе, хотя угрожающей быть может, в будущем, но ныне слабой и миролюбивой? Не из очага ли просвещенности и протестантизма? <...> А тут же гордыня своей культурой, своей религией любви и прощения! Топить мирного невооруженного жителя – это противно немножко гаагской конференции, но не противно трубить о такой победе над человеком – домашним животным другой расы.

В некоторых государствах даже Европы тот, кто принадлежит к данному племени, к известному племени, ограничивается и стесняется в праве передвижения, как преступник, лишается прав гражданина, как преступник, будь он честен и безукоризнен, - все равно. «Господа» своей моралью допускают это коренное внутреннее противоречие...»¹⁹⁰.

Заключительная часть эскиза посвящена определению преступника в учении Ницше. Вейсман принимает при этом, скорее, оценку проф.

¹⁸⁹ Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз // Сибирский вестник. 1900. № 216.

¹⁹⁰ Там же.

Н. С. Таганцева, выставляя германского философа современно мыслящим ученым: *«Конечно, Ницше не может смотреть на преступника, как нарушителя норм. Это узкая точка зрения уголовного права. Преступник, это разумеется лицо, «упорно не подчиняющееся требованиям правового порядка, велениям власти, его охраняющей» * (* Лекции проф. Таганцева, 1887. Спб)»¹⁹¹. В сущности, упоминая, что Ницше всего лишь «пошел дальше», провозгласив преступником «сильного человека среди неблагоприятных условий», местный правозащитник вновь концентрируется скорее на общем соответствии мысли философа модному психиатрическому взгляду на преступника «это проблема, намеченная в гениальном прозрении Ницше, научно обрабатываемая Ломброзо и учениками его»; «над вопросом о «людях, больных современностью» придется работать не одному поколению мыслителей».*

Заканчивается работа Вейсмана назидательными фразами гуманистического плана, отдаленно напоминающими афоризмы Ницше только своей формой. В содержании же слышится пафос речи правозащитника, обращенной к судьям, присяжным, подсудимым:

«Наша человеческая гордость, уважение к своему людскому племени, колеблется. Мы поражены ужасом в сознании существования громадного класса озверелых, жаждущих чужого добра и крови...

Обезопасить человеческую жизнь – значит стремиться к искоренению преступности.

Облагородить человечество – смотреть на преступника, как на больного»¹⁹².

Сугубо личностное понимание и применение тезисов учения немецкого философа было типично для русской интеллигенции начала XX в. От антиницшеанства мыслящие и образованные русские пришли к обратному полюсу, к идеализации учения и его автора. «Склонение на наши нравы» и породило «русского Ницше», поэтому и статьи Черневича, и элегия Лемблана, и

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз // Сибирский вестник. 1900. № 216.

последующие переводы открывают, прежде всего, особые грани и достаточно высокий уровень культурного сознания Сибири, центром формирования которого стал университетский Томск.

Ницшеана на страницах томской периодики 1900-х продолжилась благодаря стараниям, пожалуй, самого видного из сибирских просветителей и еще одного ссыльного поэта. В 1903 году П. И. Макушин анонсировал в «Сибирской жизни» издание только что вышедшего труда немецкого профессора Г. Файгингера «Ницше как философ» (“Nietzsche als Philosoph”, 1902, до 1916 четырежды переиздавался в Германии). В краткой рецензии на русский перевод говорилось:

«В этой небольшой книжке русский читатель, незнакомый с учением столь прогремевшего на весь образованный мир немецкого философа Ницше, найдет краткое, ясное, толковое изложение его учения. Читать самого Ницше человеку, мало упражнявшемуся в чтении философских книг, чрезвычайно затруднительно, и постигнуть сущность его учения, главные основные его мысли, тем более трудно для обыкновенного читателя, что Ницше не излагает их систематически, - они разбросаны, они переплетены с массою побочных мыслей, закутаны в необычайно образный язык: образы, афоризмы, приподнятый пророческий тон – просто подавляют мысль и нужна огромная привычка в умении выделять или, да позволено мне будет так выразиться, выуживать зерно сущности из потока фантазии, воображения, ума и пафоса, чтобы понять главное в философии Ницше. На русском языке до сих пор по крайней мере не могли бы указать ничего более ясного по изложению философии Ницше, как изданная г. Сквирмунтом брошюра профессора Г. Файгингера, очень хорошо переданная г. Шутяковым»¹⁹³.

Таким образом, томичам в 1902 году было представлено аутентичное видение философии Ницше, что свидетельствует о популярности его фигуры, с одной стороны, и с другой – об уровне культурного развития «обыкновенного читателя» в Сибири, которого Макушин не отделяет от «русского читателя», в

¹⁹³ Файгингер. Ницше как Философ. // Сибирская жизнь. 1903. № 41.

целом, с другой. После его рецензии публикаций о Ницше в местной печати не находится вплоть до 1907 года. Вероятно потому, что 1900-е годы отличаются необыкновенной активностью столичных русских ницшеанцев, работы которых, определенно, доходили до университетского города. С момента выхода заметки Макушина до следующего и последнего рецептивного прецедента в центральной периодике России вышел цикл работ Вяч. Иванова¹⁹⁴, работы Е. Трубецкого¹⁹⁵. К 1906 году русская мысль социалистического толка также находилась под заметным влиянием ницшеанских идей: М. Горький, А. Луначарский, А. Богданов пришли к признанию первостепенной роли искусства в социальной борьбе, в инициированном ими «богостроительстве» без труда идентифицировался ницшеанский код.

Переводы пролегоменов к «Веселой науке», появившиеся на страницах «Сибирских отголосков» в 1907 году, обозначают новый этап творческой рецепции наследия Ницше, усвоившей и столичные интерпретации.

Автор переводов подписался псевдонимом «Вас. Павлоградский», за которым скрывался внук Н. И. Лобачевского талантливый студент Томского императорского университета Василий Эдуардович Дембовецкий (1883–1944), высланный из Петербурга и исключенный из Санкт-Петербургского университета, где он учился на словесном отделении историко-филологического факультета, за участие в забастовках и стихотворение «Памяти павших» (1905). Будущий поэт, автор нескольких книг стихов, знакомец М.И. Цветаевой и М. А. Волошина¹⁹⁶, Дембовецкий выбирает отрывки № 14 и № 63¹⁹⁷ из 64 эпиграмм стихотворного пролога к книге Ницше “Die Fröhliche Wissenschaft” (1881–1882). Композиция книги составлена из 5 частей и более 380 прозаических отрывков, а также стихотворных пролога и финала, в которых Ницше рассуждает о природе и искусстве, о логике и сущности зла, впервые в этом сочинении

¹⁹⁴ Иванов Вяч. О Дионисе орфическом // Русская мысль. 1903. № 11; Иванов Вяч. Ницше и Дионис // Весы. 1904. № 5; Вагнер и Дионисово действо // Весы. 1905. № 2.

¹⁹⁵ Трубецкой Е. Философия Ницше // Вопросы философии и психологии. 1903. № 69.

¹⁹⁶ Подробнее о судьбе и творчестве В.Э. Дембовецкого см.: Немшилова З. «Наше счастье – в кочующих звуках...» // Газета Республика. 26 января 2013 г. Режим доступа: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/56224>. Дата обращения: 26.01.2016 г.

¹⁹⁷ Из Ницше (Из «Пролога к веселой науке») // Сибирские отголоски. Томск, 1907. № 82.

появляется метафорическая формула – «Бог умер». По наблюдениям З. Е. Фоминой, специально обратившейся к изучению метафорического устройства пролога, «особенностью метафорической категоризации тех или иных сущностей, коррелирующих с феноменом «Веселое», является высокая степень сложности их структурирования», доминантными сущностями «Веселой науки» исследователь считает такие концепты, как: «философ», «философия», «познание», «интеллект», «мысль», «жизнь», само понятие «Веселая наука»¹⁹⁸. Необходимо заметить, что категория «Веселого» восходит к провансальской литературе XIII–XVI вв. и, в частности, к Тулузской школе трубадуров, где «веселой наукой» (“*la gaya scienza*”) называли не что иное, как искусство поэзии, воспевавшей божественную и куртуазную любовь. Нельзя не обратить внимание и на то, что русский эквивалент «веселый» не совсем удачен или, как минимум, не в полной мере передает значение ницшевского определения «*fröhlich*», которое следовало бы перевести русским прилагательным «радостный», то есть наполненным не «беззаботно-радостным настроением»¹⁹⁹, а «ощущением большого душевного удовлетворения»²⁰⁰. Однако для отрывков, выбранных сибирским корреспондентом, эта категория, судя по всему, не была первостепенной. Мотивы ссыльного Дембовецкого были скорее автобиографичными. Первый текст, втрое больший второго, раскрывает образ звезды, символически выражая кредо автора немецкого оригинала. Второй афоризм посвящен дружбе и вражде – теме, актуальной для самого переводчика. Поэзия Ницше представляет для переводчика поле, безграничное для самовыражения так же, как его философия – для мыслителя, и оптимальным способом перевести пролегомены мог бы стать принятый в европейской традиции перевода поэзии подстрочник. Несмотря на то, что непередаваемость блестящих афоризмов Ницше на русский язык неизменно отмечалась, в том числе и авторами

¹⁹⁸Фомина З.Е. Прологомены «Веселой науки» Фридриха Ницше и специфика их метафорической категоризации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 3 (27). С. 33.

¹⁹⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 16 изд., исправл. М.: Русский язык, 1984. С. 66.

²⁰⁰ Там же. С. 555.

сибирских заметок, переводы Дембовецкого, думается, в целом можно считать удачными.

Первое стихотворение Ницше устроено характерным для его манеры способом. В центре поэтического фокуса располагается метафора, созданная по законам философской диалектики на основе единства и борьбы противоположностей. Такие метафоры образуют некий «метаязык», помогающий «объективации и образному обоснованию идей»²⁰¹ «Веселой науки» Ф. Ницше. Сибирским переводчиком выбрана предпоследняя и ключевая с точки зрения этого метаязыка эпиграмма с метафорическим обыгрыванием образа звезды, эмблематически выражающего представление поэтов начала XX века о самом Ницше. В контексте «Веселой науки» семистишие «Sternen – Moral» (Мораль звезд) являет собой один из «метафорических гештальтов мысли, жизни и познания»²⁰², выражая главную мысль о том, что жизни суждено быть экспериментом познающего.

В стихотворении находится целый ряд скрытых на уровне стиля и поэтической семантики противопоставлений, в частности: первая и главная линия представлена концептом “Moral” («мораль»), открывающимся в лексемах «selig» («блаженно»), «грех» (“Sünde”), “Gebot” («заповедь»). Понятия христианской морали отрицаются содержанием стихотворения, заключающего в себе призыв-вопрос, обращенное к звезде и утверждающее недейственность этой морали. На этом же контрасте построена вся система образов, ср.: “Dunkel” («мрак») и “Schein” («сияние»); “Elend” («невзгоды, убогость») и “Mitleid” («сострадание»):

F. Nietzsche
63. Sternen - Moral.
*Vorausbestimmt zur Sternenbahn,
 Was geht dich, Stern, das Dunkel
 an?
 Roll' selig hin durch diese Zeit!
 Ihr Elend sei dir fremd und weit!
 Der fernsten Welt gehört dein
 Schein:
 Mitleid soll Sünde für dich sein!*

Подстрочник
Мораль звезд
*Предназначенной для звездного пути,
 Тебе, звезда, что этот мрак?
 Прокатись блаженно вперед сквозь это время!
 Его невзгоды пусть будут для тебя чужими и
 далекими!
 Самому отдаленному миру принадлежит твое
 сияние:
 Сострадание должно грехом для тебя быть!*

²⁰¹ Фомина З.Е. Указ. соч. С. 36

²⁰² Там же. С. 34.

Nur Ein Gebot gilt dir: sei rein! *Лишь одна заповедь касается тебя: будь чистой!*
203

Как видно, оригинал стихотворения выполнен 4-стопным ямбом с рифмовкой, отдаленно напоминающей септет (ааввссс). Композиция текста основана реализации структуры на вопросно-ответного комплекса, усиленного 4 побудительными конструкциями с восклицательными знаками (exclamatio), образующими градационное восхождение к самому главному символическому значению «чистоты» (“sei rein!”).

Дембовецкий существенно переструктурирует параметры оригинала не только на уровне содержания, но и формы. Он изменяет композицию, аннулируя вопросно-ответный комплекс, расширяя фразовый состав строк и увеличивая объем своего перевода: написанное 4-стопным ямбом (эквиметричность), 8-стишие с кольцевой рифмовкой катренов (аВВасDDс) соотносится с претекстом лишь на общеэмфатическом уровне выделения ведущих образов – «звезда», «мрак», «мир», «сиянье».

В.Э. Дембовецкий

Мораль звезд

*Назначен путь тебе, звезда,
И нет тебе до мрака дела!
Невозмутимо, до предела,
Горя, свершай его всегда. Здесь точка?
Миров далеких вечный бег
Пуškai следит твое сиянье;
Забудь лишь только состраданье,
И чистоту храни во век²⁰⁴.*

Нарушение принципа эквилинеарности и стремление гармонизировать неравновесную структуру оригинала приводит к некоторой трансформации смыслово-ассоциативного ряда: вместо трансцендентной неопределенности фразы “Der fernsten Welt gehört dein Schein”, в переводе оказывается очень тютчевский образ «вечного движения» – «Миров далеких вечный бег»²⁰⁵.

²⁰³ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. ("la gaya scienza"). Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz11g.htm>. Дата обращения: 26.01.2016.

²⁰⁴ Из Ницше (Из «Пролога к веселой науке») // Сибирские отголоски. 1907. № 82.

²⁰⁵ В стихотворении «Звучит, как древле, пред тобою...» (Из «Фауста» Гете. I) у Тютчева упоминается «Земли... быстрый бег», а в черновике еще более сходный образ – «вечного бега».

Автор новейшего русского перевода «Веселой науки», историк и философ Карен Араевич Свасьян отмечает, что в контексте всего творчества Ницше этой книге «принадлежит, очевидно, исключительное место как самой открытой и вместе с тем самой секретной из всех книг Ницше», в которой «можно встретить самые необыкновенные скрещивания и комбинации – настоящее «искусство трансфигурации», которое в предисловии к «Весёлой науке» и отождествляется собственно с философией»²⁰⁶. Свасьян полагает, что дело в окупаемости веселости, которая представляет собой «род адской расплаты за «искусственный рай» сверхчеловечности – расплаты, которая, впрочем, всякий раз оборачивается неожиданной провокацией»²⁰⁷. Такое понимание книги сквозь призму эволюции философии и судьбы Ницше позволяет переводчику предложить свое видение текстов.

Перевод К.А. Свасьяна

63. Звездная мораль

В твоей провиденной судьбе,

Звезда, что этот мрак тебе?

Стряхни блаженно цепь времен,

Как чуждый и убогий сон.

Иным мирам горит твой путь,

И ты о жалости забудь!

Твой долг единый: чистой будь!²⁰⁸

Второе стихотворение Ницше, переведенное В. Э. Дембовецким, представляет собой двустишие, заглавие которого можно было бы передать словом «храбрец». Оно представляет собой парафраз на темы цicerоновского афоризма о хорошей войне и плохом мире, стилистически обыгрываемого с помощью употребления профессионально окрашенной лексики, связанной с обработкой древесины: “Holz” – древесина, ствол; “geleimt” – клеёная древесина, то есть конструкции из склеенных между собой цельных деревянных деталей. Выполнено рифмованное двустишие неравностопным метром с отчетливой хореической каденцией.

F. Nietzsche

Подстрочник

²⁰⁶ Свасьян К.А. Ф. Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М.: Мысль, 1990. С. 27.

²⁰⁷ Там же. С. 29.

²⁰⁸ Ницше Ф. Веселая наука («la gaya scienza») // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> Дата обращения: 04.02.2016 г.

14. Der Brave. (оригинал)

*Lieber aus ganzem Holz eine Feindschaft,
Als eine geleimte Freundschaft!*²⁰⁹

Храбрый

*Лучше из цельного ствола вражда,
Чем клеёная дружба!*

Поэт Дембовецкий выбрал для своего перевода очень специфический ритм вольного дактиля (5-ст.+6-ст.), что существенно увеличило слоговой объем строк и отразилось на синтаксической структуре текста. Кроме того, переводчик попытался передать омонимическую игру в рифменном созвучии оригинала, для чего использовал разносоставный и разноударный профиль русских слов «вражда» и «дружба». Эта каламбурная рифма несколько снижает метафорический контекст оригинала, как и развернутая антитеза строк.

В.Э. Дембовецкий**II. Мужественность**

Лучше из целого выточить разом вражду,
Чем из ничтожных частичек томительно склеивать дружбу²¹⁰.

Высокий слог перевода, напечатанного в томской газете, отсылает к образцам русской поэзии «золотого века» и является оригинальным характерным решением автора-поэта. Специфика поэтизмов Дембовецкого («томительно», «ничтожных», «частичек») открывается в сопоставлении с современным переводом, в котором передается стилизация «веселости», иронично-игровая тональность, организующая нарративное целое произведения Ницше:

Перевод К.А. Свасьяна**14. Бравый**

Лучше враг из цельного куска,
Чем друг, приклеенный слегка!²¹¹

Переводы Дембовского завершают восприятие Ницше в дореволюционной периодике Сибири, которая в своей совокупности включает в себе законченную рецептивную историю, объединяя прецеденты критического, переводческого, эдиционного и творческого усвоения. Его специфика репрезентативна как для расширения представлений о русском Ницше, так и для понимания местной парадигмы культурного сознания. Идеи немецкого философа экстраполируются в

²⁰⁹ Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. («la gaya scienza»). Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz11g.htm>. Дата обращения: 26.01.2016.

²¹⁰ Из Ницше (Из «Пролога к веселой науке!») // Сибирские отголоски. 1907. № 82.

²¹¹ Ницше Ф. Веселая наука («la gaya scienza») // Фридрих Ницше [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> Дата обращения: 04.02.2016 г.

сочинениях и заметках Макушина, Черневича, Вейсмана, Лемблана и Дембовского на явления и интересы региона, в результате идеализация высоких образов ницшеанской философии преобладает над отрицанием ее деструктивных интенций. Хотя высказывания этих авторов в некоторых моментах полемичны по отношению друг к другу, организующим началом в их ницшеанском дискурсе, его нервом является стремление разобраться самостоятельно в вопросах философии и морали, психологии личности новаторского учения немца, ориентируясь на интересы и нужды своего адресата («читающей публики»). Поэтому Ницше и его труды становятся для публицистов, обозревателей, просветителей, поэтов, сошедшихся в единый круг журналистов сибирских газет 1890–1900-х годов, импульсом для оригинальной, живой дискуссии об обществе и искусстве, праве, литературе и морали, порождая своеобразную версию русификации учения. И если, как утверждает исследовательница русского (анти)ницшеанства 1890–1910-х годов Э. Клюс, «русские читатели Ницше опередили своих современников в других странах в отношении критики традиционных моральных ценностей и в поиске альтернативных систем»²¹², то образ Ницше, представленный читателям томским, изобличал ориентацию на формирование ментальности, которая являлась специфически сибирской, по убеждениям авторов публикаций.

2.2. Идеологи сионизма в зеркале местной литературной периодики:

Т. Герцль и М. Нордау

Имена **Теодора Герцля** (Theodor Herzl, 1860–1904) и **Макса Нордау** (Max Nordau, 1849–1923) воспринимаются сегодня неразрывно связанными друг с другом, благодаря определяющей роли их тандема в формировании и реализации идеи еврейского государства. Столетие тому назад идеология сионизма не могла восприниматься как нечто однозначное и воплотимое, фигуры Герцля и Нордау

²¹² Клюс Э. Ницше в России: Революция морального сознания. Пер.с англ. Л.В. Харченко. СПб.: Академический проект, 1999.

служили скорее индикатором в имагологической парадигме культурного сознания реципиента их наследия. Одним из таких воплощений является и интересующее нас региональное культурное сознание сибирских авторов, переживавшее в 1880–1910-е годы особенно продуктивный период на пути своего формирования, ход и процесс которого был значительно изменен в результате установления интернациональной диктатуры.

Восприятие наследия Герцля и Нордау представлено во всех основных рубриках газет и включает в себя в каждом из случаев переводы малой прозы, информационно-критические обзоры и отзывы о театральных постановках их пьес. При этом сионистские, научно-философские, драматургические и литературные опыты этих двух авторов на страницах сибирской периодики находят, главным образом, одобрение.

Наиболее самостоятельными являются переводческая и театральная рецепция: на томских и тобольских сценах начала прошлого века были поставлены пьесы «Новое гетто» (*“Das Neue Ghetto”*, 1897) Герцля, а также «Доктор Кон» (*“Doktor Kohn”*, 1911, в русском сценическом переводе «Два мира») и «Право любить» (*“Das Recht zu lieben”*, 1892) Нордау. Первое в сибирской прессе сообщение о Герцле появляется 20 октября 1900 года в «Сибирском вестнике», в рубрике «Театр и музыка» анонсируется премьерная постановка в томском театре спектакля «Новое гетто»: *«под "Новым Гетто" разумеется то отчуждение, в коем пребывают евреи до сих пор, когда стены старого гетто давным-давно пали. Разве не Гетто - черта еврейской оседлости, воспреещение доступа евреям к некоторым профессиям, строгое соблюдение процентного отношения в приеме их в учебные заведения и т.д.»*²¹³. Сионистская пьеса получает положительную оценку; критикуется антисемитизм и акцентируется непреходящее значение самопожертвования евреев. Рецензент подчеркивает идею Герцля о необходимости разрушения евреями своих «внутренних преград» и отмечает, что пьеса рассматривает *«очень жгучий вопрос, разрабатываемый автором к тому же литературно, живо и без нетерпимости в ту или другую*

²¹³ Театр и музыка // Сибирский вестник. Томск, 1900. № 231.

сторону»²¹⁴. Постановка пьесы под названием «В Новом гетто» в Тобольске освещается «Сибирским листком» в феврале 1901 года. Автор отзыва пересказывает сюжет и отмечает, что главный герой «погибает с сознанием исполненного им долга, за права своего народа», а «пьеса производит, благодаря своему направлению, приятное впечатление, хотя многое в ней остается недосказанным, и она малосценична»²¹⁵. Однако, «в общем, пьеса прошла хорошо», а «бенефициант свою, хотя и небольшую, но очень благодарную роль (Вассерштейна) провел превосходно»²¹⁶.

Не менее благожелательную характеристику получает и драматургия Нордау, посвященная еврейской теме. Успех на сибирских сценах имела сионистская драма «Два мира» («Доктор Кон»). Рецензия на ее повторную постановку появляется в «Сибирском вестнике» в рубрике «Театр и музыка»: «третьего дня в театре Королева была поставлена во второй раз драма Макса Нордау «Два мира», посвященная еврейскому вопросу. Насколько верно или неверно освещает этот вопрос автор драмы – должна решить специальная критика, наше – же дело только констатировать, что пьеса сценична, богата драматическими положениями и сначала до конца смотрится с не ослабевающим интересом. Исполнена драма была с успехом»²¹⁷. В 1902 году одобрительный анонс постановки драмы находим уже в тобольском «Сибирском листке»: «Ставится в первый раз интересная драма известного писателя Маркса Нордау "Два мира"»²¹⁸. В то же время единичный неодобрительный отзыв находится в «Сибирском вестнике» в 1900 году в рубрике «Театр и музыка» на драму М. Нордау «Право любить», которая, по мнению рецензента, «далеко не упрочивает за известным философом и публицистом известности драматурга»²¹⁹, поскольку «выше «права любить» автор ставит долг, семью, честь». «Все это может быть и так,» – замечает рецензент, – «только драма-

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Театр // Сибирский листок. Тобольск, 1901. № 11.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Театр и музыка // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 241.

²¹⁸ Театр и музыка // Сибирский листок. Томск, 1902. № 25.

²¹⁹ Театр и музыка // Сибирский вестник. Томск, 1900. № 268.

то построена довольно шаблонно и даже неверно. <...> Кончается она тем, что замужняя женщина, полюбившая другого, готова каяться в своем увлечении. Избранник ее оказался более способным на ни к чему не обязывающие интрижки, чем на серьезное чувство. Ну, а если бы на месте его был более достойный человек?»²²⁰. Словом, сибирский рецензент не приветствует категоричности и консервативности Нордау в отношении патриархальных нравов и представлений о женщине и ее правах.

Именно женская тема и вопрос о взаимоотношениях полов становится центральной в томских переводах прозы Нордау, публикация которых предваряла театральные постановки его новых пьес. Выбор переводчиков пал на один из ранних циклов, созданных в досионистский период, когда Нордау – приверженец идей Ницше, практикующий и философствующий психотерапевт – посредством литературных экзерсисов пытался представить читателю научное освещение темы, в частности, в своем сборнике «Анализ душ» (“Seelen-Analysen”). Два из трех опубликованных в «Сибирском вестнике» рассказы взяты из его раздела «Как женщины любят» (“Wie Frauen lieben”), посвященного исследованию видов женской любви.

Первый перевод появился в «Сибирском вестнике» в № 147 за 1894 год, в рубрике «Фельетон» вышел рассказ М. Нордау «Как любят женщины», в котором возникает фигура легкомысленной Елены, не способной понять любви двух верных ей на протяжении всей жизни мужчин. Следующий рассказ «Как они любят» был напечатан спустя два года в том же «Сибирском вестнике» (№ 279. 1896). На этот раз в центре сюжета оказывается иной тип женской натуры, не пустозвонство и легкомыслие дамы, а безответственность и предательство мужчины по отношению к наивно любящей его Паулине. Можно заметить между переводами 1894 и 1896 гг. очевидную полемику, поскольку два выбранных сибиряками сюжета зеркально отражают друг друга и в совокупности объективно представляют мнение философа и психотерапевта Нордау о типологии женского чувства, что подтверждается контекстом публикаций. В том же 1896 году,

²²⁰ Там же.

незадолго до выхода рассказа о верной Паулине, в «Сибирском Вестнике» была опубликована заметка «Современная Ева», автор которой вполне определенно охарактеризовал представление Нордау о женщине: *«Наша цивилизация породила один интересный женский тип, который заслуживает особенного внимания психолога, - это, именно, тип так называемой «дамы». Великий женоненавистник Шопенгауэр не даром обрушивался с громами красноречия на этот вид женщин и приходил в ужас от «дам». Не с меньшей суровостью осудил их и Макс Нордау. Но ядовитые стрелы этих двух писателей не причинили новой Еве никакого вреда, а скорее послужили ей даже в пользу. Ряды защитников ее значительно пополнились, а литература воскурилась перед ней еще более густой фимиамом. И гордая, бесстыдная кукла с птичьим мозгом, с извращенными чувствами взобралась еще выше на пьедестал»²²¹.*

Наконец, в 1897 году в газете «Сибирская жизнь» в рубрике «Фельетон» выходит перевод рассказа Нордау «Без счастья» (*“Pas de chance!”* из сборника *“Seifenblasen. Federzeichnungen und Geschichten”*; 1879). В центре натуралистического сюжета вновь оказывается судьба героини, теперь уже в интерпретации мужчины-доктора, пытающегося посредством психоанализа реконструировать сущность «внутреннего человека», стоя над трупом молодой красивой женщины. Заголовок рассказа *“Pas de chance!”* (с фр. *не везёт* или *невезение*) в сибирской газете переводится как «Без счастья» – эта фраза была вытатуирована на руке девушки, ее имя иностранного происхождения (Мария Балок), а также татуировка побуждают врача к рефлексии о происхождении и судьбе ушедшей из жизни. Доктор решает, что девушка происходит из семьи эмигрантов, волей случая она остается одна в Париже и с ранних лет должна трудиться. Однажды, согласно размышлениям врача, она знакомится с рабочим, который предлагает ей сделать татуировку, что являлось распространенным явлением среди представителей рабочего класса. Мария сначала решает вытатуировать свое имя и дату, а затем добавляет к этому «настоящий девиз всей ее жизни» - «без счастья». Из рассказа сторожа врач узнал, что перед смертью

²²¹ Современная Ева // Сибирский вестник. 1896. № 271.

девушка была в ресторане с неким молодым человеком и в разгаре бурной ссоры с ним упала в обморок. Вскрытие показывает, что у Марии порок сердца. В заключение рассказа врач отмечает, что данную историю он лишь представил себе, стоя над трупом, но она вполне *вероятна* (переводчик для сибирской газеты выделяет это слово в тексте курсивом).

Следует отметить, что в переводе отсутствует более половины рассказа, первая половина которого посвящена описанию морга парижской больницы Hotel Dieu. Нордау подробно передает мрачный вид госпиталя снаружи, и не менее удручающее, грязное и изношенное убранство подвала, где находится морг. Переводчик опускает подробное описание экспонатов, огранов и медицинских инструментов, нейтрализуя натуралистичность стиля Нордау. Атмосфера пустоты, запущенности и тяжести пропадает из рассказа, поскольку автор перевода смещает акцент на историю о жизненном пути девушки.

Перевод начинается со слов: *«Это было в мае месяце 1877 года, когда я, в качестве врача, отправился в секционный зал Hotel Dieu в Париже»*. В оригинале: *“Es war an einem Vormittag im Mai 1877, als ich dieser Gepflogenheit entsprechend, in den geschilderten unterirdischen Raum trat”* (досл: Это было утром в мае 1877 года, когда я по обыкновению вошел в описанную подземную комнату»). Нордау подразумевает свойственную докторам и студентам-медикам привычку при каждом посещении госпиталя наведываться в морг, чтобы узнать *“was es Neues gäbe”* («что есть новенького»), которую немецкий писатель сравнивает с заглядыванием за кулисы театра. Местный автор предпочитает опустить задающий тон рассказа, инспирированный учениями Шопенгауэра и Фрейда парадокс между смертью и жизнью, меняющимися местами в сознании главного героя, глазами которого читатель видит реальность. Переводчик компенсирует эпатирующий философский подтекст истории заострением сюжета о взаимоотношениях выдуманной доктором героини с противоположным полом. В томском рассказе ее спутник обозначается не иначе как «друг», при этом кавычки, возникающие в оригинале лишь однажды, должны подчеркнуть несоответствие

героя этому статусу и в то же время убежденность переводчика в возможности такого соответствия.

В результате натуралистическое высказывание приверженца психоанализа М. Нордау о гендерных психопатологиях под пером местного автора значительно трансформируется: категоричность и деструктивная риторика, эксперимент по воплощению популярных философских идей современности в художественном нарративе обращается в видении сибиряков в сочувственное увещевание, проистекающее из трагической и поучительной истории из жизни юной и несчастной девушки, представительницы социальных низов.

Что касается переводческих стратегий томских авторов, то в них заметны характерные приемы: исключения фрагментов текста, обусловлены, **во-первых**, стремлением избежать излишней информационной нагрузки на читателя, связанной со страноведческими познаниями, в частности, с исключением реалий.

К примеру, в рассказе «Как любят женщины» опускается упоминание того, через какие города проходил маршрут Фриз на свадьбу сестры: *um auf dem Wege nach Mannheim von Havre*²²². Отсутствует также название улицы, на которой находился отель, в котором жил Вильгельм: *nach seiner angenehmen Junggesellen-Wohnung in der Rue Notre Dame de Lorette*²²³ (Nordau. 1903. с. 238). Переводчик исключает из текста отрывок, где упоминается название улицы, где находился отель и разговор о том, что тех мест уже нет:

„... *Wie hieß die Straße doch?*“

„*Rue St. Dominique.*“

„*Richtig. Ich hätte Lust, dahin zu wallfahren, das alte Hotel wiederzusehen*“

„*Unmöglich. Das Hotel ist niedergerissen. Die Straße ist verschwunden. Dort läuft jetzt der prächtige Boulevard St. Germain.*“²²⁴.

Со спецификой передачи более глубоких культурологических познаний связано исключение в том же переводе размышлений героя об интимности воспоминаний, которые подтверждаются строфой из стихотворения Теодора

²²² Nordau, Max. Seelenanalysen. // Berlin : Schall. 1903. С. 238.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. С. 243.

Шторма *“Wer je geliebt in Liebesarmen”*, очевидно, не находившегося в горизонте фоновых знаний адресата перевода, сибиряка.

Во-вторых, исключение из текста некоторых, иногда достаточно объемных, фрагментов, обусловлено, вероятно, стремлением более компактно разместить рассказ на страницах газеты, динамизировать сюжет. Отсутствие некоторых частей текста сказывается на дальнейшем повествовании. Так, к примеру, переводчик опускает момент разговора друзей о замужестве Елены и приданом, которое получил муж от ее отца:

“...Dann kam ein Brief, in welchem sie mir erzählte, sie werde sich mit einem Weinhändler verheiraten, der sich an ihrer Vergangenheit nicht stoße, da ihr Vater ein Opfer gebracht habe“

„Pfui Teufel!“

“Du hast doch vorhin selbst gesagt, ich hätte sie dauernd an mein Leben knüpfen sollen.“

„Ja, aus Liebe, nicht um eine Mitgift. Auch hattest du ihr weniger zu verzeihen als der Weinhändler.“

„Was willst du – die Moral der sogenannten praktischeren Leute²²⁵.“

В сибирском варианте перевода данный фрагмент выглядит следующим образом:

- Ах, чорт возьми!

- Чего же ты хочешь, это нравственные убеждения так называемых практических людей²²⁶.

Из-за отсутствия фрагмента о приданом, восклицание *«Ах, чорт возьми!»* и предложение о ценностях меняет семантическую окраску, немного изменяя идею отрывка в целом. В оригинале восклицание Сигмунда было обосновано именно упоминанием приданого, что подтверждает дальнейший разговор о том, что если и надо было Вильгельму оставаться с Еленой, то только по любви, а не из-за

²²⁵ Там же. С. 247.

²²⁶ Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. Томск, 1895. № 147.

подарков отца. В переводе же фраза о морали относится к прощению мужем Елены ее прошлого.

Изменения в сибирском переводе, хотя и значительны с точки зрения современной практики художественного перевода, но в целом это не мешает восприятию рассказа и не меняет основной мысли повествования. Перевод рассказа «Как они любят» обладает, в основном, теми же чертами, хотя он выполнен другим переводчиком, подписавшимся инициалами «П. Л.» В целом, несмотря на незначительное сокращение текстов, сибирским переводчикам удалось передать художественный замысел автора и сделать произведения максимально понятными и удобочитаемыми для томичей.

То же можно сказать и о методе перевода малой прозы Т. Герцля, которые вышли в «Сибирской жизни» в 1905 году с подписью в виде криптонима «Е. К.». Три сочинения из цикла «Философские рассказы» публикуются в Томске после смерти писателя. Книга *“Philosophische Erzählungen”* вышла в 1900 году в Берлине. Сборник состоял из семнадцати текстов, написанных с 1887 по 1900 год. Каждый из них представлял историю в жанре еврейской юмористической басни с четко сформулированной, неожиданной назидательной сентенцией. Тон повествования в каждой такой истории организует философский, в расхожем смысле, взгляд на жизнь, скепсис по отношению к происходящему и по отношению к человеку, часто приобретенный благодаря жестокости окружающего мира. Первый русский перевод сборника, подписанный криптонимами «Е. М.» и «А. К.», вышел в типографии А. Е. Ландау Санкт-Петербурга в 1901 году, то есть несколькими годами раньше томского. Выбранные же местным переводчиком рассказы значительно отличаются от большинства острых горько-скептических или цинично-юмористических историй. Для них характерен позитивный, жизнеутверждающий пафос или романтически-элегический тон меланхолии. В газете публикуются переводы трех рассказов: *“Der Sohn”* («Сын», «Сибирская жизнь», 1905, № 213), *“Die Garderobe”* («За кулисами», «Сибирская жизнь», 1905, № 229) и *“Die Raupe”* («Гусеница», «Сибирская жизнь», 1905, № 245). Кроме того, потенциально эти рассказы

оказываются близкими и понятными томичам. Арестантская тема, проблема преступления и наказания, покаяние и ответственность перед родными в «Сыне»; театральный колорит закулисья в одноименном переводе, а также характерный для русской классики, близкий чеховскому фон дворянской беседы и романтический сюжет юношеских разочарований в «Гусенице».

Действие рассказа «Сын» происходит в зале суда. Отца обвиняют в том, что он жил не по средствам. Унаследовав дело и состояние, герой тратил большие суммы денег, отстроил роскошный дом. Вложив значительный капитал в угольные копи, который не окупился, он оказался в непростом финансовом положении. Чтобы не брать в долг, он взял деньги с депозита, рассчитывая погасить его после продажи векселей, однако его должник разорился. Герой в результате пришел к мысли о самоубийстве, чтобы не оставлять долгов семье, но сын остановил его, и он предстал перед судом. Описание хода судебного процесса и искренняя речь подсудимого-отца составляют две противоположные линии повествования в рассказе.

Главный персонаж презрительно относится к театру суда, его вдохновляет только прощение сына. Так он передает впечатления от речи собственного адвоката:

*„Gänzliche Stille muss eingetreten sein, damit keines seiner kostbaren Worte unter den Tisch falle. Namentlich für den Anfang hat er einige delikate Spitzen, reizende Säckelchen für Feinschmecker – die gröberen und darum der Wirkung sicheren werden weise für den Schluss gespart: **allerhand Sentimentalitäten, gerichtshöfische Lyrik, der Griff nach der Tränendrüse. Eine Reklame, wie dieser Prozess, kommt nicht bald wieder**“.* (Дословно: Полная тишина должна настать, чтобы ни одного его драгоценного слова не осталось без внимания. Именно для начала у него есть несколько деликатных острот, прельщающих тонкостей для гурманов – грубых, поэтому и мудро их действие, конечно, отложить для

завершения: разные сентиментальности, лирика придворных блюд, попытка вызвать ручьи слез. Реклама, как этот процесс, повторится не скоро)²²⁷.

Часть абзаца после двоеточия отсутствует в переводе, таким образом, пропадает сарказм, присущий Герцлю. В оригинале отец откровенно презрительно относится к происходящему в суде, его вдохновляет только прощение сына. В томском переводе этот скепсис намеренно сглаживается за счет исключения некоторых особенно саркастичных моментов. Пропадает надтекстовая антитеза: несчастные судьбы (отца, совершившего ошибку и не нашедшего ее решения, и сына, который спасая отца от смерти вынуждает того предстать перед судом) и участники судебного процесса, слепо следующие сценарию и закону. Внутренняя рефлексия отца превращается в стилизацию чистосердечного признания человека, совершившего преступление и смиренно принимающего наказание; т.е. актуальная для региона арестантская тематика реализуется в лучших традициях русской литературы.

В рассказе Теодора Герцля «За кулисами» посредством описания жизни главной героини, пожилой актрисы Фрау Кэте, показаны скрытые от посторонних глаз стороны закулисы. В разговоре с доктором она рассказывает, как открылась ее гениальная актерская игра и способность быстро переодеваться в гримерной. В молодости она гастролировала по провинции с маленькой драматической труппой, была некрасива и часто смущалась и сбивалась на сцене, из-за чего над ней довольно грубо шутили. Однажды, переодеваясь в гримерной, она обнаружила, что за ними подсматривают несколько мужчин, и директор труппы на этом зарабатывает. Умение быстро одеваться пришло от знания того, что из-за перегородки кто-то подглядывает. Она больше не смущалась взглядов, так как ей стало безразлично, наблюдают ли за ней лишь несколько мужчин или весь город.

Данный рассказ Т. Герцля переведен с минимальными отклонениями от оригинала, пропущены лишь незначительные моменты, в которых можно

²²⁷ Herzl, Theodor. Philosophische Erzählungen. Vollständige Neuauflage // Berlin : Herausgegeben von Karl-Maria Guth, 2015. S. 62.

рассмотреть адаптивную стратегию переводчика, стремящегося избежать острых ироничных обобщений Т. Герцля.

В томских переводах можно заметить несколько случаев буквализма, что выдает не столько отсутствие мастерства переводчика, сколько оригинальность их замыслов. Например, в том же рассказе: “*Dabei hatte er ein rosiges, lächelndes Gesicht, von blonden Locken umwallt, der echte Künstlerkopf*²²⁸. – В то же время у него было розовое, улыбающееся лицо, обрамленное русыми кудрями – голова художника²²⁹”.

Действие третьего перевода из Герцля, рассказа «Гусеница», происходит в Италии, на берегу моря. Фриц приезжает повидаться с Кларой и ее мужем Максом, с которыми знаком со школьных лет. Клара, говоря о парижской жизни Фрица, сравнивает его с бабочкой, которая порхает с одного цветка на другой, и просит рассказать о своем самом замечательном приключении. Фриц в этот момент берет книгу и наталкивается на высказывание о гусенице, которая превращается в бабочку и испытывает при этом колоссальное потрясение. Фриц вспоминает, как любил Клару, но она ему призналась, что любит другого, и попросила быть посредником их переписки. Поэтому Фриц рассказывает Кларе, что его замечательное путешествие случилось, когда он, подобно гусенице, был юным и неопытным, любил и был счастлив, а когда повзрослел и стал красивым, то его полюбили, но это не приносит счастья.

Сюжет этого рассказа строится на противопоставлении, как и в предыдущих историях Герцля, выбранных сибиряками, на парадоксе, противоположности нарративных линий, что в целом маркирует их как сочинения в духе романтизма, или точнее, бидермайера. В особенности это утверждение актуально для последнего из проанализированных рассказов, опирающегося на диалектику традиционных для романтизма концептов бабочки и гусеницы (куколки).

²²⁸ Herzl, Theodor. Philosophische Erzählungen. Vollständige Neuauflage. // Berlin : Herausgegeben von Karl-Maria Guth, 2015. S. 83.

²²⁹ Фельетон // Сибирская жизнь. 1905. № 229.

Для выбранных томичами-переводчиками произведений Т. Герцля характерен более позитивный, жизнеутверждающий пафос, чем для других философских рассказов его сборника. Кроме того, они тематически близки, интересны и понятны местным читателям. Арестантская тема, проблема преступления и наказания, покаяние и ответственность перед родными – в «Сыне». Театральный колорит закулисья в одноименном переводе, а также характерный для русской классики, почти чеховский фон дворянской беседы и романтический элегический сюжет юношеских разочарований в «Гусенице».

Таким образом, в мотивах выбора репертуара и оценки постановок Герцля и Нордау, а также в стратегии отбора и перевода их рассказов прочитывается особая парадигма культурного сознания сибиряков. В целом, можно говорить об избирательном отношении к наследию мировой литературы, связанным с идеей ретроспективного развития, с аксиологическим рецептивным подходом.

Такое убеждение подтверждается на материале критической рецепции, в которой Герцль предстает благородным мечтателем, а скандальный критик Нордау – стражем традиционных ценностей, хранителем устоев цивилизации и культуры. Последний оказывается наиболее масштабно представленным на страницах сибирской периодики.

Впервые имя Макса Нордау появляется в 1893 году, когда автор заметки из рубрики «Литературная беседа» сообщал о самой популярной идее Нордау, продолжившего изыскания своего учителя: *«В наше время масса явлений общественной жизни находит себе с легкой руки Ламброзо объяснение в физическом, нравственном вырождении. Несомненные симптомы такого вырождения известный Маркс Нордау видит в новых литературных школах символизма, декадентства, мистицизма»*²³⁰. Вслед за этим «Томский справочный листок» (с 1897 года «Сибирская жизнь») в 1894 году в разделе «Библиография» печатает отзыв об одноименной книге Нордау «Вырождение» (*“Entartung”*, 1892). Однако, в заметке, вероятно, по вине наборщика оказалось ошибочно переданным заглавие нашумевшего труда. В результате в местной газете появилась статья, в

²³⁰ Литературная беседа // Сибирский вестник. 1893. № 30.

которой это название обрело противоположный смысл: «*Возрождение (Entartung) Макса Нордау. Перевод с немецкого, под редакцией и с предисловием Р.И. Сементовского. Издание Ф. Павленкова. Спб. 1894 г.*». Рецензент представлял читателю фигуру Нордау («*Имя Нордау в литературе известно. Некоторые его книги, переведенные на русский язык, как, например, «В поисках за истиной», доходили даже до третьего издания*») и подчеркивал, что книгу стоит рассматривать как «*ученое исследование, от которого требуется полный подбор фактов и строгие доказательства*», а автора – как «*публициста, который не столько разрешает, сколько ставит вопросы, который относится к ним с односторонностью заинтересованного человека, который высказывает свои сожаления, негодует, насмехается*»²³¹. По мнению томского рецензента, сочинение Нордау «*представляет много поучительного для русских читателей, между прочим, потому, что касается многих нынешних явлений европейской литературы, которые, большей частью у нас очень малоизвестны: это – явления абсурданные или такие, которые он считает прямо психопатическими*»²³². Вскоре томский читатель получил возможность самостоятельно познакомиться с книгами Нордау. Среди объявлений «Томского листка» находится информация о том, что «*в книжном магазине В.И. Макушина в Томске получены новые книги: Нордау. Вырождение. Спб. 94 г.*»²³³; а также «*Нордау. В поисках за истиной. Изд.3. Спб. 92 г.*»²³⁴.

Революционные для своего времени взгляды Нордау на литературу, преступность и человеческую психику получают более глубокое освещение в сибирских публикациях начала XX в.: «Сибирском вестнике» в 1902 году выходят две статьи: «Нордау о русских писателях и о себе» и «Нордау о преступности». В первой из них анализируется интервью с М. Нордау, поразившим корреспондента одной из центральных отечественных газет осведомленностью в русской литературе и общественной жизни. «*М. Нордау заявил, что он большой поклонник*

²³¹ Библиография // Томский справочный листок. 1894. № 4.

²³² Там же.

²³³ Объявления // Томский листок. 1895. № 148.

²³⁴ Объявления // Томский листок. 1895. № 147.

русских, – пишет автор в томской заметке, – это, собственно, и побудило его читать лекции в русской высшей школе социальных знаний, хотя до сих пор он уклонялся от лестных приглашений читать лекции в других парижских высших школах. Я бы очень охотно приехал в Россию, тем более, что вынес о ней самое светлое воспоминание из моего первого путешествия по России. Это было ровно двадцать восемь лет тому назад <...>, и вынес самое светлое воспоминание о моей поездке в Россию, и я без всяких тревог мог приехать в Россию. Я был и теперь с большой охотой поехал в Россию, которая всегда живо интересовала меня»²³⁵. Непримирымый Нордау в публикации очеловечивается, оказывается, что он «любит Россию», хотя и не приемлет философии многих ее классиков, в частности, Л. Толстого.

Во второй статье анализируется полемика между Нордау и его учителем Ломброзо по поводу преступности как сущностной человеческой склонности, а также по поводу основных положений уголовно-антропологической доктрины. Очевидно, тема преступления и наказания воспринималась в Сибири очень остро из-за социо-культурной специфики региона, поэтому спор о преступнике значительно занимал читателей и корреспондентов. По сообщению сибирского издания, Нордау утверждает, что преступник – не атеист, как полагает его учитель Ламброзо, и не дикий зверь, не пережиток прошлого, а «паразит, и, как таковой, продукт, сравнительно, новейшего времени», при этом преступник «может не носить на себе никакой бросающейся в глаза печати; мало того, в нем можно даже видеть представителя передовой расы, если обращать внимание на ту или иную функцию его организма, взятую в отдельности. Тем не менее, он – паразит и, как паразит, всегда – *minus habens* по сравнению с автозитами, с нормальными людьми, всегда отмечен известным нравственным недочетом»²³⁶. «Удивительно, – заключает местный журналист, – что за Максом Нордау, отрицающим религиозно-духовное отношение к преступнику, остается

²³⁵ М. Нордау о русских писателях и о себе // Сибирский вестник. 1902. № 170.

²³⁶ Там же.

*последнее слово. Очередь за Ломброзо»*²³⁷. Однако, сама позиция Нордау при этом никак не осуждается.

Итак, сибирскому читателю идеи Нордау о современном вырождении западной литературы и искусства, о преступности и женском вопросе, были донесены в полной мере, но с несколько измененной модальностью. Если европейские современники автора воспринимали и оценивали его провокации во многом как риторический ход, то во многом наивное региональное сознание сибиряка принимало эти выступления как истинно задающие ход истории и современной философии, с радостью отыскивая в антимодернистском настрое изречений Нордау созвучия формирующейся местной словесной культуры и мысли.

Рецептивная стратегия сибирских публикаций согласуется с восприятием сочинений Нордау в центральной печати, однако в то же время является самостоятельной. Суждения местных авторов отличаются меньшим эмфатической зарядом, большей беспристрастностью, отсутствием стремления к сенсационности или провокации, сглаженным пафосом. Так, предисловие Р. И. Сементковского к изданию русского перевода «Вырождения» 1894 года объясняло достижение Нордау, нерелективно подходящего к художественным текстам, в том, что *«он верит в будущее, построенное на забываемых, но не забытых еще идеалах знания и свободы. В этом — громадное значение его книги, появляющейся именно в такой момент, когда философы с громкой известностью и руководители общества, вторя людям, теряющим мужество при временных неудачах, ополчаются против науки, против энергического дела, направленного к созданию лучших условий, против борьбы и рекомендуют нам пассивность, возврат к невежеству, отвращение к жизни, самоуничтожение...»*²³⁸. В сравнении с этими комментариями известного писателя и биографа суждения сибирских авторов видятся более сдержанными и лишенными ярко выраженной пиетистской окраски.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Нордау, Макс. Вырождение (Entartung). Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием Р.И. Сементковского // Санкт-Петербург : Изд. Ф. Павленков. 1894. С. 9.

Однако, популярность Нордау-публициста в России заслонила его масштабную деятельность по еврейскому вопросу, которая в сибирской прессе практически не освещалась, «сионистским вождем» провозглашался исключительно Т. Герцль. Появившиеся 22 января 1905 года, спустя полгода после его смерти, некролог и известия об издании литературного наследия, прокомментированные томским журналистом, представили его как видного мыслителя современности. Был выбран некролог, написанный В.Г. Короленко и опубликованный в «Южных записках», потому что, по мнению рецензента, *«из всех некрологов Т. Герцля некролог Короленко едва ли не самый теплый и задушевный и верно схватывающий облик «благородного мечтателя»»*. Сионизм предстал в заметке *«психологией благородной мечты о будущем на почве социального консерватизма, а Герцль - наиболее ярким, искренним и цельным ее представителем»*, романтической фигурой, *«сошедшей со сцены в ореол мечты, незапятнанной и чистой»*²³⁹. При этом в воплощении этой мечты политического сионизма автором томской перепечатки было практически отказано.

В следующей за некрологом заметке о неопубликованных произведениях Герцля подчеркивается приоритет его эгодокументов перед литературными и сионистскими текстами: *«Друзьями Т. Герцля в настоящее время уже приведено в известность все, что осталось после смерти талантливого писателя и общественного деятеля. Все литературное наследство может быть разделено на две группы: общие литературные произведения и сионистские. <...> Но самым ценным из всего оставшегося после Герцля следует считать его дневник, в котором заключается не только вся история сионистской деятельности его, но и характеристики выдающихся личностей»*²⁴⁰.

Итак, восприятие фигур и наследия идеологов сионизма, каковыми сегодня в первую очередь видятся Т. Герцль и М. Нордау, в сибирском культурно-историческом контексте дореволюционного времени имело вполне самостоятельный характер и обнаруживало тенденцию к романтизации,

²³⁹ Сибирский вестник. 1905. № 17.

²⁴⁰ Там же.

эмпатическую установку, стремление увидеть и оценить положительно ретроградное настроение, убеждение в опасности декаданса и эпохи *fin de siècle* в целом, игнорирование саркастических настроений прозы еврейских авторов.

2.3. Проза театрального критика О. Блюменталья на страницах местных газет

Интерес к рассказам немецкого театрального критика Оскара Блюменталья (Oscar Blumenthal, 1852–1917) является во многом следствием развития сибирского театра. Формат коротких рассказов-притч был удобен для печати, на уровне сюжета поучительная, философско-бытовая, театральная тематика была актуальной для культурного сообщества региона.

Оскар Блюменталь играл важную роль в культурной и театральной жизни Германии рубежа XIX–XX веков. Блюменталь-драматург известен своими комедиями, но его литературная деятельность этим не ограничивается. Он пишет юмористические стихи и эпиграммы, короткие остроумные рассказы, отдельными изданиями выходят его афоризмы. В России наибольшей популярностью пользовались переводы его юмористических стихотворений, а также сборник шахматных задач. Его высказывания входят в многочисленные антологии афоризмов великих людей.

В сибирской печати рецепция творчества Блюменталья прослеживается в газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», на страницах которых публикуются пять переводов четырех рассказов немецкого писателя: «На лестнице» (“Auf der Treppe”), «Слова» (“Worte”), «Два приговора» (“Zwei Urteile”), «Часы вселенной» (“Die Weltenuhr”), которые входят в сборник «Поучительных рассказов» (“Nachdenkliche Geschichten”), вышедший в 1904 году в Берлине. На русском языке данный сборник не издавался.

Знакомство с Блюменталем в сибирской периодике начинается в 1901 году с рассказов «На лестнице» и «Слова», опубликованных в «Сибирской вестнике» (№ 265 и № 271). Примечательно, что оригиналы данных рассказов печатаются в декабре 1901 года в «Берлинском листке» и в этом же месяце выходят в томской

газете. Переводы выполнены сибирским автором, скрывшимся за криптонимами «М. Б.» и «Б.».

Рассказ «На лестнице» повествует о зрелом мужчине и молодом юноше, которых судьба столкнула на лестнице дома одной женщины. Сначала старший мужчина спускался вниз, а молодой спешил вверх. Старший хотел предостеречь юношу, что там его ждет лишь разочарование, но поступил по-своему. Позднее мужчины снова встретились на той же лестнице, но теперь молодой спускался вниз, а старший поднимался. На усмешку юноши зрелый мужчина ответил, что та женщина как магнитная гора из сказки, навсегда притягивает к себе.

По жанру данное сочинение Блюменталья представляет собой притчу на бытовую тему. Реплики двух оппонентов (старика и юноши) имеют форму афоризмов, в которых Блюменталь во многом преуспел, чем и мог вызвать интерес для сибирских переводчиков. Рассказ достаточно простой в стилистическом плане, для переводчика не составляет труда передать настроение истории, избежав при этом буквализма. Например, при описании самих моментов встречи молодого и старшего, сибирский автор ... Ср.:

При первой встрече: *Der Eine – in der Reife des Lebens - kam zögernd und nachdenklich von oben, als wenn schwermütige Erinnerungen seine Schritte hemmten. Der Andere – ein Jüngling in der Blüte der Kraft – eilte rasch und ungeduldig hinauf, wie von Sehnsucht und Leidenschaft emporgetragen*²⁴¹. – Один из них был уже мужчина зрелых лет. Он сосредоточенно и задумчиво спускался вниз, как будто бы тяжелые воспоминания придавливали его шаги. Другой, – юноша в полном расцвете сил и здоровья, – быстро и нетерпеливо стремился вверх, как будто бы в нем хлестали все страсти и чувства²⁴².

Сравнения адаптированы к восприятию русскоязычным читателем: глагол *hemmen* (препятствовать, тормозить, затруднять) переводчик заменяет глаголом *придавливать*, подразумевая, что воспоминания являются тяжелым грузом для мужчины, а не просто препятствием. Прилагательное *emporgetragen*

²⁴¹ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁴² На лестнице (из рассказов О. Блюменталья) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

(*поднимаемый вверх*), в котором приставка *empor-* экспрессивным, высоким значением, заменяется глаголом *хлестали*, также выразительно передающим движение вверх. Переводчик изменяет синтаксис, разбивая характерное для немецкого языка сложносочиненное предложение на два, во втором предложении сохраняет оригинальный синтаксис.

При второй встрече: *Aber jetzt war es der Jüngling, der hastig nach unten eilte, während der Andre langsam und wie im Kampfe mit sich selbst emporstieg*²⁴³ – *Но теперь уже юноша торопливо сбегал вниз, а другой – медленно, как бы находясь в борьбе с самим собою, поднимался вверх*²⁴⁴. Здесь автор также адаптирует синтаксис, добиваясь гармоничного звучания на русском языке и избегая буквализма.

В описании героини, из-за которой состоялись встречи двух мужчин, сибирский переводчик допускает вольность, которая, тем не менее, облегчает понимание высказывания:

*Das ist wie der Magnetberg des Märchens. Das läßt Einen nicht los. Das halt fest für immer*²⁴⁵. – «Она» – все равно, как магнитная гора в сказках... Никого не отпускает, всегда слишком твердо приковывает...²⁴⁶

На смену неопределенному *Das* приходит местоимение *Она*, взятое в кавычки - это сохраняет некоторый ореол таинственности вокруг данной особы, наделенной также мистической способностью притягивать к себе и не отпускать.

В заключительном предложении наречия *hinauf und hinab* (вверх и вниз) переводчик заменяет существительными *восхождение и нисхождение*, подобное использование наречий не типично для русского языка:

*Und dieses hinauf und hinab ist ihm plötzlich zu einem Sinnbild aller menschlichen Torheit und Weisheit geworden*²⁴⁷. – *И эти восхождение и*

²⁴³ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁴⁴ На лестнице (из рассказов О. Блюменталя) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

²⁴⁵ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁴⁶ На лестнице (из рассказов О. Блюменталя) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

²⁴⁷ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

нисхождение казались ему лучшими символами человеческой глупости и мудрости...²⁴⁸

Здесь мы также наблюдаем прием обобщения: «восхождение» и «нисхождение» служат метафорой всей сути человеческого существования, неизменности человеческой природы, и напоминанием о том, что «любви все возрасты покорны».

Чуть позднее, в том же 1901 году, выходит перевод рассказа «Слова». В нем речь идет о великом ораторе Марке Туллии Цицероне, покоряющем своим даром даже самых хладнокровных, и о Метеле Цимбере, единственном человеке, который оставался равнодушным к ораторскому таланту Цицерона. На любую, даже самую волнующую речь, Метел реагировал одной фразой: «Слова!.. *Одни только слова!*»²⁴⁹, но однажды, когда ему было поручено сообщить Цицерону о смерти дочери, Метел был действительно потрясен. На вопросы о том, что же в такой момент произнес великий оратор, Метел Цимбер ответил: *Er hat nichts gesagt... Und bei allen Göttern, das ist seine erste Rede, die mich ergriffen hat*²⁵⁰. - «Он ничего не сказал... И клянусь богами, что это была первая его речь, которая потрясла меня всего...»²⁵¹. Переводчик слегка приукрашивает фразу оригинала, заменяя нейтральное *ergreifen* (растрогать) более эмоциональным *potrjasať* и добавляя прилагательное *vesь*.

Блюменталь использует лексику высокого стиля для передачи красноречия Цицерона, и сибирскому переводчику вполне удачно удается это передать:

*"O, über die fruchtbare Kraft des Schmerzes", rief er aus, "der selbst den schweigsamen Mann zum Poeten macht und erhabene Worte auch aus dem Munde der Kunstlosen hervorlockt! Der Schmerz ist es, der nie Gehörtes aus den Tiefen der Seelen schürft, der die Stummen beredt macht und selbst das Herz der Verhärteten in erschütternden Worten ausschließt"*²⁵². - «О, плодоносная сила скорби, – восклицал оратор – ты даже самых молчаливейших людей делаешь поэтами и извлекаешь

²⁴⁸ На лестнице (из рассказов О. Блюменталья) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

²⁴⁹ Слова (из рассказов О. Блюменталья) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 271.

²⁵⁰ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁵¹ Слова (из рассказов О. Блюменталья) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 271.

²⁵² Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

возвышенные слова из уст людей, лишенных всякого дара! Эта скорбь отверзает уши неслышащих, это она заставляет говорить немых и смягчает всякое железное сердце!..» – то, что невозможно услышать, черпает из глубины души²⁵³.

В остальном, перевод достаточно точный, без буквализма, с незначительными сокращениями, не влияющими на содержание. Автору удается сохранить стилистику обоих рассказов и точно передать поучительный смысл истории, которую можно отнести к жанру исторического анекдота, имеющего назидательную модальность.

Позднее, в 1904 году, газета «Сибирская жизнь» также проявляет интерес к творчеству Блюменталю, публикуя три его произведения из сборника «Поучительные рассказы», в том числе рассказ «На лестнице»²⁵⁴, в другом варианте перевода, перепечатанном из газеты «Одесские новости».

В «Одесском» варианте перевода автор добавляет некоторые эпитеты,. Ср.:
На лестнице дома, прилегающего к тенистому саду²⁵⁵ – На лестнице одного дома, выходящего углом в сад²⁵⁶.

...точно носимый пожирающей страстью²⁵⁷ – ...как будто бы в нем хлестали все страсти и чувства²⁵⁸..

Таким образом, автор уходит от краткого афористического повествования Блюменталю с его четкой композицией и лаконичными образами, добавляет нотки своего стиля, добиваясь более поэтичного звучания. Описание женщины «одесского» автора также более поэтично. Ср.:

Das ist wie der Magnetberg des Märchens. Das läßt Einen nicht los. Das halt fest für immer²⁵⁹. – Это – как магнитная гора в сказке. Оно не отпускает. Оно удерживает навсегда²⁶⁰.

²⁵³ Слова (из рассказов О. Блюменталю) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 271.

²⁵⁴ На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталю) // Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 176.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ На лестнице (из рассказов О. Блюменталю) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

²⁵⁷ На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталю). Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 176.

²⁵⁸ На лестнице (из рассказов О. Блюменталю) // Сибирский вестник. Томск, 1901. № 265.

²⁵⁹ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁶⁰ На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталю). Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 176.

Указательное местоимение *Das* в данном варианте перевода становится местоимением среднего рода, таким образом то, что так привело обоих мужчин в этот дом, остается скрытым за метафорой.

В заключительной фразе переводчик также позволяет себе вольность: существительное *Torheit* с более подходящим по контексту значением *глупость* он заменяет существительным *безумие*:

...*Sinnbild aller menschlichen Torheit und Weisheit geworden*²⁶¹ –
...наглядным изображением человеческой мудрости и человеческого безумия²⁶².

Таким образом, перевод, перепечатанный из «Одесских новостей», обладает отличной от оригинала и сибирского варианта стилистикой, более возвышенным, романтическим стилем. С этой точки зрения сибирский перевод представляется нам более удачным.

Две другие перепечатки – рассказы «Часы вселенной» и «Два приговора» – публикуются в 1904 году в номере 77 «Сибирской жизни». Данные переводы также являются перепечатками, предположительно из газеты «Кавказ».

Рассказ «Часы вселенной» предлагает два различных взгляда на будущее человечества, умного и мудрого человека. Умный считал, что человечество ждет только светлое будущее и прогресс, и что часы вселенной неумолимо спешат вперед, а мудрый говорил, что все живое постепенно приходит к упадку, и часы вселенной движутся лениво и с трудом. Первый смотрел за секундной стрелкой, второй – за часовой. Оба мнения верны, но лишь по-разному смотрят на мир. В рассказе «Два приговора» также имеет место столкновение двух точек зрения, поставивших в тупик одного начинающего драматурга. После своего дебюта он прочитал в газете два противоположных отзыва: в одном успех представления приписывался актрисе, в другом – успех актрисы объясняется талантом режиссера. Причину подобного расхождения во мнениях молодому драматургу объяснил его друг, «который чуть не с детских лет с глубоким недоверием относился к

²⁶¹ Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal // Berliner Tageblatt. Berlin. 1901. № 611.

²⁶² На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталья) // Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 176.

людям»²⁶³: первый отзыв написан писателем, коллегой драматурга, второй – актером, коллегой актрисы.

Из всего многогранного творчества Оскара Блюменталья сибиряков привлекает Блюменталь-философ с его «Поучительными рассказами». Мудрые высказывания, но не с очевидной назидательностью, а со скрытым глубоким смыслом, философией позволяют каждому читателю увидеть в персонажах себя, применить заложенную в них мудрость к своим житейским ситуациям.

²⁶³ Часы вселенной (из рассказов О. Блюменталья) // Сибирская жизнь. Томск, 1904. № 77.

Глава 3. Переводы немецкой поэзии как выражение эстетической программы сибирских авторов

3.1. М. Ю. Лермонтов, Ф. Боденштедт и И. Северный: русско-немецкий межкультурный диалог

В парадигме восприятия поэтических произведений инациональных авторов особое место занимает немецкая поэзия. Сибиряки используют наследие немецкоязычных поэтов для формирования собственной литературной среды. Для выявления особенностей региональной переводческой рецепции мы привлекаем к анализу переводы, выполненные русскими поэтами центрального региона и собственный филологический подстрочный перевод, «передающий основную языковую информацию: порядок слов, ритмико-синтаксические, стилистические, лексические особенности оригинала»²⁶⁴.

Пространство межкультурного диалога в поэтическом дискурсе важно для сибиряков, поскольку оно способствует не только знакомству читателей с зарубежными литературными классиками и современниками, но и для освоения русской литературы. В сибирских газетах были обнаружены публикации, представляющие русскую литературу сквозь призму зарубежной, а именно поэзию М. Ю. Лермонтова, существующую только в немецких переводах поэта и переводчика **Фридриха Боденштедта** (*Friedrich Martin von Bodenstedt*, 1819–1892), опубликованных впервые в двухтомном издании «Поэтическое наследие Лермонтова», вышедшем в Берлине в 1852 году²⁶⁵. На сегодняшний день немецкоязычные переводы Боденштедта из Лермонтова признаны неотъемлемой частью наследия русского классика и входят в новейшее полное собрание сочинений поэта²⁶⁶.

На страницах местной печати в 1896 году появляются два перевода

²⁶⁴ Никонова Н.Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации. Томск: Томский государственный университет, 2008. С. 22.

²⁶⁵ Bodenstedt F. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. Zweiter Band. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. 354 S.

²⁶⁶ Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Москва: «Воскресенье», 2000. 409 с.

И. Северного, переложившего стихи Боденштедта/Лермонтова на русский язык и представившего их читателю. Однако, внимание к наследию Боденштедта этим не ограничивается, его продолжает эссе П. Черневича, использующего немецкие переводы Боденштедта из азербайджанского поэта Мирзы Шафи, а также псевдопереводы поэзии Боденштедта, выполненные Г. Вяткиным (1885–1938).

Ф. Боденштедт был известен как «образцовый переводчик» А.С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, а также персидских и английских поэтов²⁶⁷. Отдельными изданиями выходили его переводы с английского сонетов У. Шекспира²⁶⁸ и произведений современников английского гения²⁶⁹. К его наследию относится также сборник переводов украинских песен²⁷⁰ и песен восточных народов²⁷¹ и т.д. В XXI веке наблюдается интерес к его страноведческим изысканиям: его исследование, посвященное Абхазии и Черкесии вышло в на русском языке в начале XXI века²⁷².

Ф. Боденштедта много связывало с Россией: с 1841 по 1843 он был домашним учителем в доме князя Голицына в Москве, имел знакомство с А. И. Герценом и М. Ю. Лермонтовым, состоял в переписке с Н. А. Некрасовым, Ф. И. Тютчевым, А. К. Толстым, И. С. Тургеневым, пропагандировал русскую литературу в Германии. Итогом этого проникновения в русские литературные круги стало 2-томное издание стихов М. Ю. Лермонтова на немецком языке²⁷³. Позднее преподавание в гимназии в Тифлисе, где Боденштедт брал уроки восточных языков у азербайджанского поэта и педагога Мирзы Шафи Вазеха получило свою реализацию в переводах с персидского: «Песни Мирзы Шафи»²⁷⁴ принесли Боденштедту наибольшую известность благодаря передаче изысканного

²⁶⁷ Щеголев П.Е. Лермонтов: воспоминания, письма, дневники. Москва: Директ-Медиа, 2016. С. 264.

²⁶⁸ Bodenstedt, F. William Shakespeare's Sonette. Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1862. 248 S

²⁶⁹ Bodenstedt F. Shakspear's Zeitgenossen und ihre Werke. Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1860. 373 S.

²⁷⁰ Bodenstedt F. Die poetische Ukraine: eine sammlung kleinrussischer Volkslieder. Stuttgart und Tübingen, 1845.

²⁷¹ Bodenstedt F. Der Sänger von Schiras: Hafisische Lieder, 1880.

²⁷² Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. Москва, 2002.

²⁷³ Bodenstedt F. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. Zweiter Band. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. 354 S.

²⁷⁴ Bodenstedt F. Die Lieder des Mirza-Schaffy, Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1873. 224 S.

восточного колорита и мастерству языка. Примечательно, что на русский язык Мирза Шафи часто переводился с немецкоязычных изданий^{275,276}.

Ф. Боденштедт также был известен современникам как ученый и редактор. Что касается его оригинального литературного творчества, то оно в русской рецепции осталось недооцененным: в словаре Брокгауза и Ефрона отмечается лишь, что «литературная деятельность Б. чрезвычайно разнообразна»²⁷⁷, авторы словаря также заключают: «драмы Боденштедта страдают недостатком движений, а потому не имеют того успеха, которого они заслуживают по изяществу выражения и мысли», а «между его эпическими произведениями заслуживают внимания» лишь «Лезгинка Ада», мелкие «Эпические стихотворения»²⁷⁸. Между тем, творческое наследие Боденштедта, не вошедшее в горизонт осмысления отечественных историков литературы, является куда более масштабным и многогранным, что отражается в публикациях сибирских журналистов, справедливо воспринявших эту фигуру как самостоятельную, вне лермонтовского контекста.

Активно переводя на немецкий язык произведения иностранных авторов и наполняя, таким образом, концепт «всемирной литературы» И. В. Гете, Ф. Боденштедт ставит перед собой задачу познакомить читателей со словесной культурой других стран, наследием талантливых поэтов. В предисловии к немецкому изданию Лермонтова освещается развитие русской поэзии в целом: „*Der fremde Dichter, welchen ich meinen Landsleuten hier in deutschem Gewande vorführe, glänzte als Mittelstern des schönen Dreigestirnes russischer Poesie, das mit Puschkin aufging und mit Kosloff erloscht*“²⁷⁹. (Досл.: Иностраный поэт, которого я здесь представляю соотечественникам в немецком одеянии, сиял звездой в центре

²⁷⁵ Боденштедт Ф. Песни Мирзы Шафи, с прологом Фридриха Боденштедта. В переводе Н.И. Эйферт. Москва: 1880. 122 с.

²⁷⁶ Боденштедт Ф. Песни Мирзы-Шафи. 160 издание. Перевод с немецкого И.С. Продан. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1903. 52 с.

²⁷⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4. Санкт-Петербург, 1891. С. 212.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Bodenstedt F. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. Zweiter Band. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. S. 7.

созвездия русской поэзии, которое возшло вместе с Пушкиным и угасло с Козловым).

Произведения упомянутых здесь русских поэтов также выходят отдельными сборниками в переводах Боденштедта²⁸⁰.

Боденштедт много писал о характерных чертах личности и творчества Лермонтова как национального поэта: его восхищали «естественность и простота русского народа», выраженная в его произведениях, способность наблюдать и сопереживать. По мысли немца, именно любовь к простому народу порождает у Лермонтова «живое взаимодействие» поэта и его читателей, выражается в простом слого, «близости мотивов, ясности выражения, простоте образов»²⁸¹.

Издание Боденштедта примечательно тем, что в него вошли достаточно редкие материалы: хотя основой послужило трехтомное издание произведений Лермонтова, вышедшее в Петербурге, в 1842 г., однако его дополнили «еще нигде не опубликованные, имеющие высокую ценность рукописные источники»²⁸², полученные от самого Лермонтова или от общих друзей. Некоторые произведения были запрещены в России цензурой и публиковались впервые в полном объеме, например, «одно из самых значимых творений поэта» «Демон» (*der Dämon*). Боденштедт также отмечал, что его перевод может быть не всегда точен, однако только оттого, что переводить приходилось с рукописей и почерк, исправления и пометки автора иногда затрудняли понимание²⁸³.

Ученые разных эпох и стран интересовались творчеством Ф. Боденштедта, но в литературоведческих исследованиях он предстает скорее как транслятор иноязычных культур. Его переписка с писателями разных стран легла в основу исследования Г. Шенка²⁸⁴, многих ученых привлекало наследие Боденштедта-

²⁸⁰ Bodenstedt F. A. Puschkin's poetische Werke. Berlin, 1854.

²⁸¹ Bodenstedt F. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. Zweiter Band. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. S. 11.

²⁸² Там же. С. 314.

²⁸³ Там же. С. 351.

²⁸⁴ Schenk, G. Friedrich von Bodenstedt, ein Dichterleben in seinen Briefen (1850–1892). Berlin: G. Schenck, 1893. 249 S.

ориенталиста^{285,286}. Русский исследователь И. Б. Томан заинтересовался им, как переводчиком Тургенева²⁸⁷.

Переводческий талант Ф. Боденштедта изначально увлек и сибирских авторов рубежа веков. Первое упоминание о нем в сибирской периодике опосредованно и появляется в 1896 году в № 4 томской ежедневной газеты «Сибирский вестник». В статье под названием «Тайны взгляда» рассматривается влияние цвета глаз на характер человека и другие мистические силы человеческого взгляда. Статья написана Петром Черневичем. Автор ставит своей целью разоблачить суеверные суждения о свойствах цвета глаз и называет их «поэтической вольностью», которую используют поэты для придания окраске глаз некоего «психологического значения»²⁸⁸. В качестве примера П. Черневич приводит стихотворение азербайджанского поэта и мыслителя «Мирза-Шаффи» (Мирзы Шафи Вазеха) в переводе Боденштедта, дословный перевод на русский язык приводится автором в скобках:

«Поэтической вольностью можно назвать только то психологическое значение, которое придают некоторые поэты окраске глаз, и никто, конечно, не примет на веру хотя бы следующего определения Мирза-Шаффи (Боденштедта):

*Ein grau's Auge
Ein schlaues Auge;
Auf schelmische Launen
Deuten die Braunen!
Des Auges Blaue
Bedeutet Treue:
Doch eines schwarzen Augen Gefunkel
Ist stets wie Gottes Wege dunkel.*

(Серые глаза - коварные глаза; карие - своенравные; голубые - указывают верность, сверкание же черных глаз таинственно, как пути господни)»²⁸⁹.

Ф. Боденштедт играет роль посредника между сибирскими читателями и азербайджанским писателем, чьи стихотворения получили распространение во

²⁸⁵ Bayram, A. Fridrix Bodenstedtin Mirza Safi Vazeh haqqinda xatiralari. Baki: Nurlan, 2008.

²⁸⁶ Ammann, L. Östliche Spiegel. Ansichten vom Orient im Zeitalter seiner Entdeckung durch den deutschen Leser, 1800-1850. Hildesheim u. a. 1989, S. 17 und S. 128-133.

²⁸⁷ Томан И.Б. Переводчик И.С.Тургенева – Фридрих Боденштедт // Тургеневские чтения (11–13 ноября 1998 года). Москва: Государственный литературный музей, 1998.

²⁸⁸ Сибирский вестник. Томск, 1896. № 4.

²⁸⁹ Там же.

многим благодаря переводам немецкого поэта. Для сибиряков выбор такого материала означает, с одной стороны, интерес к локальному тексту, воображаемой географии Востока, с другой стороны, особую форму ориентализма, которая явно импонировала мировоззрению европейца Боденштедта и определяла его выбор для дальнейшего перевода и трансляции. Восточные мотивы неразлучно связаны с литературой эпохи романтизма²⁹⁰, романтический художественный метод же особенно импонировал настроенным в целом ретроспективно сибирским авторам, о чем свидетельствует активная переводческая рецепция поэзии романтизма: например, более 25 переводов из Г. Гейне и Н. Ленау. Подобное внимание к репрезентативным локусам воображаемой географии было, определенно, навеяно и собственными задачами областников по изобретению и оформлению культурного пространства Сибири, формированию собственной региональной идентичности в обход имперского Центра.

Творчество Боденштедта послужило также материалом для собственной локальной интерпретации русской классической поэзии, на которую решился сибирский поэт Иван Северный. В рубрике «Фельетон Сибирского вестника» в №71 и №76 за 1896 г. вышли два стихотворения М. Ю. Лермонтова «Моим врагам» и «На волю». Публикации были снабжены следующими сносками:

*«Моим врагам» Из М. Ю. Лермонтова *)*

**) это перевод одного из стихотворений нашего великого поэта, имеющих только в немецком переводе Боденштедта²⁹¹.*

«На волю!» Из М. Ю. Лермонтова)*

**) в №71 «Сиб. Вестника» мы поместили перевод одного из стихотворений («Моим врагам») нашего великого поэта, имеющегося только в немецком переводе Боденштедта. Сегодня помещаем перевод другого такого же стихотворения²⁹².*

²⁹⁰ Алексеев П.В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2015. С. 7.

²⁹¹ Сибирский вестник. Томск, 1896. № 71.

²⁹² Сибирский вестник. Томск, 1896. № 76.

В современном Полном собрании сочинений Лермонтова опубликованы 3 стихотворения, сохранившиеся только в немецких переводах Боденштедта. Но И. Северный оставляет без внимания сочинение “Kleine Einfälle und Ausfälle» отчасти и потому, что его жанр и объем в 107 строф не был удобен для периодики.

Известно, что стихотворение “Kleine Betrachtungen” было записано Лермонтовым в альбом своего друга, офицера Бибикова, но не сохранилось. Ф. Боденштедт выполнил его вольный перевод по памяти²⁹³. Стихотворение «Моим врагам» у И. Северного значительно короче первоисточника, из 26 строф остаются 16. Содержание также передано достаточно вольно, за основу перевода взяты некоторые фразы из оригинала, в остальном переводчик свободно интерпретирует идеи стихотворения. Это отражено и в заглавии перевода: «Короткие замечания» Лермонтова (Боденштедта) становятся у Северного посвящением-посланием «врагам», что задает более резкий тон, акцентирует байроническое самопозиционирование лирического Я, высвечивая типично лермонтовские черты романтической поэтики, понятные и созвучные ожиданиям сибирского читателя.

Моим врагам. Из М. Ю. Лермонтова (Иван Северный)

Нет, не изменник я стране своей родной,
 Своих отцов достоин я вполне,
 Но раболепие и лесть противны мне:
 Я горд душой!
 Чужим умом я не живу, как вы, -
 На костылях чужих ходить я не желаю
 И, не боясь людской молвы,
 Всю вашу злобу презираю.
 За то, что я всегда иду вперед
 И не убил в себе частицу Бога,
 Вы подставляете исподтишка мне ногу
 И утверждаете, что я не патриот...
 О, жалкие шуты! Бессильна ваша злоба:
 Я не боюсь людей пристрастного суда.
 И гордый тем дойду до гроба,
 Что пошлым не был никогда!²⁹⁴

²⁹³ Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В.А. Мануйлов. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1981. С. 59.

²⁹⁴ Сибирский вестник. 1896. № 71.

Kleine Betrachtungen

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken
gleiche,
Und nicht wie ihr auf fremden Krücken
schleiche!

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth
bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von
Ketten,
Und mich nicht lockt der Glanz von
Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

Weil ich nicht ganz von altem Korn und
Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts
gehe:
Behaupten sie, das sich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe!

Sie haben Recht, - der Teufel mag's
verstehen –
Am schnellsten geh'n bei uns, die rückwärts
gehen,
Weil schneller sie zu ihrem Ziele kommen,
Als ich der vorwärts seinen Weg
genommen!

Gott segnete mit Augen mich und Füßen –
Doch als ich auf den Füßen gehen wollte,
Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Musst ich's im Kerker als Verbrecher
büßen.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land,
Und wundersamer Brauch im Schwunge
hier:
Der Kluge braucht zur Dummheit den
Verstand
Zum Schweigen seine Zunge hier!²⁹⁵

Короткие замечания (подстрочник)

Я своей стране не изменник,
И не недостойн я своих отцов,
Оттого что я не во всем похож на вас
И не живу, как вы, чужим умом!

Поскольку я часто краснею от стыда за ваши
поступки,
Для меня звон цепей не звучит, как музыка,
И меня не привлекает блеск штыков:
Вы утверждаете, что я не патриот!

Поскольку я совсем не старой закалки
И каждым шагом не иду назад:
Вы утверждаете, что я не патриот,
Свою страну не люблю и ее не понимаю!

Вы правы, - черт тому свидетель –
Быстрее всего у нас идут те, кто идет назад
Поскольку они быстрее приходят к своим
целям
Чем я, который начал свой путь вперед!

Бог наделил меня глазами и ногами –
Однако когда я хотел идти
И когда хотел смотреть,
Я должен был в тюрьме, как преступник,
каяться.

Бог дал мне язык, но когда
Я захотел говорить, мне встали поперек
горла!
Есть одна вещь в моей стране,
И этот диковинный обычай здесь процветает:
Умному нужен рассудок, чтоб быть глупым,
Чтоб молчать – нужен ему здесь язык!

Наряду с романтизацией, усилением лирико-драматического начала в перевод Северного адекватно инкорпорируются философско-религиозные

²⁹⁵ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Москва: «Воскресенье», 2000. С. 247–248.

элементы («*И не убил в себе частицу Бога*»), а также и маскаратно-театральный мотив («*О, жалкие шуты!*») – очевидно, типичные, с позиции автора, лермонтовские аллюзии. В то же время И. Северный сглаживает категоричность самопозиционирования Я, противопоставления себя врагам: в его тексте враждебность общества выражается не напрямую (*например, «Но раболепие и лезть противны мне»*), но сквозь призму проекции на оппонентов, «Я» заменяется на «Вы» («*Вы подставляете исподтишка мне ногу*»). Лермонтов-Боденштедт используют поэтические метафоры, непосредственно исходящие от лирического Я, сравним: «*Поскольку я краснею за ваши поступки*», «*Поскольку я совсем не старой закалки*», «*Чем я, который начал свой путь вперед*» и т.д. Скрытая бескомпромиссность, непримиримость лермонтовского обращения обнажается сибирским автором в заглавии, но скрывается на уровне риторики, поскольку и само лирическое Я в тексте связывается у читателя этой дважды опосредованной интерпретации с Лермонтовым, а в переводе не может воспроизводиться дословно.

Однако заключительные строки русского текста оказываются значительно трансформированными во вполне определенном ключе: «замечания» (Betrachtungen) Лермонтова-Боденштедта переводятся в гораздо более экспрессивно нагруженный регистр. Философски осмысленный парадокс оригинала о «золоте молчания» в кругу неприятелей («*Умному необходим рассудок, чтоб понять глупость // Чтобы молчать дан здесь ему язык*») замещается штюрмерской картиной непримиримых чувств: «*бессилие злобы*» и отсутствие «*боязни*» контрастирует с «*гордостью до гроба*» и двойным отрицанием «*не был пошлым никогда*».

Наконец, Северный переносит политически окрашенный конфликт стихотворения, противостояние либерально настроенного патриота ретроградному окружению в своей стране в целом в личностное русло. Рефлексирующий герой Лермонтова-Боденштедта лишается способности к обобщению. Исключены рефрены «*Вы утверждаете, что я не патриот*» и «*Бог дал/даровал мне*»; исчезают и политически окрашенные образы несвободы («*звон*

цепей» и «блеск штыков»), что могло быть связано, скорее всего, с цензурными соображениями переводчика, особенностями местных реалий.

Ранее к немецким переводам стихотворений Лермонтова обращался русский поэт и переводчик Дмитрий Минаев. Его переводы были опубликованы в «Историческом вестнике» в 1883 году²⁹⁶. Д. Минаев объединил переводы двух стихотворений “Kleine Betrachtungen” и “Kleine Einfälle und Ausfälle” в одно, озаглавленное им «Мелочи и отрывки». Следует отметить, что в своем варианте стихотворения Д. Минаев мастерски воспроизводит образность перевода Боденштедта: сохраняет метафоры цепей и штыков («*Что звон цепей мне слуха не ласкает, / Что блеск штыков меня не привлекает*»), стремления двигаться вперед в отличие от окружающих («*Кровь у меня кипит, и я стремлюсь вперед; Тот у нас идет быстрее, кто всегда назад ползет*»). С точностью отражены последние строки стихотворения и сохраняются фразеологизмы («*На костылях чужих, как вы, не ковыляю; Тут сам бес собьется с толку*»).

Минаев более точно следует оригиналу, И. Северный, которому вряд ли не было известно о публикациях переводов в центральной печати, намеренно представляет свою вариацию стихотворения Лермонтова/Боденштедта, особенности которой отражают характерные черты местного представления об отечественной словесной культуре.

Второй перевод из Лермонтова-Боденштедта выполнен в сходной с первым манере, что выражено уже на уровне заглавия, представляющего не просто вектор «Наружу» (“Hinaus”), но эмфатически заряженную интенцию лирического Я («На Волю!»).

На Волю!	Из М.Ю. Лермонтова	Hinaus	Подстрочник
Гром дико грохочет	И дождик шумит;	Wild heulen die Donner, Laut prasselt der Regen, Bang' fliehen die Menschen	Дико ревут громы, Громко барабанит дождь, Боязливо бегут люди С полей и дорог –
Под кровлею каждый	Укрыться спешит.	Von Äckern und Wegen - Sie suchen nach Obdach	Они ищут укрытия В надежном доме; -
Мне кровли не нужно:	Нужна мне свобода!	Im schützenden Haus; -	Я хотел бы наружу, Из надежного дома!
Что значат мне громы?	Что значит погода?	Ich möchte hinaus, Aus dem schützenden	Я хотел бы наружу,

²⁹⁶ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 368.

Не лучше ль на воле
В грозу умереть,
Чем в душной неволе
Под кровлей сидеть!²⁹⁷

Haus!
Ich möchte hinaus,
Und lieber verkommen
In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützenden Haus –
Ich möchte hinaus!²⁹⁸

И лучше сгинуть
В бурях и молниях,
В грозу и ужас,
Чем и дальше сидеть тут
В надежном доме –
Я хотел бы наружу!

С помощью классического для романтизма приема параллелизма в немецком стихотворении Лермонтова-Боденштедта скрывается метафора обывательства и пассивности, желание человека скрыться от потрясений в стенах дома становится знаком душевной слабости, на ее фоне ярче проступает отчаянный порыв лирического Я, которое делает свой выбор в пользу «бури и молний». Мирное свободолюбие героя в переводе обращается в узнический сюжет: дом сменяется «кровлей» («душной неволей»), «гроза» выступает синонимом свободы. Северный вновь концентрирует сюжет на единственной лирико-драматической линии внутреннего романтического конфликта, происходящего в зоне фронта между Я и миром, поэтому из стихотворения в его варианте исчезают «люди», «дом» и «дороги»; нивелируются важные для поэтики оригинала рефрены («*Im schützenden Haus, Ich möchte hinaus*»), усиливающие антитезу. Зато появляются знакомые читателю интимизирующие приемы: уменьшительно-ласкательные суффиксы («дождик»), риторические вопросы («*Что значат мне громы? // Что значит погода?*»). Таким образом, сибирский автор «обнажает», заостряет конфликт стихотворения, облакая его в более понятную и близкую реципиенту поэтику, сходную с чувствительным романтизмом, с одной стороны, и с потенциально приятным реципиенту городским романсом, с другой.

Интересно, что Д. Минаев в данном случае, как и И. Северный, акцентировал тему узничества и ввел образ узника: «*Я из-под затвора / Рвусь на воздух вольный. / Жадно рвусь на волю / И за гнет суровый / Проклинаю долю / Узника, готовый, / Как былинка, сгинуть...*»²⁹⁹.

²⁹⁷ Сибирский вестник. Томск, 1896. № 76.

²⁹⁸ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 253.

²⁹⁹ Лермонтов М.Ю. Указ. соч. С. 327

Боденштедт подчеркивал, говоря о своих переводах из Лермонтова, что ни один из двух известных методов (*“die wortgetreute und die frei nachbildende”* – ‘ни дословный, ни свободный’) не использовались им при переводе поэзии Лермонтова, однако выбранный им способ передачи все же оказывается несравнимо более точным и верным подлиннику:

*“Beträugend auf die hohe Ausbildung, den Reichthum und die Biiegsamkeit der deutschen Sprache, steckte ich mir das Ziel, die ganze Farbenfrische des Originals wiederzugeben, ohne in den metrischen Vorbildern das Geringste zu ändern, ohne ein Bild oder einen Gedanken zu verwischen, und vor Allem: ohne das Maß des Schönen zu überschreiten.”*³⁰⁰. (Досл.: Владея хорошим образованием, богатством и гибкостью немецкого языка, я поставил себе цель, передать всю красочность оригиналов, нисколько не изменяя метрический эталон, не сглаживая ни одной мысли и, прежде всего, не нарушая полноты прекрасного).

Стратегия переводов И. Северного отличается от стремления немецкого переводчика. Сибирский автор вольно трансформирует мотивы и поэтику, что было свойственно его манере вообще. И. Северный известен своими подражаниями поэзии Г. Гейне, на основе которых он, вдохновленный все теми же сентиментально-романтическими мотивами, создал оригинальные вариации, подобные вышеприведенным (см. параграф 3.4.).

В послесловии ко второму тому переводов из Лермонтова, Боденштедт предлагает читателю биографию в совокупности с критикой наследия поэта, а также описывает обстоятельства и впечатления от личных встреч с ним. По мнению переводчика, произведения Лермонтова во многом автобиографичны и передают личностные настроения:

*“...da seine eigene geistige Persönlichkeit den Hauptinhalt seiner poetischen Schöpfungen bildet, und mit wenigen Ausnahmen auch da, wo er fremde Personen und Zustände schildert, sein eigenes Denken und Empfinden überall leicht erkennbar ist”*³⁰¹. (Досл: Так как его собственная духовная личность составляет основное

³⁰⁰ Bodenstedt, F. 1852, С. 23.

³⁰¹ Bodenstedt F. 1852, С. 320.

содержание его поэтических творений, и за незначительными исключениями, где он описывает других людей или обстоятельства, легко узнаваемо его собственное мышление и восприятие).

По сути, то же личностное начало привносит в свои интерпретации и Северный, очевидно, знакомый не только с переданными Боденштедтом стихотворениями, но и с их контекстом, поэтому переводы И. Северного нельзя считать неудачными. Для сибирских авторов точка зрения Боденштедта стала предметом живого интереса, поскольку она, очевидно, позволяла осмыслить стороннюю позицию, иной, внешний взгляд на отечественную классику, не зависимый от имперского центра русской культурной политики. Во-вторых, подобные публикации представляли уникальный материал, требующий введения в горизонт знания местного читателя из просветительских соображений.

Позднее, в 1905 году, в № 145 «Сибирского вестника» публикуются два стихотворения пол заглавием «Из Фридриха Боденштедта» в переводе Г. Вяткина. Ф. Боденштедт на русский язык переводился крайне редко, наибольшим успехом у переводчиков пользовались его «Песни Мирзы Шафи», отдельных же сборников его оригинальной поэзии в России не выходило. Тем более значимыми представляются прецеденты сибирской рецепции его стихотворений. Современники называли Вяткина «лириком чистой воды», его поэзия отличалась глубокой музыкальностью и живописностью, но преимущественно это была гражданская лирика, пронизанная «огнем живых исканий»³⁰². Выбор для перевода сочинений Боденштедта не стал исключением.

В многочисленных сборниках оригинального творчества Ф. Боденштедта не находится оригиналов, которые могли послужить материалом для переводов Вяткина. Исходя из исследований переводного творчества сибирского поэта, можно сделать вывод о принадлежности опубликованных произведений к категории псевдопереводов – оригинальных произведений, приписываемых другому автору. Псевдопереводы являлись частым явлением в сибирской периодике (см. параграф 3.4).

³⁰² Жуков В. Георгий Андреевич Вяткин, кто он? / В. Жуков // Класс. 2002. № 10. С. 2.

Оба стихотворения публикуются без названия, они озаглавлены цифрами I

и II:

Из Фридриха Боденштедта (Перевод с немецкого)

I.

Озаренный сияньем грядущего дня,
Светлой радости светлый певец, -
Я приду, я приду на могилу твою
Одинок угасший боец...
Я приду... и **подгнивший, погнувшийся крест,**
Утонувший в грязи и пыли,
Я украшу венком из **прекрасных цветов,**
Из цветов обновленной земли...
Те цветы расцветут, как улыбка весны,
Краше солнца и ярче огня,
Средь родимых полей, на янтарной заре,
На заре лучезарного дня.³⁰³

II.

Грядущее – наше!

О, братья! В великой борьбе
Не бойтесь страдания горестной чаши...
И будьте упрямы, и верьте себе:

Грядущее – наше!

Мы – дети труда.

Мы в полночь на свет появились.
Как листья под бурей, по свету носились
И спутницей вечной была нам нужда:

Мы - дети труда.

Мы любим борьбу.

Наш дух закаляют печали.
Мы гордо стремимся к сияющей дали.
На смертную битву зовем мы судьбу:

Мы любим борьбу.

- Да здравствует свет! –

Сказали мы гордо и смело,
И ринулись в битву за правое дело,
За дело, честнее которого нет:

Да здравствует свет!

Грядущее – наше!

В дали уже сверкает оно,
Сиянья и блеска и света полно,
Весны благодатной светлее и краше...

- О, братья! Грядущее – наше!³⁰⁴

Стихотворения объединены общими мотивами: обновления, светлого будущего, борьбы за счастье. В первом из них лирический герой обращается к некоему погибшему поэту, борцу, обещая прийти к его могиле и облагородить. Образ покосившегося креста отражает старое и отжившее, а образы цветов из «обновленной земли, зари лучезарного дня» символизируют искомое светлое будущее, на которое мог надеяться «одинок угасший боец» и которое достигнет его лишь после смерти. Второе стихотворение менее лирично, оно ближе немецкой политической поэзии второй половины XIX века, насыщено лозунгами

³⁰³ Сибирский вестник. 1905. № 145.

³⁰⁴ Там же.

и призывами («Грядущее – наше!», «О, братья!», «Мы – дети труда», «Да здравствует свет!»), которые начинают и завершают каждое четверостишие.

Псевдопереводы выполнены в 1905 году, в период волнений в Томске, связанных с началом первой русской революции. Г. Вяткин контаминирует приведенные стихотворения, выражая идеи и стремления современного общества, мечты о светлом будущем, о процветании, о честной борьбе за свою судьбу – все то, что волновало поэта-областника и его единомышленников.

В целом, восприятие Боденштедта в сибирской дореволюционной периодике представляло читателю достаточно полную картину его наследия и художественного метода: он представал как поэт, ориенталист, переводчик русской литературы. Не менее большое значение посредничества Боденштедта заключается в том, что оно позволило сибирским поэтам обратиться к русской классике, интерпретировать лермонтовские стихотворения, переданные немецким автором и таким образом выразить собственную идейно-эстетическую индивидуальность, запечатлев характерные черты искомого на рубеже веков регионального культурного самосознания.

3.2. Новалис на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX вв.

Как известно, своей популярности йенский романтик **Новалис** (*Novalis, Georg Friedrich Philipp Freiherr von Hardenberg, 1772–1801*) достиг во многом благодаря неоконченному роману «Генрих фон Офтердинген» («*Heinrich von Ofterdingen*», 1800). Первый перевод романа на русский язык был выполнен З. Венгеровой в 1914 г., стихотворные вставки для него перевел В. В. Гиппиус. Известен также более поздний перевод В. Б. Микушевича с его собственным переводом поэтических частей³⁰⁵.

Перевод поэтической вставки из третьей главы романа, выполненный Иосифом Ивановым, опубликован в 1912 году в № 54 «Сибирской жизни». Текст печатается под заголовком «Из Новалиса», само стихотворение получило

³⁰⁵ Новалис. Генрих фон Офтендинген. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 2003.

название «Карбункул». К заглавию имеется сноска, в которой читателю кратко сообщается о немецком писателе:

«Новалис (Фридрих фон Гарденберг) германский поэт, современник и друг Шеллинга, Гегеля и Гете. На русский язык переведено только несколько его стихотворений, помещенных в журнале «Аполлон»»³⁰⁶.

Как известно, предпосылкой для написания романа «Генриха фон Офтердинген» для Новалиса послужил роман Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера», основными темами в котором выступают воспитание и духовный рост героя, а также легенда об известном миннезингере XIII в. Генрихе фон Офтердингене. Герой романа – ищущий себя молодой поэт, отправляющийся на поиски «голубого цветка», главного символа романтизма, воплощения томления, непостижимого идеала. Роман повествует о становлении поэта, изменении его философии и постижении жизненного идеала в образе «голубого цветка», который выступает центральным символом романа. Однако не менее важным представляется и образ волшебного камня карбункула, который встречается и в других произведениях Новалиса. Впервые он упоминается в прозаической повести Новалиса «Ученики в Саисе» (Die Lehrlinge zu Sais, 1798):

“Der Lehrer ließ einen jener seltenen leuchtenden Steine bringen, die man Karfunkel nennt, und ein hellrotes, kräftiges Licht goß sich über die verschiedenen Gestalten und Kleidungen aus. Es entspann sich bald eine freundliche Mitteilung unter ihnen”³⁰⁷.

По приказу учителя принесли один из редкостных, сверкающих камней, известных под названием карбункулов, и яркое багряное сияние окрасило разные обличья и облачения. Тотчас же началось непринужденное дружеское общение³⁰⁸.

Здесь камень выступает в качестве объединяющей силы, его красное сияние способствует созданию благоприятной, теплой атмосферы среди учеников.

³⁰⁶ Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 54.

³⁰⁷ Novalis. Die Lehrlinge zu Sais. Berliner Ausgabe, 2013. S. 25.

³⁰⁸ Новалис. Ученики в Саисе // Генрих фон Офтердинген. Москва: Ладомир; Наука, 2003.

Карбункул действительно издревле наделяли свойством повышать настроение, дружелюбность, искренность и коммуникабельность. По мифологии камней карбункул также символизировал красоту и могущество, обладал сильными защитными свойствами. У древних персов, например, карбункул считался камнем королей, на нем часто вырезали лики властителей.

Карбункул в романе «Генрих фон Офтердинген» упоминается как древнее сокровище императорского дома, оберегающий талисман, для которого предназначено место в короне. Во второй части камня не хватает в короне Гогенштауфенов (будущий императорский дом)». Юный поэт находит камень и стремится вернуть его принцессе, для которой карбункул является напоминанием о матери, оберегающим талисманом:

«Тем временем принцесса заметила, раздеваясь на ночь, потерю дорогого камня из ожерелья. Карбункул был ей дорог, как память о матери, а также как талисман. Обладание им обеспечивало ей свободу, так как, нося его, она знала, что никогда не подпадет под чужую власть против своей воли»³⁰⁹.

Написание юным поэтом стихотворения, которое послужило материалом для перевода Иосифу Иванову, сопровождается в романе следующим комментарием:

«Юноша созерцал карбункул почти целую ночь и под утро ощутил неотразимое желание написать несколько слов на бумажке, в которую он завернул камень. Он сам в точности не знал, что представлял себе и о чем думал, когда писал следующие слова: ...»³¹⁰.

Поэт чувствует скрытую силу камня, пытается разгадать его тайну. Он связывает карбункул с образом девушки, которой он принадлежит. В связи с этим в оригинале стихотворения появляется сравнение с человеческим сердцем:

Карбункул. Из Новалиса (И. Иванов)

Есть в этом камне символ

Der Karfunkel (Novalis)

Es ist dem Stein ein räthselhaftes Zeichen
Tief eingegraben in sein glühend Blut,

³⁰⁹ Новалис. Генрих фон Офтердингер. Москва: Госиздат, 1922. С.106.

³¹⁰ Там же. С. 105.

странный,
 На глубине таимый им:
 Как он, - за жизнью многогранной
Мы образ **тайного** храним. –

Он мечет искр поток
 пространный, -
Мы светлую волну рябим;
 В нем свет сиянья бьется глухо, -
 Не живы-ль все **мы** тайной
 духа?³¹¹

Er ist mit einem **Herzen** zu vergleichen,
 In dem das Bild **der Unbekannten** ruht.
 Man sieht um jenen tausend Funken
 streichen,
 Um dieses woget eine lichte Flut.
 In jenem liegt des Glanzes Licht begraben,
 Wird dieses auch **das Herz des Herzens**
 haben?³¹²

В переводе И. Иванова отсутствует новалисовская метафора, а именно образ сердца камня (*“Er ist mit einem **Herzen** zu vergleichen, Wird dieses auch **das Herz des Herzens** haben”*), вместо него таинственный камень сопоставляется с человечеством в общем, что выражено местоимением *мы* (*«**Мы** образ тайного храним, **Мы** светлую волну рябим, Не живы-ль все **мы** тайной духа»*). Таким образом, переводчик приводит раздумья юноши о схожести камня с собственным сердцем к обобщенному сравнению его с многогранной человеческой жизнью, усиливая философское звучание отрывка, универсализируя волшебный образ Новалиса и обращая его в лирическое русло одновременно. Безличные конструкции Новалиса способствуют не меньшей широте смысла, что является соразмерным его творчеству, для которого характерно метафизическая образность.

В стихотворении Иванова отсутствует также образ девушки, незнакомки, который представляется важным в творчестве Новалиса, и в романтизме в целом. В переводе Василия Гиппиуса, наиболее известном русскоязычному читателю, сохраняется этот образ «безвестной», скрытый в сердце юноши:

В его крови, сияющей и знойной,
 Загадочные **вижу** письмена.
 Не так ли в сердце вечен лик спокойный
 И **ты, безвестная**, отражена?
 Из камня брызжет искр поток нестройный,
Во мне лучей колеблется волна.
 Из камня к свету скрытый свет струится.
 Не сердце ль сердца и **во мне** таится?³¹³

³¹¹ Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 54.

³¹² Heinrich von Ofterdingen. Aus Novalis Schriften herausgegeben von L. Tieck und Fr. Schlegel / Wien, 1827. S. 58.

Стихотворение в переводе В. В. Гиппиус более персонифицировано: повествование ведется от лица героя, сравнивающего сияние знойного камня с томлением собственной, ищущей души. В данном варианте сохраняется одушевленность камня, описанная в оригинале – в нем, как и в человеке, течет горячая кровь (*“Tief eingegraben in sein glühend Blut”* – «В его крови, сияющей и знойной»). В переводе Иванова камень не обладает чертами одушевленности, автор ограничивается описанием его внутреннего сияния для сравнения с человеческой душой («В нем свет сиянья бьется глухо, // Не живы-ль все *мы* тайной духа?»³¹⁴).

Редакторы газеты также считают важным упомянуть в сноске к публикации, что «перевод размером подлинника с Лейпцигского издания 1897 г.»³¹⁵, очевидно, пытаясь тем самым подчеркнуть профессионализм и талант переводчика. Перевод И. Иванова действительно очень близок к оригиналу: «Карбункул» Иванова написан 4-стопным ямбом, оригинал Новалиса – 5-стопным ямбом; ср. по количеству слогов в четверостишьях:

Из Новалиса. Карбункул (И. Иванов)

1 четверостишье: 9 – 7 – 9 – 8

2 четверостишье: 9 – 7 – 9 – 9

Der Karfunkel (Novalis)

1 четверостишье: 11 – 10 – 11 – 10

2 четверостишье: 11 – 10 – 11 – 11

В целом, сибирский перевод выразительно передает таинственность и необъяснимую силу, которой наделяли камень герои романа. Для творчества Иосифа Иванова-переводчика характерно обращение к романтической образности (см. параграф 3.3.).

Следующее обращение к наследию Новалиса находится в № 40 «Сибирского вестника» за 1896 год, в рубрике «Маленький фельетон». Под заголовком «Лилии» и комментарием «Элегия в прозе В. Новалис» (вероятно, ошибка в обозначении инициала является опечаткой) публикуется небольшое произведение, повествующее о трех цветках лилии, плавающих в бокале и вспоминающих о прошедшем вечере. Первая лилия говорила о том, что украшала

³¹³ Новалис. Указ. соч. С. 61.

³¹⁴ Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 54.

³¹⁵ Там же.

волосы грустной, но прекрасной девушки; вторая касалась девичьей шейки, а третья слышала крик души этой девушки, ищущей счастья и тоскующей по жизни. Заканчивается произведение печальным заключением лилий:

«И знаю я: жизнь придет на зов ее; с наглой, дерзко самоуверенной улыбкой подойдет к ней; грубой, неуклюжей рукой дернет нежную серебряную струну ее души и – оборвет ее. А она тоскует по жизни...»³¹⁶.

Данный рассказ сопровождается подписью «Перевел Иван Северный». Среди оригинальных произведений Новалиса произведение-источник не находится, хотя образы цветов неразрывно связаны с творчеством романтика. Основываясь на исследованиях прочих переводов И. Северного в сибирских периодических изданиях, данный рассказ представляется псевдопереводом, основанном на знакомстве И. Северного с творчеством Новалиса и склонностью к романтическим мотивам. Известно как минимум два псевдоперевода с авторством Северного (см. параграф 3.4.).

Как известно, природа играет неотъемлемую роль в произведениях романтической эпохи: она является отражением человеческих чувств и переживаний, связующим звеном между человеком и окружающим миром, помогающим человеку познать самого себя. «Сочетание культа природы и культа чувствительного сердца (измерением интимного опыта «человека чувствующего» становятся образы природы), определявшее сентименталистское мировосприятие, оказалось наиболее благоприятным фоном для восприятия и развития поэтики, основанной на наделении растений изощренной эмблематикой чувств»³¹⁷.

В творчестве Новалиса особое значение имеет флористика: введенный им в романе «Генрих фон Офтердинген» образ «голубого цветка» (blaue Blume) – символа объединения природы, человека и души, стремления к познанию природы и самого себя – встречается в поэтике многих представителей

³¹⁶ Сибирский вестник. Томск, 1896. №40.

³¹⁷ Шарафадина К.И. «Алфавит флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб.: Петербургский ин-т Печати, 2003. С. 24.

романтизма, “blaue Blume” – это также «женское начало, смысл которого раскрывается по ходу действия романа»³¹⁸.

Флористика художественного наследия Новалиса раскрывается и в его аллегорической сказке о Гиацинте и Розочке (“Die Geschichte von Hyazinth und Rosenblütchen”), повествующей о силе любви, где все герои заключены в образах цветов и растений. Образ лилии также присутствует в произведениях Новалиса. Так, например, в первой части повести «Ученики в Саисе» образ лилии используется для описания сияющей кожи девушки: «wie Lilien glänzte seine Haut»³¹⁹ (досл.: словно лилии сияла ее кожа).

Упоминание лилий встречается также в романе «Генрих фон Офтердинген» в самых разнообразных проявлениях. Так, в 6 главе романа лицо девушки сравнивается с цветком лилии, который выступает образом женской красоты и нежности:

*“Eine nach der aufgehenden Sonne geneigte Lilie war ihr Gesicht, und von dem schlanken, weißen Halse schlängelten sich blaue Adern in reizenden Windungen um die zarten Wangen”*³²⁰.

*«Лицо ее казалось лилией, обращенной к восходящему солнцу, и от белой стройной шеи поднимались голубые жилки по нежным щекам»*³²¹.

В 9 главе романа (Das Märchen von Eros und Fabel) лилия появляется в качестве андрогинного образ, символа любви между братом и сестрой. Подобный образ лилии является отсылка к гетевскому роману «Годы учения Вильгельма Мейстера» (*Wilhelm Meisters Lehrjahre*, 1795)³²².

“Ein Lilienblatt bog sich über den Kelch der schwimmenden Blume; die kleine Fabel saß auf demselben, und sang zur Harfe die süßesten Lieder. In dem Kelche lag

³¹⁸ Вольский А.Л. Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 81. 2008. С. 170.

³¹⁹ Novalis: Die Lehrlinge zu Sais. –Berliner Ausgabe, 2013. S. 4.

³²⁰ Heinrich von Ofterdingen. Aus Novalis Schriften herausgegeben von L. Tieck und Fr. Schlegel / Wien, 1827. S. 133.

³²¹ Новалис. Указ. соч. С. 54.

³²² Schmaus, M. Eine Poetologi des Selbst/Mordes //«über die Zeit schreiben»: literature- und kulturwissenschaftliche Essays zu Ingeborg Bachmanns Todesarten-Projekt / Monika Albrecht/ Dirk Gottsche (Hrsg.). Würzburg : Königshausen und Neumann, 1998. S. 96.

Eros selbst, über ein schönes schlummerndes Mädchen hergebeugt, die ihn fest umschlungen hielt. Eine kleinere Blüte schloß sich um beide her, so daß sie von den Hüften an in eine Blume verwandelt zu sein schienen“³²³.

«Лилейный листок склонялся к чашечке плавающего цветка; маленькая Басня сидела на нем и пела под звуки арфы нежные песни. В чашечке лежал сам Эрос, склоненный над прекрасной спавшей девушкой, которая крепко охватила его руками. Маленький бутон обвил их обоих так, что они, начиная с бедер, как бы превратились оба в один цветок»³²⁴.

В том же романе лилия является и знаком благословения и признания, символом мудрости, передаваемой от старшего поколения к младшему:

„Die nördliche Krone zierte sein Haupt. Die Lilie hielt er mit der Linken, die Waage in der Rechten. ... Der König berührte ihre offene Stirn mit der Lilie: "Was du bittest, sei dir gewährt"“³²⁵. – «Северная корона украшала голову короля. Он держал лилию в левой, весы в правой руке. ... - Король коснулся ее открытого лба лилией. - Все, чего ты просишь, будет исполнено»³²⁶.

“Dann gab er ihm die Lilie in die linke Hand, und Sophie knüpfte ein köstliches Armband um die verschlungenen Hände der Liebenden, indem sie zugleich ihre Krone auf Freyas braune Haare setzte”³²⁷. – «Затем он дал ему лилию в левую руку, и София надела очаровательное запястье на соединенные руки любящих, а также увенчала венцом темные волосы Фрей»³²⁸.

Цветок лилии у Северного объединяет в себе элементы флорообразности Новалиса: цветы наделяются мудростью, они понимают и сочувствуют девушке. В элегии лилии важным моментом также являются прикосновения лилий к женской коже, отмечая ее схожесть с нежными лепестками, единение девичьей

³²³ Новалис. Указ. соч. С. 174.

³²⁴ Heinrich von Ofterdingen. Aus Novalis Schriften herausgegeben von L. Tieck und Fr. Schlegel / Wien, 1827. S. 76.

³²⁵ Там же. С. 180, 181.

³²⁶ Новалис. Указ. соч. С. 84.

³²⁷ Heinrich von Ofterdingen. Aus Novalis Schriften herausgegeben von L. Tieck und Fr. Schlegel / Wien, 1827. S. 180, 181

³²⁸ Новалис. Указ. соч. С. 96.

души и природы: *«В ее волосы мы вдохнули нашу душу; нам суждено умереть, но – мы были счастливы!»*³²⁹.

Образ лилии у Северного соответствует романтическому представлению о цветке, олицетворяющем женское начало. Они делятся с девушкой своей нежностью и красотой, танцуют вместе с ней, радуют ее и украшают. Сам образ девушки также близок к романтическому, она пытается понять себя, понять жизнь и найти свою дорогу к счастью:

- *«Я могу рассказать вам о ней гораздо больше: я разговаривала с ее лихорадочно движущейся кровью; я слышала крик бессильного и безнадежного отчаяния – крик души, которая сбилась с дороги...*

*«Да! Она потеряла дорогу к счастью: она тоскует по жизни»*³³⁰.

Таким образом, в произведении Ивана Северного мы наблюдаем квинтэссенцию новалисовской символики цветка, одного из характерных образов романтизма. Сибирякам оказываются близки чудесные образы оживотворенных цветов и камней, скрывающих в своем существовании множество тайн. Вдохновляясь творчеством знаменитого немецкого романтика, местные авторы создают собственные произведения, с характерными философскими нотками и стремлением к познанию жизни.

Особенность восприятия творчества Новалиса в Томске заключается в принятии его образности, основанной на таинственности природных явлений. Сибирских авторов привлекают мистические мотивы, романтическое единение человека и природы, поиски истины и самого себя.

3.3. Пейзажная лирика Н. Ленау в интерпретации И. Иванова и П. Черневича

Николаус Ленау – псевдоним Николауса Франца Нибша Эдлера фон Штреленау (*Nikolaus Lenau*, 1802–1850), талантливого немецкого поэта-романтика начала XIX века. Пластическая определенность образов при музыкальности

³²⁹ Сибирский вестник. Томск, 1896. № 40.

³³⁰ Сибирский вестник. Томск, 1896. № 40.

внешней формы стиха и мягкости настроения сделали его наследие образцом меланхолической поэзии. Н. Ленау при жизни попал в разряд «классиков» на родине, однако переводы его лирических стихотворений на русский язык были, главным образом, рассеяны по журналам. В истории русской школы поэтического перевода особое место занимают переводы из Ленау, сделанные в первые два десятилетия XX века русскими поэтами-символистами В. Брюсовым и К. Бальмонтом. Отдельными изданиями некоторые стихотворения Ленау выходили в России четырежды: в 1862 году в переводе И. Чиждова³³¹, в 1877 году в антологии Н.В. Гербеля³³², в 1913 году³³³ и в 1956 году в переводе В. Левица³³⁴.

Томская рецепция Ленау дополняет библиографию русских переводов поэта. С одной стороны, изучение непосредственной рецепции западноевропейской поэзии в томской периодике, характера трансформации оригиналов, позволяет выявить особенности регионального осмысления поэзии Ленау в сравнении с общероссийским. С другой стороны, исследование этого восприятия с точки зрения субъекта открывает своеобразие локального текста сибирской словесной культуры.

На страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» появляются шесть переводов стихотворений Н. Ленау: «Зимние песни» (“Winternacht”, 1848) в переводе неизвестного автора, «К моей гитаре» (“An meine Gitarre”, 1832) в переводе П. Черневича с указанием имени Ленау в подзаголовке, «Туча» (“Nebel”, 1831), «Упрек» (“Vorwurf”, 1834), «Праздник любви» (“Liebesfeier”, 1832), «Песня в камышах» (“Sonnenuntergang” из цикла “Schilflieder”, 1832) в переводе И. Иванова.

Хронологически первым в № 146 газеты «Сибирский вестник» за 1892 год появляется анонимный перевод стихотворения «Winternacht» (Зимняя ночь) под заглавием «Зимние песни из Ленау». Заголовок, данный сибирским автором, связан с тем, что стихотворение состоит из 2-х частей-песен. В стихотворении

³³¹ Ленау Н. Стихотворения. В переводе И. Чиждова. 1862.

³³² Гербель Н.В. Немецкие поэты в биографиях и образцах. 1877.

³³³ Избранные стихотворения в переводах русских поэтов, СПб. 1913.

³³⁴ Ленау Н. Стихотворения. Ян Жижка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 206 с.

Ленау реализуется сюжет инициации, умирание и воскрешение лирического героя, охваченного зимней стужей.

Winternacht (1848)

1.
 Vor Kälte ist die Luft erstarrt,
 Es kracht der Schnee von meinen
 Tritten,
 Es dampft mein Hauch, es klirrt mein
 Bart;
 Nur fort, nur immer fortgeschritten!

Wie feierlich die Gegend schweigt!
 Der Mond bescheint die alten Fichten,
 Die, sehnsuchtsvoll zum Tod geneigt,
 Den Zweig zurück zur Erde richten.

Frost! friere mir ins Herz hinein,
 Tief in das heißbewegte, wilde!
 Dass einmal Ruh mag drinnen sein,
 Wie hier im nächtlichen Gefilde!

2.
 Dort heult im tiefen Waldesraum
 Ein Wolf; – wie's Kind aufweckt die
 Mutter,
 Schreit er die Nacht aus ihrem Traum
 Und heischt von ihr sein blutig Futter.

Nun brausen über Schnee und Eis
 Die Winde fort mit tollem Jagen,
 Als wollten sie sich rennen heiß:
 Wach auf, o Herz, zu wildem Klagen!

Lass deine Toten auferstehen,
 Und deiner Qualen dunkle Horden!
 Und lass sie mit den Stürmen gehen,
 Dem rauhen Spielgesind aus Norden!³³⁵

Зимняя ночь (Подстрочник)

1.
 От холода воздух застыл,
 Скрипит снег под моими шагами,
 Дымится мое дыхание, звенит моя борода,
 Только вперед, всегда идти только вперед!

Как торжественно молчит окрестность!
 Луна освещает древние ели,
 Которые, тоскливо к смерти склоняясь,
 Ветки тянут обратно к земле.

Мороз! Вмерзни в мое сердце,
 Глубоко, в волнующее, дикое!
 Чтобы однажды там внутри мог быть покой,
 Как здесь на ночной равнине!

2.
 Там воет в глубокой лесной глуши
 Волк - как ребенок будит мать,
 Будит он ночь от ее сна
 И требует от нее свой кровавый корм.

Только шумят сквозь снег и лед
 Ветра в безумной погоне.
 Будто хотят они промчаться горячо:
 Проснись, о сердце, от дикого вопля!

Позволь восстать своим мертвецам
 И темным ордам твоих мучений!
 И позволь им уйти с бурями,
 С играми суровой дворни севера!

Русские поэты XX в. обращались к стихотворению “Winternacht” трижды. Раньше томского переводчика первую часть перевел П. Вейнберг, стихотворение вошло в антологию Н.В. Гербеля в 1877 году³³⁶. Позднее томского переводчика первую часть «Зимней ночи» переводил В. Левик в 1956 году³³⁷, вторую часть –

³³⁵ Lenau, N. Sämtliche Werke und Briefe. Herausgegeben von Walter Dietze. 2 Bände. Insel-Verlag Leipzig, Frankfurt a.M., 1970. Bd. 1. S. 22–23.

³³⁶ Гербель Н.В. Указ. соч.

³³⁷ Ленау Н. Стихотворения. Ян Жижка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 206 с.

К. Бальмонт в 1921 году³³⁸. Полный сибирский перевод является уникальным фактом в истории взаимодействия австрийской и русской литературы.

Зимние песни (1892)

(Из Ленау) Посвящается А. В. Я-ой.

I.
Застыл весь воздух, словно лед;
Дыханье инеем струится,
А я, безумный, мчусь вперед,
Лишь снег скрипит, да пар клубится.
Торжественно вся даль молчит,
И месяц сосны озаряет;
Их ряд в тоске немой стоит
И ветви к смерти простирает.
Мороз! войди-ж в мою ты грудь!
Пусть в сердце пылком воцарится
Один хоть раз, хоть как-нибудь,
Покой, что здесь кругом ложиться.

II.

Вот волк завыл в глуши лесной,
И воем будит он дубраву,
Как мать - ребенка в час ночной,
Добычу чует он кроваву.
И вьюга саван снежный рвет
Безумно на степном просторе
И дико стонет и ревет.
Откликнись ей ты, сердце, в горе!
И страшных рой мучений весь
И все, чем билось ты так нежно,
Отдай порывам бури здесь,
Отдай ты вьюге здесь

Зимняя ночь (1956)

1. (Перевод В. Левика)
Сквозь лед и снег вперед,
вперед!
Оцепенел от стужи воздух,
Звенит мой ус, дымитесь рот, —
Вперед, забыв привал и роздых!

Над миром царствует зима!
В лучах луны белеют ели,
И, мнится, клонит смерть сама
Их ветви к ледяной постели.

И мне, мороз, ты вмерзни в грудь,
Оледени мой жар мятежный,
Чтоб сердцу пылкому заснуть
Глубоким сном равнины снежной³⁴⁰!

2. Зимняя ночь (1921)

(Перевод К. Бальмонта)
Там, на глухом лесном краю,
Волк воет; — мать ребёнок молит,
И в ночь кричит он, да позволит
Ему найти еду свою.

Еду кровавую. Несутся
Метели, бешено свистят,
Согреться пляскою хотят:
—
Все вопли, сердце, пусть проснутся.

Твои да встанут мертвецы,
Печали тёмными ордами.
И с челядью, рожденной

Зимняя ночь (1877)

I. (П. Вейнберг)
Спит воздух, скованный морозными цепями;
Снег у меня хрустит зловеще под ногами;
Дыхание моё клубится паром; лёд
Вокруг меня. Вперёд, смелей вперед!

Какое страшное, могильное молчанье!
На ели старые луна струит сиянье,
И, жаждою томясь забыться в вечном сне,
Ветвями вниз к земле склоняются оне.

Зима, пройди мне в грудь и там,
без сожаленья,
Навеки заморозь все дикие волненья,
Все страсти бурные, чтоб и в душе моей!
Всё умерло, как здесь, среди глухих полей.³⁴²

³³⁸ Бальмонт К.Д. Из Мировой Поэзии. Берлин: Изд. Слово, 1921. С. 167.

мятежной.³³⁹

льдами,
Да побегут во все концы³⁴¹.

Стихотворение начинается с описания зимнего пейзажа. Картина зимы постепенно проецируется на лирического героя, точка зрения смещается на внутреннее индивидуальное начало, на устремленность героя вперед. Композиция оригинала у сибирского переводчика и Вейнберга сохранена, в переводе Левика же стихотворение начинается с описания внутреннего состояния героя.

Сибирский переводчик оказывается ближе других к сюжету оригинала, не упуская ни одного образа Ленау, поэтические метафоры немецкого романтика в томском издании передаются точнее, чем в интерпретации советского переводчика, прибегающего к более привычным для его современников поэтизмам в духе пушкинской «зимней» лирики. Вейнберг же делает акцент на смертельном сюжете: Ср:

Оригинал	Сибирский переводчик	В. Левик	П. Вейнберг
<i>Wie feierlich die Gegend schweigt</i>	<i>Торжественно даль молчит</i>	<i>Над миром вся царствует зима!</i>	<i>Какое страшное, могильное молчанье!</i>

Сибирский перевод обладает большей выразительностью, соответствующей художественному стилю зарубежного поэта. Вейнберг добавляет выразительные эпитеты, имеющие зачастую более негативную коннотацию. Ср.:

Оригинал	Сибирский переводчик	В. Левик	П. Вейнберг
<i>Es dampft mein Hauch, es klirrt mein Bart</i> (досл.: мое дымится дыхание, звенит моя борода)	<i>Дыханье инеем струится</i>	<i>Звенит мой ус, дымится рот</i>	<i>Спит воздух, скованный морозными цепями;</i> <i>Снег у меня хрустит злоеще под ногами.</i>
<i>Nur fort, nur immer fortgeschritten</i> (досл.: только вперед, всегда идти только вперед)	<i>А я, безумный, мчусь вперед</i>	<i>Вперед, забыв привал и роздых</i>	<i>Дыхание моё клубится паром; лёд Вокруг меня. Вперёд, смелей вперёд</i>

³⁴⁰ Ленау Н. Стихотворения. Пер. В. Левик. М., 1956.

³⁴² Гербель Н.В. Указ. соч. С. 553.

³³⁹ Сибирский вестник. 1892. № 146.

³⁴¹ Бальмонт К.Д. Указ. соч. С. 167.

Описание пространственной картины, разворачивающейся по вертикали, от небес до земли, исполнено в стихотворении Ленау с помощью популярных у романтиков мортальных образов-символов. Всеохватность зимнего молчания отражается в образах луны (*der Mond*), древних елей (*die alten Fichten*), земли (*die Erde*). Последовательность этого образного ряда в переводе Левика и в интерпретации сибирского переводчика сохранена, оба автора заключают пейзаж упоминанием *смерти*. Романтический концепт «томления» (нем. *sehnsuchtsvoll*) точно передается томским автором («*Их ряд в тоске немой стоит*») и Вейнбергом («*жаждою томясь забыться в вечном сне*»). Мотив смерти значительно усиливается в переводе П. Вейнберга за счет выразительных эпитетов и метафор: «*страшное, могильное молчанье*», «*луна струит сиянье*», «*забыться в вечном сне*».

Ритмически переводы томского автора и В. Левика наиболее близки к оригиналу: сохраняется структура четырехстопного ямба с перекрестной рифмовкой. У Вейнберга рифма смежная и более сложный ритм с большим количеством слогов в строке (13-13-12-10; 13-13-12-10; 13-13-12-12).

Таким образом, переводы первой части Вейнберга и сибирского автора представляются более удачными в плане передачи образности Ленау, но по композиции и стилю наиболее точным видится сибирский перевод.

Во второй части стихотворения центральным является образ волка. У Ленау волк воет, обращаясь к ночи, как ребенок будит мать, чтобы получить корм. Сибирский переводчик прибегает к инверсии, абсолютизируя образ волка, который чувствует добычу, как мать чувствует свое дитя.

Пейзаж тайги и ненастья описан местным переводчиком, знакомым с этими реалиями, более выразительно и понятно для сибирского читателя, чем в оригинале: «*Schnee*» (*снег*), «*Eis*» (*лед*), «*Winde*» (*ветра*) становятся «*вьюгой*» и «*снежным саваном*». В последнем четверостишье он нейтрализует упоминание о мертвецах, компенсируя его деталями зимнего пейзажа, но сохраняя уровень эмфатического заряда образного ряда. У Бальмонта в этом отрывке наблюдается

снижение эмоциональной составляющей и усиление характерной для символизма насыщенности, выраженной в развитии образа «мертвецов». Ср.:

Оригинал	Переводчик «Сибирского вестника»	К. Бальмонт
Lass deine Toten auferstehen, Und deiner Qualen dunkle Horden! Und lass sie mit den Stürmen gehen, Dem rauhen Spielgesind aus Norden ³⁴³ !	И страшных рой мучений весь И все, чем билось ты так нежно, Отдай порывам бури здесь, Отдай ты выюге здесь мятежной	Твои да встанут мертвецы, Печали тёмными ордами. И с челядью, рожденной льдами, Да побегут во все концы

В интерпретации К. Бальмонта рифма изменяется на кольцевую, ритм также не соблюден: в оригинале во всех четверостишьях чередуются строки с 8 и 9 слогами (8-9-8-9), у Бальмонта ритм четверостиший трансформирован (8-9-9-8; 9-8-8-9; 8-9-9-8).

Сюжет стихотворения Н. Ленау, очевидно, был близок и привлекателен для томского автора и читателей по объективным причинам, картина суровой зимней природы позволяла изобразить мятежного героя, его нисхождение и внутреннее возрождение, процесс самостояния пробирающегося сквозь мглу смерти. Очевидно, что эстетико-философское направление поэзии немецкого романтизма импонировало сибирскому переводчику, в полной мере освоившему и усилившему образность описания зимы.

Не менее интересен перевод крупного стихотворения Н. Ленау «An meine Guitarre», напечатанный в «Сибирском вестнике» годом позже и выполненный П. Черневичем³⁴⁴. «К моей гитаре» насчитывает 10 четверостиший и так же, как и предыдущее стихотворение о зимнем времени года, репрезентирует природные образы (леса, стаи птиц, ветра) и элегические мотивы (оплакивание утрат и ушедшей молодости, потеря возлюбленной, призрачность мечтаний). П. Черневич адаптирует их так, что читатель перевода без труда узнает в его тексте русскую элегию и одновременно балладу, своеобразие Ленау представляется через

³⁴³ Lenau, N. Sämtliche Werke und Briefe. Herausgegeben von Walter Dietze. 2 Bände. Insel-Verlag Leipzig, Frankfurt a.M., 1970. Bd. 1. S. 22–23.

³⁴⁴ Сибирский вестник. 1893. № 31.

посредство русского интертекста. Элегическая «поэтика узнавания» (Л. Я. Гинзбург) позволяет воссоздать атмосферу меланхолии. Переводчик реконструирует своеобразие оригинала с помощью принципиальных черт русской лирики пушкинской поры, главным образом, кладбищенской и унылой элегии.

Устойчивые эмоционально-оценочные эпитеты В. А. Жуковского наполняют русский перевод, не находя соответствий в оригинале: «тоскливо» («с тоской»), «скучно», «грустно», «милый», «мой нежный друг», «темнеет тихо» и др. П. Черневич изменяет сюжет стихотворения Ленау таким образом, что на первый план помещается мотив любви «за гробом», воспоминание об ушедшем «верном и славном друге» нивелируется. Сравним с довольно точным в сюжетном отношении переводом Левика:

В. Левик (1856)

Не ты ли, друг мой? Ближе!
Ближе!
Не ты ль зовешь из темноты?
Моя любовь, о подойди же!
Ты здесь! Ответь, со мной ли ты?

Увы! Ни друга, ни любимой!
Их голоса. То был обман!
Лишь ветер свищет нелюдимый,
И не подаст руки туман³⁴⁵.

П. Черневич (1893)

Ты здесь, голубка дорогая!
Твои я вижу здесь черты!
Тебя я долго звал, рыдая...
Скажи, родная, это ты?
Она молчит... Мне нет привета.
О где-же ты, мой бледный друг?
А лес шумит, - и без ответа
Темнеет тихо все вокруг³⁴⁶.

В русский текст вплетаются и очевидные реминисценции балладного мира Жуковского: суггестия таинственного молчания («молчишь», «замолкла», «не слышна», «беззвучно», «затихло», «без ответа») и звука гитары, «призраки толпою», «виденья из гробов» и знаменитое «Чу!»:

N. Lenau (1832)

Dann ruft, dann zieht ihr lauter Chor
Die Lieben all in meinen Nachen
Aus dunkler Todesflut empor.

Es klingt! – doch fliehn im scheuen Fluge
Die Töne auf von meiner Hand<...>

П. Черневич (1893)

Толпой виденья принесутся
Из темных к нам своих гробов.

Чу! Первый звук слетел вдруг вяло,
С тоской из под руки моей <...>

³⁴⁵ Европейская поэзия XIX века. Майрхофер И., Цедлиц И., Грильпарцер Ф. и др. Москва: Художественная литература, 1977. 928 с.

³⁴⁶ Сибирский вестник. Томск, 1893. № 31.

Schon springen die versunkenen Geister
Herauf, herauf an meinen Bord³⁴⁷!

И призраки толпою милой
Со всех сторон ко мне спешат³⁴⁸.

В результате стихотворение австрийского романтика Ленау облачается в узнаваемую поэтику русского сентиментализма и романтизма, с одной стороны, и принимает черты городского романса, с другой. Адаптивная установка при переводе стихов, характерная для «золотого века» русской литературы, как и сам выбор материала, становятся понятными в контексте рассуждений томских литераторов о новой поэзии. Общее критическое восприятие тенденций развития русской поэзии рубежа XIX–XX веков выражено во многих программных критических публикациях томской периодики. Так, в статье известного в Сибири в начале XX века поэта и критика Г. Вяткина «Из новинок поэзии» декларативно утверждается, что *«русская поэзия после четверти века резко и значительно уклонилась от того славного идеала, который был ей завещан Пушкиным, и во всяком случае она утратила главное достоинство пушкинской школы: художественную простоту»*³⁴⁹, а читатель *«хочет здоровых настроений, простых и ясных песен, молитвенно-чистых дум и помыслов»*³⁵⁰.

Следующие четыре перевода из Ленау принадлежат перу Иосифа Иванова, который выбирает четыре стихотворных текста, в которых метафоричность и романтическая образность сочетаются с классической поэтикой пейзажа. При этом в ассоциативном поле поэзии Ленау преобладает сумеречный свет, в поисках человечности свое субъективное мироощущение лирический герой переносит на явления природы, находя лишь признаки бренности всего земного.

Так, в стихотворении «Туча» динамика сюжета в соответствии с традициями романтической поэтики психологизма развивается по направлению от изображения картин природы к отражению в состоянии лирического героя:

Nebel (1831)

Du, trüber Nebel, hüllest mir
Das Tal mit seinem Fluß,
Den Berg mit seinem

Туман (подстрочник)

Ты, сумрачный туман,
кутаешь мне
Долину с ее рекой,

³⁴⁷ Lenau, N. Gedichte. 1. Band. Cotta, Stuttgart/Augsburg, 1857. 456 p.

³⁴⁸ Сибирский вестник. 1893. № 31.

³⁴⁹ Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 72.

³⁵⁰ Там же.

Waldrevier Und jeden Sonnengruß.	Поросшую лесом гору И каждый солнечный привет.
Nimm fort in deine graue Nacht Die Erde weit und breit! Nimm fort, was mich so traurig macht, Auch die Vergangenheit! ³⁵¹	Забери в свою серую ночь Землю, везде и всюду Забери все, что так печалит меня, И прошлое – тоже.

Из российских переводчиков к данному стихотворению обращается Анатолий Рябинин (1874–1942) – геолог и палеонтолог, революционер, выпустивший в 1918 году сборник собственных стихотворений и переводов из Гюго, Лонгфелло, Теннисона и др., в который и вошел перевод стихотворения Ленау «Туман».

Туча. Из Ленау (И. Иванов, 1912) Ты, злое облако, кольцом Сковало рек долинных свет, И холм, с его лесным венцом, И каждый солнечный привет!	Туман (А. Рябинин, 1918) Туман седой, ты скрыл долины И реки от моих очей, Окутал лес и гор вершины, - Не видно солнечных лучей...
Так брось же мне седую ночь, Печаль земную загради, - Все, что нет силы превозмочь, Все, что осталось позади! ³⁵²	Возьми же землю, небо, море, Окутай всё полночной тьмой; Покрой печаль мою и горе, - Возьми всё прошлое с собой! ³⁵³

В оригинале стихотворение имеет заглавие “Nebel” (Туман), в переводе Иванова туман становится *«злым облаком»*. Туман является частым символом в поэтической системе Ленау, олицетворяющим осеннее меланхолическое настроение, элегическую скорбь. В немецком оригинале лирический герой просит туман забрать в ночь его грусть и его прошлое. У Иванова же туча выступает преградой, отделяющей героя от прошлых бед. В переводе А. Рябинина туман сохраняет способность появляться в ночи и окутывать все вокруг. Стихотворение Рябинина обладает более выразительной образностью в сравнении с оригиналом за счет использования характерных поэтизмов: *«от моих очей, / Не видно солнечных лучей, / Окутай всё полночной тьмой»*.

³⁵¹ Lenau, N. Gedichte, Erstes Buch. 1831. S. 57.

³⁵² Сибирская жизнь. 1912. № 12.

³⁵³ Рябинин А. После грозы. Сборник стихотворений. 1918.

Что касается ритма стихотворения, то ни одному переводчику не удалось точно передать сочетание четырехстопного и трехстопного ямба Ленау. Оба переводчика сохраняют перекрестную рифму (абаб), но прибегают к четырехстопному ямбу. Несмотря на это, перевод А. Рябина представляется более удачным, поскольку лучше передает образность Ленау.

И. Иванов при выборе произведений австрийского романтика избегает зимних мотивов. Осень, весна и лето представлены соответственно в его переводах «Упрек» («Сибирская жизнь, №42»), «Праздник любви» («Сибирская жизнь», №86) и «Песня в камышах» («Сибирская жизнь», №149).

Опубликованное в «Сибирской жизни» стихотворение Ленау в «Упрек» не становилось предметом внимания известных русских поэтов-переводчиков. Оно наиболее ярко раскрывает характерное элегическое настроение поэзии Ленау, содержит ее постоянные образы леса, ветра, птичьей стаи, картины осенней природы.

Vorwurf (N. Lenau, 1834)

Du klagst, dass bange Wehmut
dich beschleicht,
Weil sich der Wald entlaubt,
lind über deinem Haupt
Dahin der Wanderzug der
Vögel streicht.
O klage nicht, bist selber
wandelhaft;
Denkst du der Liebesglut?
Wie nun so traurig ruht
In deiner Brust die müde
Leidenschaft³⁵⁴!

Упрек (подстрочник)

Ты сетуешь, что
страшная тоска тебя
подстерегла,
Поскольку сбрасывает
лес листву,
Над твоей головой
Пролетает стая
перелетных птиц.
О, не сетуй, ты сам
переменчив;
Ты помнишь жар любви?
Как теперь грустно
покоится
В твоей груди усталая
страсть!

Упрек (И. Иванов, 1912)

Ты сетуешь, что грусть к
тебе подкралась злая.
Когда прощался лес с
листвой.
И над твоею головой
Птиц южных пролетала стая.
Не сетуй, сам ты в той же
вечной власти.
В любви ты помнишь
полдень твой?
Какой теперь глухой покой
В душе, плененной сном
усталой страсти³⁵⁵!

Меланхолию элегических мотивов И. Иванову удалось передать с помощью перевода эпитетов (“*bange Nehmuth*” – «грусть злая»; “*die müde Leidenschaft*” – «усталой страсти») и метафор (“*Denkst du der Liebesglut?*” – «В любви ты помнишь полдень твой?»), сохранив при этом ритм оригинального стихотворения.

³⁵⁴ Lenau, N. Gedichte. 1. Band. Cotta, Stuttgart/Augsburg, 1857. 456 p.

³⁵⁵ Сибирская жизнь. 1912. № 43.

Наиболее ярко своеобразие томских переводов открывается в сопоставлении с существующими переводами популярного в русскоязычной рецепции текста из «Камышовых песен», к которому обращались В. Брюсов, К. Бальмонт и В. Левик.

**Sonnenuntergang
(«Schilflieder»,
N. Lenau, 1832)**

1
Sonnenuntergang;
Schwarze Wolken zieh'n,
O wie schwül und bang
Alle Winde flieh'n!
2
Durch den Himmel wild
Jagen Blitze bleich;
Ihr vergänglich Bild
Wandelt durch den Teich.
3
Wie gewitterklar
Mein' ich Dich zu seh'n,
Und dein langes Haar
Frei im Sturme weh'n³⁵⁶!

**Солнечный закат
(подстрочник)**

Солнечный закат;
Черные облака тянутся,
О, как душно и тоскливо
Все ветра пролетают!

По небу дико
Прносятся молнии бледно;
Их эфемерный образ
Гуляет по пруду.

Сквозь ясную грозу
Кажется, вижу я тебя,
И твои длинные волосы
Свободно в буре
развиваются!

**Песня в камышах
(Из Ленау)
(И. Иванов, 1912)**

Вереницею туч
Солнце скрыто внизу.
Как удушлив и жгуч
Всякий ветер в грозу!

Небо темное миг
Жалят молнии, жгут;
Тот изменчивый лик
Повторяет мой пруд.

Если б в дни душных гроз
Ты, любовью маня,
Ароматом волос
Обвевала меня³⁵⁷!

И. Иванов точно передает перекрестную мужскую рифму подлинника в каждом четверостишии (abab) и аллитерацию, выдерживает соединение краткости немецкого слога и пластичности и мягкости образа Ленау, которую связывают со славянскими корнями поэта. Переводы Брюсова и Бальмонта как бы обращены к разным сторонам стихов Ленау: первого интересует точная детализация конкретного пейзажа, второй подчеркивает его эмоциональную окрашенность и при этом значительно сгущает краски и усиливает чувства. В результате ускользает главное – глубина и красота образа, создающая вместе с настроением личной трагедии неповторимую мечтательную меланхоличность немецкого лирика:

В. Брюсов (1914)

Солнечный закат;
Душен и пуглив
Ветерка порыв;
Облака летят.

Молнии блеснут

К. Бальмонт (1921)

Солнечный закат;
Чёрны облака,
Ветры прочь летят,
Душно, и тоска.

Молний огневых

В. Левик (1956)

Тучи нанесло,
Сумрак на земле.
Ветер тяжело
Бьется в душевной мгле.

Стрелы молний, треск,

³⁵⁶ Lenau, N. Gedichte. 1. Band. Cotta, Stuttgart/Augsburg, 1857. 456 p.

³⁵⁷ Сибирская жизнь. 1912. № 149.

Сквозь разрывы туч; Тот мгновенный луч Отражает пруд.	Борозды бегут; Быстрый образ их Озаряет пруд.	Гром, да ветра вой, Бродит беглый блеск В бездне прудовой.
В этот беглый миг Мнится: в вихре гроз Вижу прядь волос, Вижу милый лик ³⁵⁸ .	Мнится, ты — со мной, В чёткости зарниц, Волосы — волной, Взоры — взмахи птиц ³⁵⁹ .	Вижу в блеске гроз Лишь тебя одну, Взвихренных волос Вольную волну ³⁶⁰ .

В переводе Левика этот отрывок с переводоведческой точки зрения почти безупречен, однако Ленау в его интерпретации – это реакционный романтик, и его, не имеющая ничего общего с социальными настроениями, любовная натурфилософская лирика предстает в почти штюрмерском ключе с реалистической по характеру образной начинкой.

Та же «перегласовка» наблюдается в переводе В. Левика стихотворения Ленау “*Liebesfeier*”, где три четверостишия, переполненные романтической образностью весеннего пейзажа, заключаются принципиально важным образом, отражающим внутреннее представление лирического героя. Сложное слово “*Opferstorm*” («*поток жертв*») реконструируется в общем контексте поэзии романтика трагически, и радостный пафос весенней картины оказывается иллюзорным, так как перечеркивается скрытой в последнем стихе трагедией «внутреннего человека». Это своеобразие художественной картины мира Н. Ленау, как и общее романтическое настроение весны (нем. поэт. “*der Lenz*”) в образах «роз», «смарagdов», «храма-небосвода» передает И. Иванов:

Liebesfeier (N. Lенаu, 1932)	Празднество любви (В. Левик, 1956)	Праздник любви (из Ленау) (И. Иванов, 1912)
An ihren bunten Liedern klettert	Как по ступеням звонких песен,	Вверх по своей узорной песне
Die Lerche selig in die Luft;	И воздух чист, и день чудесен,	Порхает жаворонок . Хор
Ein Jubelchor von Sängern schmettert	И славит юный день весну.	В лесу, в цветах еще чудесней,
Im Walde, voller Blüt und Duft.	У алтарей в лесу зеленом	Лес дышит весь и нежит взор!

³⁵⁸ Брюсов В.Я. Полное собрание сочинений и переводов. Стихи 1905–1909 гг. Т. 4. Санкт-Петербург: Сирин, 1914. 390 с.

³⁵⁹ Бальмонт К.Д. Указ. соч. С. 165.

³⁶⁰ Европейская поэзия XIX века. Майрхофер И., Цедлиц И., Грильпарцер Ф. и др. Москва: Художественная литература, 1977. 928 с.

Da sind, so weit die Blicke gleiten, Altäre festlich aufgebaut, Und all die tausend Herzen läuten Zur Liebesfeier dringend laut.	Счастливым парам нет конца. И колокольным перезвоном Любовь приветствует сердца.	Скользящий луч, далекий, ломкий, В лесу возносит алтари. И неотступной жизни громкий Гимн душ поется до зари.
Der Lenz hat Rosen angezündet An Leuchtern von Smaragd im Dom; Und jede Seele schwillt und mündet Hinüber in den Opferstrom ³⁶¹	А там, как светочи в соборе, Цветы повсюду май зажег. И благо тем, кто в общем хоре Вольется в жертвенный поток ³⁶² .	В смарагдах неба розы тают, Весна зажгла пламенники – И души, взлет свершив, немеют В потоке жертвенной тоски ³⁶³ .

Привнесенное В. Левиком благословение радующимся весне («*И благо тем, кто <...>*») искажает лирический сюжет. Трагедию романтического двоемирия и недостижимость, иллюзорность идеала видимого, присутствующую в сдержанности и поэтической возвышенности образов немецкого текста и разрешающуюся в финальной сентенции, удается выразить томскому переводчику: души, реконструируя мысль Ленау, «*немеют // В потоке жертвенной тоски*». В концовке Ленау возникает аналогия человеческих душ с почками растений (*schwellen* – набухать), которые распускаются весной, подхваченные общим потоком настроения («*und mündet Hinüber in den Opferstrom*»). Религиозная лексика (*Jubelchor, Altäre, im Dom*), придающая весне сакральный смысл, вселяющий благоговение и восторг, также более полно передана в сибирском переводе.

Томский переводчик тонко чувствует и стремится передать своеобразие (романтической) мироконцепции Ленау, как и других представителей немецкоязычной литературы романтизма. Только в 1912 году он переводит также лирику романтика Новалиса³⁶⁴, символиста Штефана Георгэ³⁶⁵. Из творчества

³⁶¹ Lenau, N. Gedichte. 1. Band. Cotta, Stuttgart/Augsburg, 1857. 456 p.

³⁶² Европейская поэзия XIX века. Майрхофер И., Цедлиц И., Грильпарцер Ф. и др. Москва: Художественная литература, 1977. 928 с.

³⁶³ Сибирская жизнь. Томск, 1912. № 86.

³⁶⁴ Из Новалиса «Карбункул» // Сибирская жизнь. Томск, № 54, 1912.

³⁶⁵ «Возвращение», из книги Стефана Георгэ «Год души» // Сибирская жизнь, № 69, 1912.

немецкого символиста И. Иванов выбирает стихотворение «Возвращение» (“Rückkehr”). Как и в переводах из Ленау, сибирский автор точно передает все образы оригинала, однако в некоторых случаях более выразительными метафорами. Ср.:

<p>Возвращение Плыву назад с ладьею пышной, Предел очерчен кровью волн... Штандартов белых зов чуть слышный, - Мы обогнали чей-то челн...</p>	<p>Подстрочник Я плыву домой на большой лодке – Цель пробуждается в вечерней заре С мачты реет белый флаг – Мы обгоняем многие лодки.</p>	<p>Rückkehr Ich fahre heim auf reichem Kahne – Das Ziel erwacht im Abendrot Vom Maste weht die weisse Fahne – Wir übereilen manches Boot.</p>
<p>И старый берег, и строенья, Колокола, – все ново мне И обещанье утешенья Шлет липа мне, дрожа во сне. <...>³⁶⁶</p>	<p>Старый берег и здания Старые часы для меня новы – Обещанья новой радости Наговаривают мне липовые ветра. <...></p>	<p>Die alten Ufer und Gebäude Die alten Glocken neu mir sind Mit der Verheissung neuer Freude Bereden mich die Winde lind. <...>³⁶⁷ (выделено мной – Ю.С.)</p>

Взгляды Иосифа Иванова на перевод выражены опосредованно в его рецензиях на выходящие в Москве и Петербурге издания переводной поэзии и прозы. Так, в рубрике «Библиография» он строго оценивает вышедший в Москве в 1911 году сборник стихов П. Верлена в переводе В. Брюсова. Автор пишет, что перевод большинства стихов «точен по содержанию и музыкален по форме», но также справедливо указывает на промахи, замечая, что «свободно обращаться со смыслом стихов Верлена можно не разрешить даже Брюсову»³⁶⁸. В то же время с одобрением говорит о выпущенном в Москве с предисловием Валерия Брюсова переводе Нины Петровской французского романа Л. Деларю-Мардрюс «Исступленная»: «Перевод весьма хорош. Роману можно предсказать успех»³⁶⁹. Иосиф Иванов предстает активным и строгим литературным и театральным критиком. Так, одним из первых он подвергает резкой критике с успехом ставившуюся на томской сцене пьесу К. Гуцкова «Уриель Акоста», полагая, что

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ George S. Das Jahr der Seele. Blätter für die Kunst. Berlin, 1897. S. 31-32.

³⁶⁸ Сибирская жизнь. Томск, 1912, № 51.

³⁶⁹ Сибирская жизнь. Томск, 1912, № 63.

«борьба угрюмого косного старого с отвлеченным недейственным новым трагедии не создает»³⁷⁰.

Песни и стихотворения Н. Ленау как будто воплощают в себе представления томского литератора об «идеале». Можно с уверенностью говорить о том, что всплеск интереса к поэзии Н. Ленау в томской периодике вполне закономерен и обусловлен не только желанием познакомить читателя с западноевропейской классикой, но и стремлением найти в иноязычной словесности созвучное, потенциально близкое и понятное сибирскому читателю.

В сибирской рецепции творчества Ленау отражены все времена года, с характерной для них романтической образностью и особенностями индивидуального стиля поэта. Переводчикам удастся отразить две основные поэтические стратегии, образующие своеобразие романтического двоемирия австрийского поэта: пластичность образа и внутреннюю трагедию, безысходность в собственной разочарованности. В этом отношении томские переводы более удачны, чем другие попытки русских поэтов передать сущность поэзии Ленау, и одновременно значительно отличаются от них. Несмотря на стремление сибирских авторов к усилению выразительности, они достаточно точно передают особенности ритма и рифмы австрийского поэта, отражают важнейшие образы и романтические концепты.

3.4. Мотивы поэзии Г. Гейне в восприятии сибирских авторов

Генрих Гейне (*Heinrich Heine*, 1797– 1856) оказал значительное влияние на развитие русской поэзии. К творчеству ни одного другого зарубежного поэта не обращалось так много российских переводчиков, в том числе, и крупнейших русских поэтов, как А. А. Фет, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, Ф. И. Тютчев и др. В отечественном литературоведении существует богатая история изучения

³⁷⁰ Кафанова О.Б. Трагедия К. Гуцкова «Уриэль Акоста» на томской сцене // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. С. 173.

«русского Гейне». Наиболее известны работы А. Федорова³⁷¹, А. И. Дейча³⁷², С. П. Гиждеу³⁷³, Г. В. Стадникова³⁷⁴, В. А. Пронина³⁷⁵.

Творчеству Гейне посвящены научные труды различного объема и направленности: монографии А. С. Дмитриева, Е. Книпович, М. Л. Тройской, Ф. П. Шиллера, рассматривающие поэтический мир Гейне в его диалектическом единстве и подчеркивающие. В работах российских германистов последних десятилетий затрагиваются такие проблемы творчества Гейне, как особенности поэтики художественных произведений поэта, специфика образной системы «Книги песен» и «Новых стихотворений» (С. П. Гиждеу, Г. В. Грешных); своеобразие художественной манеры Гейне (А. С. Дмитриев, Т. П. Савченкова, А. С. Соловьева); восприятие личности и творчества поэта в России (Я. И. Гордон, С. А. Песоцкая, Г. В. Стадников); генезис и рецепция поэзии Гейне (В. А.Пронин).

Сибирские писатели и переводчики рубежа веков также не обошли вниманием известного немецкого писателя. В исследованных нами периодических изданиях Томска и Тобольска вышло девять переводов и три подражания. Сибирские литературные тексты представляют особый интерес, поскольку вопрос о региональном самосознании, его своеобразии и восприятии сибиряками различных литературных ландшафтов остается малоизученным.

В целом на страницах местной печати находятся 18 публикаций, посвященных поэтическому наследию Г. Гейне. В сибирской периодике рубежа веков выходят переводы 16 стихотворений Гейне: «Вести из Германии» (СВ, 1886, №2), «Похищая поцелуи» и «Синие глаза весны» (СВ, 1894, №10пр.), «Асра» (СВ, 1895, №41), «Богомольцы» (СВ, 1895, №58), «Наказ» (СВ, 1895, №107), «Из песен сердца» (СВ, 1896, №19), «Безбрежное море дремало» (СВ, 1904, №271), «Дай ручку сюда... положи мне» (СЖ, 1903, №67), «Если б знали цветочки-

³⁷¹ Фёдоров А. Русский Гейне // Русская поэзия XX в.. Ленинград, 1929. 305 с.

³⁷² Дейч А. И. Поэтический мир Генриха Гейне. Москва: Гослитиздат, 1963. 447 с.

³⁷³ Гиждеу С.П. Лирика Генриха Гейне. Москва: Худож. лит., 1983. 238 с.

³⁷⁴ Стадников Г.В. Генрих Гейне (биография писателя). Москва: Просвещение, 1984. 127 с.

³⁷⁵ Пронин В.А. Поэзия Генриха Гейне. Генезис и рецепция. Москва: Флинта, 2010. 315 с.

малютки» (СЖ, 1903, №153) , «Гибель Олимпа» (СЛ, 1903, №27), «Дуралеи» (Ерш, 1906, № 7), «Гимн» (Бубенцы, 1906, № 13), «Любимцу муз, – ты мне сказала...» (Бубенцы, 1906, № 4), встречаются даже два перевода стихотворения "Wandere" «Если женщина с сердцем холодным...» (СЖ, 1906, №177) «Если женщина, миг поигравши с тобой» (СО, 1909, №72). В сибирской печати выходят также 4 подражания Гейне: Грезы. На севере диком (СГ, 1884, №8), Подражание Гейне (СВ, 1894, № 107), На мотив Гейне (СВ, 1903, №264), «Был муж – престарелый садовник» (Бубенцы, 1906, № 34).

Хронологически первым в 1886 году в рубрике «Литературные новости» «Сибирского вестника» представлен перевод А.Л. Шкаффа, перепечатанный из «Русской мысли» (1885) вместе с хвалебным комментарием к новому изданию стихотворений Гейне в Харькове («Стихотворения Гейне в переводе А. Л Шкаффа», Харьков, 1885). Вслед за журналистами центральной прессы томиичи включают в состав публикации и перевод стихотворения Гейне “Bei des Nachtwächters Ankunft zu Paris”, названный А.Л. Шкаффом «Вести из Германии». А.Л. Шкафф в своем переводе опускает многие реалии (напр. *Habsburg, Wittelsbach* – фамилии богатых и влиятельных дворянских семей Германии), адаптируя текст для российского читателя и полностью нивелируя сатирическую окраску оригинала. В оригинальном стихотворении реалии призваны детально продемонстрировать, насколько глубоко иронизирующий Гейне знает ситуацию в Германии, находясь в другой стране, что создает авторитетность фигуры автора. Предпосылкой к написанию стихотворения послужил выход в печать «Песен космополитического ночного сторожа» (1841) Франца Дингельштедта, где «поэт изображал себя бодрствующим стражем свободы, трубящим в свой рожок, чтобы разбудить спящую Германию. Сторож бродит по городам и странам, возвещая свободу»³⁷⁶. Стихотворение Генриха Гейне “Bei des Nachtwächters Ankunft zu Paris” (1842, *Neue Gedichte, Zeitgedichte*) стало ответом и осмеянием псевдореволюционной поэзии Дингельштедта и «представляло собой

³⁷⁶ Дейч А. И. Поэтический мир Генриха Гейне. Москва: Гослитиздат, 1963. С. 146.

вымышленный диалог между восторженно настроенным Дингельштедтом и скептиком, политическим изгнанником»³⁷⁷.

Стихотворение отражает противостояние между немцами и французами, а обилие реалий, как и романтическая поэтика, усиливают сатирический эффект, критически изображая социально-политическую картину Германии. Перевод Шкаффа не отражает настроение оригинала, несет в себе торжественное песенное настроение, реализуя романтический мотив возвращения на Родину.

Следующие переводы из Г. Гейне, напечатанные в «Сибирском вестнике», представляют собой также интересный пример усвоения центральной рецепции. В 1894 году в «Прибавлении к № 10 Сибирского вестника» в рубрике «Между прочим» выходит статья под заголовком «Поэтические опыты Д. И. Писарева» автора, подписавшегося криптонимом «И. Л.». В заметке речь идет об опубликованных в «Саратовском Дневнике» «юношеских стихотворений Д. И. Писарева» – переводов из Гейне: «Похищая поцелуи» (Küsse die man stiehlt in Dunkeln) и «Синие глаза весны» (Die blauen Frühlingsaugen).

Пафос заметки заключается в ироническом замечании автора в адрес Писарева, который известен своими критическими и публицистическими трудами, критикующими поэтов, а теперь выяснилось, как отмечает автор, что «во дни своей юности и сам Писарев грешил слоганием, если и не своих, то переводных стихов»³⁷⁸. В заметке приведенные стихи Гейне приравниваются «по своему характеру» с поэзией Фета, которого Писарев критиковал.

Спустя девять лет после появления первого перевода из Гейне, в сибирских газетах появляются первые попытки собственной интерпретации творческого наследия Гейне. В 1895 году, в специальной рубрике «Фельетон» в «Сибирском вестнике» появляется перевод стихотворения «Богомольцы в Кевларе» (1823) из принесшей мировую славу своему автору «Книги песен» (1827, Buch der Lieder, Die Heimkehr). Впервые по-русски данное произведение было напечатано в газете «Иллюстрация» в 1858 году в переводе М. Михайлова,

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Сибирский вестник. Томск, 1894. № 10.

однако томский автор предпочел обнародовать собственный опыт, хотя и анонимно.

Богомольцы (Wallfahrt nach Keviaar). I

Глядит старушка мать в окошко,
В постели сын лежит больной.
– «Сыночек, встань! Пройдись немножко
Ты на процессию со мной!»
– «Я болен, мать! Нет сил спокойно
На Божий свет взглянуть –
О Гретхен плачу и покойной,
И больно, больно ноет грудь
– Сыночек, встань! Пойдешь со мною
На богомолие, мой друг,
И исцелит Своей рукою
Святая дева твой недуг.

<...>

Глядит, в постели, без ответа,
Умерший сын её лежит,
И первый бледный луч рассвета
В лице его с игрой скользит.
Старушка в неземном волнении
Лишь руки к небу подняла,
И гимн шепнула в умилении
«Святая мать, тебе хвала!»³⁷⁹

Богомольцы в Кевларе

Пер. М. Л. Михайлов, 1858. I

Старушка у окошка;
В постели сын больной.
«Идёт народ с крестами:
Не встанешь ли, родной?»

«Ах, болен я, родная!

В глазах туман и мгла.
Всё сердце изболело,
Как Гретхен умерла».

«Пойдём в Кевлар! Недаром

Туда народ бежит:
Твоё больное сердце
Мать божья исцелит».

<...>

Сын нем и неподвижен —
Следа в нём жизни нет;
На бледные ланиты
Ложится утра свет.
И мать скрестила руки,
Покорна и ясна.
«Хвала тебе, Мария!» —
Молилася она.³⁸⁰

В сибирском переводе мы наблюдаем снижение стиля, удлинение строки, неровное заполнение текста для поддержания ритма. Данная интерпретация Гейне выделяется среди прочих стратегией перевода. Сибирский переводчик прибегает к фольклорному, просторечному стилю, предпочитая, например, диминутивные суффиксы (ср.: «Глядит *старушка* мать в окошко; *Сыночек*, встань! Пройдись *немножко*; *Сыночек*, встань! Пойдешь со мною»). Подобное стилистическое отступление придает переводу сентиментальное звучание, не соответствующее призывному, повелительному тону Гейне.

В последних четверостишьях переводчику удастся передать иронию Гейне над суеверной матерью, которая прославляет Богородицу, даже после смерти сына (ср.: «И гимн шепнула в умилении «Святая мать, тебе хвала!» — “*Andächtig sang sie leise: Gelobt sey’st du, Marie!*”). Автор перевода точно следует

³⁷⁹ Там же. 1895. № 58.

³⁸⁰ Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова. СПб.: Типография Якова Трея, 1858. С. 120–126.

сюжету и понимает заложенный в нем посыл Гейне, но ему, очевидно, недостает мастерства.

Интересны также мотивы выбора данного стихотворения. «Богомольцы из Кевлара» – сердечно-простая баллада, схожая с народной песней, смысл которой в том, что любовь сильнее смерти, страдающее сердце спасет только вечный сон, и даже божества бессильны перед жизненными потрясениями³⁸¹. Тема любви в сочетании с балладным строем и народными мотивами, то есть романтические стилизации немецкого поэта, судя по выбору текстов, оказались близкими и понятными томичам в творчестве Гейне.

В 1903 году в газете «Сибирская жизнь» печатается его вариант перевода стихотворения “Lieb Liebchen, leg’s Händchen” (1822, Buch der Lieder, Junge Leiden), к тому времени достаточно популярного в кругах переводчиков центрального региона. На момент выхода в печать сибирского издания (то есть до 1903 года) известно более 10 вариантов перевода данного произведения, в том числе и перевод Л.М. Михайлова, впервые вышедший в «Литературной газете» в 1847 году³⁸². Ниже приводится перевод в более поздней редакции (Русский вестник, 1856).

Пер. Ев. С-б, 1903

Дай ручку сюда... положи мне
На грудь ее... слышишь, дружок,
Глухие, докучные звуки,
Как будто стучит молоток?

С утра и до сумрака ночи,
И с ночи до нового дня
Стучит гробовщик там усердно
И гроб мастерит для меня!
Устал я смертельно... Любезный,
Окончить работу спеши!..
Быть может хоть в этом домишке
Найду я покой для души!..³⁸³

Пер. Л.М. Михайлов, 1856

Дай ручку мне! к сердцу прижми её, друг!
Чу! слышишь ли, что там за стук?
Там злой гробовщик в уголочке сидит
И гроб для меня мастерит.

Стучит без умолку и день он и ночь...
Уснул бы — при стуке не смочь.
Эй, мастер! уж время работу кончать!
Пора мне, усталому, спать!³⁸⁴

³⁸¹ Дейч А. И. Указ. соч. С. 230.

³⁸² Левинтон А.Г. Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. – Москва: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1958. С. 119.

³⁸³ Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 67.

³⁸⁴ Михайлов М. Л. Сочинения в трёх томах / Под общей редакцией Б. П. Козьмина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 1. С. 275.

Ев. С-б воспроизвел характерную для Гейне перекрестную рифму и размер, однако усилил лирическое звучание сюжета за счет обогащения в целом лаконичной образности оригинала. В томском переводе появляются такие поэтизмы, как «глухие, докучные звуки», «сумрак ночи», «покой для души», что свидетельствует о романтических стратегиях перевода.

Сибирскому автору также не удастся передать характерную черту поэтики Гейне: недосказанность, двусмысленность концовки. Ев. С-б прямолинеен в понимании стихотворения и в своей интерпретации раскрывает неоднозначный посыл Гейне:

Ев. С-б

<...>

Быть может хоть в этом домишке
Найду я покой для души!..³⁸⁵

H. Heine

<...>

Ach! sputet Euch, Meister
Zimmermann,
Damit ich balde schlafen kann ³⁸⁶.
(Ах! Поспеши, мастер плотник,
Чтобы я скорее смог уснуть.)

Гейне лишь намекает на смерть эвфемизацией, сравнивая смерть со сном. Сибирский переводчик называет гроб *домишкой*, используя диминутивный суффикс, тем самым, подражая стилистике Гейне (*Liebchen, Händchen, Kämmerlein*).

В том же году на страницах сибирских газет вышел еще один перевод того же автора из Гейне. «Если б знали цветочки-малютки...» (“Und wüßten’s die Blumen, die kleinen” 1822, Buch der Lieder, Junge Leiden) - стихотворение из сборника «Книга песен» впервые появилось в русском переводе А. Плещеева в «Литературной газете» за 1845 год. Известен был и перевод М. Л. Михайлова 1874 года. На этот раз томский перевод представляется нам более удачным, чем центральные. Ср.:

Пер. Ев. С-б., 1903

Если-б знали цветочки-малютки,
Как изранена бледная грудь, –
Они стали бы плакать со мною,
Чтобы в нее исцеленье вдохнуть.

Пер. М.Л. Михайлов, 1958

Когда бы цветы то узнали,
Как ранено сердце моё,
Со мной они плакать бы стали,
Шепча утешенье своё.

³⁸⁵ Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 67.

³⁸⁶ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. S. 215.

<...>	<...>
Нет, они не поймут моей грусти, И не знают они про нее... Лишь одна на земле это знает: Та, что ранила сердце мое. ³⁸⁷	Узнать моё горе им трудно, И знает его лишь одна: Ведь сердце мне так безрассудно Сама ж и разбила она! ³⁸⁸

Л. М. Михайлов, как представитель романтической школы перевода, ушел от песенной интонации в балладную романтическую традицию, к мотивам томления, безысходности, трагизма, тем самым, потеряв лиричность и близость к фольклорному повествованию, достигаемую с помощью уменьшительно-ласкательной лексики (*die Blumen, die kleinen* – цветочки-малютки; *Sternelein* – звездочки), что лучше почувствовал сибирский переводчик. В его интерпретации ярче выражена идея одухотворенной и целительной природы. «Поэт ищет сострадания у природы. Он верит в то, что цветы и соловьи, еще недавно ликовавшие, готовы понять его горе и сочувствовать ему»³⁸⁹.

Сибирскому переводчику, публикующемуся под псевдонимом Ев. С-б оказываются близки лирические, песенные мотивы Гейне. Он легко повторяет рифму и размер, также сохраняя художественный замысел и стилистику немецкого писателя.

В 1904 году в «Сибирском вестнике» вышел перевод Г. Вяткина стихотворения “Das Meer erglänzte weit hinaus...” (1923, Buch der Lieder, Die Heimkehr).

Из Гейне (Пер. Г. Вяткин)
 Безбрежное море дремало...
 Горело в вечернем огне...
 И волны чуть – слышно шумели
 И тихо ласкались ко мне...
 Я ласк их не слышал, не видел;
 Я видел, как с горькой тоской,
 Ты плакала долго и горько,
 И слезы струились рекой,
 И падали в белую руку...
 И, полн беспредельной тоски,
 Склонил я колени... и выпил,
 Те слезы я с белой руки....

* * *

У моря. Из Гейне (Пер. Н.П. Огарёв, 1840)
 Над морем позднею порой
 Еще лучи блестели,
 А мы близ хижины с тобой
 В безмолвии сидели.
 Туман вставал, росла волна,
 И чайка пролетала,
 А у тебя, любви полна,
 Из глаз слеза упала.
 Катилась по руке твоей —
 И на колени пал я,
 И медленно с руки твоей
 Твою слезу спивал я.

³⁸⁷ Сибирская жизнь. Томск, 1903. № 153.

³⁸⁸ Михайлов М. Л. Указ. соч. Т. 1. С. 300.

³⁸⁹ Дейч А. И. Указ. соч. С. 69.

С тех пор я веселья не знаю,
 Не верю в веселье твое:
 На веки чужими слезами
 Отравлено сердце мое...³⁹⁰

С тех пор сгораю телом я,
 Душа в тоске изныла —
 Ах, эта женщина мена
 Слезою отравила³⁹¹.

Склонность Вяткина к индивидуальной интерпретации проявляется в последнем четверостишии стихотворения, где он позволяет себе значительное отступление, стараясь развернуть тему, намеренно скрытую у Гейне. Так, большая интимизация создается в переводе посредством включения диалога лирического Я с возлюбленной («С тех пор я веселья не знаю, / Не верю в веселье твое»). По содержанию перевод Г. Вяткина достаточно точен, однако он отличается большей экспрессивностью за счет добавления выразительных эпитетов («безбрежное море», «с горькой тоской», «беспредельной тоски») и метафор («слезы струились рекой», «волны <...> ласкались ко мне»). Автор перевода пытается подражать мелодичности стиля Гейне, при этом реализуя все ту же, характерную для русской рецепции Гейне в целом, стратегию выявления мотивов чувственного романтизма, используемых немецким автором в большинстве случаев в ироническом ключе. Вяткину удается достаточно точно повторить ритм стихотворения, сохраняя количество слогов в строфе (9-8-9-8). В переводе Огарева (1840) строфы немного короче (8-7-8-7). Но при этом, сибирский переводчик изменяет пунктуацию, используя многоточия, призванные, очевидно, подчеркнуть глубину переживаний лирического героя и романтичность образов.

Следующий перевод Г. Вяткина закрепляет такой вариант восприятия. Он выполнен со стихотворения “Wandere!” (1852, Neue Gedichte) и вышел в газете «Сибирский вестник» в 1906 году.

Из Г. Гейне (Пер. Г. В-ин, 1906)

Если женщина с сердцем холодным,
 Или друг твой, обманет тебя,
 Свою жизнь не губя,
 Больше странствуй по белому свету,
 Только горы да волю любя.

Ты лазурное озеро встретишь

Странствуй (Пер. А.Н. Плещеев, 1861)

Когда тебя женщина бросит,
 Проворней влюбляйся опять;
 Но лучше – по белому свету
 С котомкой отправься гулять.

Ты синее озеро встретишь...

Над озером липы растут;

³⁹⁰ Сибирский вестник. Томск, 1904. № 271.

³⁹¹ Огарев Н.П. Избранное. Москва: Художественная литература, 1977. С. 241.

Там, у озера, ивы растут
И свое молодое страданье
Поневоле забудешь ты тут.

<...>

Сам как будто в орла превратишься;
И почувешь, что сильным ты стал,
Стал прекрасным и чистым... и мало,
Очень мало внизу потерял...³⁹²

Свое небольшое страданье –
Всё можешь ты выплакать тут.

<...>

И сам ты в орла превратишься.
Почувешь, что силен ты стал...
Что стал ты свободен... И очень
Немного внизу потерял!³⁹³

Вяткин наполняет перевод характерной романтической образностью. В обоих вариантах переводчикам удастся передать образ байронического героя, склонного к отшельничеству и упоению своими скитаниями, к поиску утешения на лоне природы. Но у Гейне этот образ ироничен, он использует романтические клише в рамках реализма. Он скрыто насмехается над романтизмом, достигая иронии с помощью форм нарратива (инструкций герою) и стилистически нейтрального повествования. Вяткин не стремится передать завуалированного посыла Гейне, он вновь наделяет перевод традиционными поэтизмами, склоняясь к романтизму. В переводе наблюдается больший акцент на переживаниях героя, что выражено в более эмоциональных, развернутых определениях (*“Wenn dich ein Weib verraten hat”* – «Если женщина с сердцем холодным, или друг твой, обманет тебя») и объясняющих отступлениях от оригинала («Свою жизнь не губя», «Только горы да волю любя»). Вяткин оказывается близок к пейзажной зарисовке; излюбленный прием романтиков – прием параллелизма – мастерски реализуется им в переводе. Так, образы гор, озера, орла и странствия снабжаются эпитетами («лазурное озеро», «до алмазной вершины», «на высокие горы», «дальше от грязи и зла», «стал прекрасным и чистым»), пространство стихотворения расширяется за счет красочного изображения природного ландшафта, контрастирующего с переживаниями лирического героя.

Несмотря на своеобразную поэтическую манеру и собственную переводческую стратегию, Вяткин занимает особое место в сибирской рецепции иностранной литературы. Его переводы как нельзя лучше отражают не только особенности его собственного творческого восприятия, но и характерные черты

³⁹² Сибирская жизнь. Томск, 1906. № 177.

³⁹³ Стихотворения А. Н. Плещеева. Москва: Типография В. Грачева и Комп., 1861. С. 195.

сибирской рецепции в целом, в том числе стремление к романтизации героев, высокой поэтике и лиричности образов.

Отдельным типом переводческой рецепции поэзии Гейне на страницах сибирских газет следует считать псевдоперевод. Хронологически первым среди псевдопереводов из Гейне появляется произведение И. Северного. Идейной основой для его стихотворения могло послужить произведение Гейне «Стрекоза» (“Die Libelle”, 1854, Zyklus “Gedichte 1853–1854”), в котором коварная, легкомысленная стрекоза, пленившая своей красотой жуков, отказывается от всех комплиментов и подарков и просит принести огня для ее очага. Ослепленные влюбленностью жуки мчатся к свече, где опаливают себе крылья.

Произведение Северного составляет 4 четверостишия, тогда как оригинал Гейне включает в себя 15 четверостиший. Томский автор в своем произведении кратко отразил идею Гейне, изменив характер образности в романтическую сторону, в результате чего вместо «жуков» в его тексте появляется трагически гибнущий мотылек.

И. Северный в емком виде передает посыл Гейне: о коварстве женщин и печальных последствиях влюбленности. Стихотворение Северного отличается и по стилистике: двойственная модальность Гейне, иронически обыгрывающего романтические мотивы, превращается в линейную, лирико-драматическую канву сюжета под пером И. Северного. Ср.:

Наказ. Из Гейне (И. Северный)

От мамыши наказ
Получил мотылек:
- «Не летай никогда
На огонь, мой дружок!»
Но мамашин наказ
Он не ставит и в грош:
Полетел на огонь...
- «Мотылек, пропадешь!»
Да! кружась над огнем,
Крылья легкие сжег,
Встрепенулся, упал
И - погиб мотылек...
Бесполезен и мал
Был мамашин наказ:

Стрекоза (Пер. П. И. Вейнберг)

На прозрачном ручейке
Стрекоза-красотка пляшет,
Прихотлива и легка,
Бойко крылышками машет.
<...>
Стрекоза смеётся: «Мне
Ни Брабант совсем не нужен,
Ни Голландия; огня
Вы добудьте мне на ужин.
<...>
Приманил их блеск свечой
Из беседки освещённой,
И с отвагою слепой
Все туда толпой
влюблённой.

Die Libelle (Heinrich Heine)

Es tanzt die schöne Libelle
Wohl auf des Baches Welle;
Sie tanzt daher, sie tanzt dahin,
Die schimmernde, flimmernde
Gauklerin.
<...>
Die schöne Libelle lacht und
spricht:
„Holland und Brabant brauch' ich
nicht,
Doch sputet Euch, Ihr Freier,
Und holt mir ein Fünkchen Feuer.
<...>
Sie sehen Kerzenlicht, ich glaube
In einer erleuchteten Gartenlaube;
Und die Verliebten, mit blindem

- «Сын мой, больше всего
Бойся девичьих глаз!»³⁹⁴

Пламя вмиг сожгло жуков Muth

С их влюблёнными
сердцами;

Лишь немногие спаслись —
Но с сожжёнными крылами.

<...>

О, зачем увидел я
Эти ножки, эту талью

Попрыгуньи голубой,
Эту лживую каналью!»³⁹⁵

Stürzen sie sich in die Kerzengluth.
Knisternd verzehrten die

Flammen der Kerzen
Die Käfer und ihre liebenden Herzen;

Die Einen büßten das Leben ein,
Die Andern nur die Flügelein.

<...>

O, dass ich nie gesehen hätt'
Die Wasserfliege, die blaue Kokett'
Mit ihrer feinen Taille -
Die schöne, falsche Canaille!³⁹⁶

Следуя классификации Карасика, данный псевдоперевод можно отнести к категории бытийных, поскольку в нем две культуры объединяются в общей теме взаимоотношения полов, несчастной любви, страданий из-за женщин и т.п. В псевдопереводе Северного отражается стремление к романтическим образам, свойственное сибирским писателям рассматриваемого периода.

Позднее, в 1903 году, в тобольском издании «Сибирский листок» выходит еще одно стихотворение Ивана Северного, под названием «Гибель Олимпа. Из Гейне». Стихотворение Гейне “Die Götter Griechenlands”, послужившее основой для произведения Северного, является фрагментом из цикла «Северное море» (“Die Nordsee”, Zweiter Zyklus), который входит в сборник стихотворений «Книга песен» (“Buch der Lieder”). На момент выхода перевода Северного в сибирской газете, известно как минимум семь русскоязычных переводов данного произведения Гейне (М. Дмитрива, М. Михайлова, П. Вейнберга, А. Л. Шкаффа и др)³⁹⁷, что свидетельствует об интенции сибирского автора к актуализации собственного индивидуального прочтения оригинала в стихотворении по мотивам, или псевдопереводе.

В «Гибели Олимпа» Северного значительно изменен сюжет, образность и характеры произведения Гейне. Переводчик путем упоминания известного поэта стремится повысить значимость своего творчества, привлечь читателей.

³⁹⁴ Сибирский вестник. Томск, 1895. № 107.

³⁹⁵ Собрание сочинений. Ред. П. Вейнберга. Санкт-Петербург: Вейнберг, 1902. С.141–143.

³⁹⁶ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. S. 251.

³⁹⁷ Левинтон А.Г. Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. Москва: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1958. С. 281–282.

Стихотворение Северного гораздо меньше по объёму (у Северного – 4 четверостишья, у Гейне – 25). Ср.:

Гибель Олимпа. Из Гейне. Иван Северный	Боги Греции. Пер. Л.М. Михайлов	Die Götter Griechenlands. Heinrich Heine
	<...>	<...>
При громком звоне чаш, под звуки флейт и лир, В жилище у богов идет веселый пир В середине – сам Зевес с своей супругой Герой, Кругом – Диана, Марс, Нептун, Вулкан с Венерой, Седой старик Сатурн и юный Аполлон, Зевеса сын, а с ним весь шумный Геликон... Усердно льет нектар в золотые чаши Геба, И пьяный смех богов колеблет своды неба...	А по ясно-лазурному, Беззвёздному небу Белой грядой плывут облака, Словно богов колоссальные лики Из блестящего мрамора. Не облака это! Нет! Это сами они — Боги Эллады, Некогда радостно миром владевшие, А ныне в изгнание и в смертном томленье, Как призраки, грустно бродящие По небу полному.	Und am hellblau'n, sternlosen Himmel Schweben die weißen Wolken, Wie kolossale Götterbilder Von leuchtendem Marmor. Nein, nimmermehr, das sind keine Wolken! Das sind sie selber, die Götter von Hellas, Die einst so freudig die Welt beherrschten, Doch jetzt, verdrängt und verstorben, Als ungeheure Gespenster dahinziehn Am mitternächtlichen Himmel
	<...>	<...>
С восточной стороны, из Иудейских стран, Подходит бледный Муж: струится кровь из ран, На плечах сгорбленных несет Он крест дубовый, Шипы вонзил в чело ему венец терновый... И вот Он подошел на несколько шагов К жилищу шумному пирующих богов, Поднял высоко крест и бросил на порог.. И – рухнул в прах Олимп, а с ним погибли боги ³⁹⁸ .	Прелестью дивной тебя облакает; Но втайне страшусь я твоей красоты, И если б меня осчастливить ты вздумала Лаской своей благодатной, Как прежде счастливила Иных героев, — я б умер от страха! Богинею мёртвых мне кажешься ты, Венера-Либитина! Не смотрит уж с прежней любовью Грозный Арей на тебя. Печально глядит Юноша Феб- Аполлон. Молчит его лира, Весельем звеневшая За ясной трапезой богов. Ещё печальнее смотрит Гефест хромоногий!	Auch dich erkenn' ich, auch dich, Aphrodite, Einst die goldene! Jetzt die silberne! Zwar schmückt dich noch immer des Gürtels Liebreiz; Doch graut mir heimlich vor deiner Schönheit, Und wollt' mich beglücken dein gütiger Leib, Wie andre Helden, ich stürbe vor Angst; Als Leichengöttin erscheinst du mir, Venus Libitina! Nicht mehr mit Liebe schaut nach dir, Dort, der schreckliche Ares. Es schaut so traurig Phöbos Apollo, Der Jüngling. Es schweigt seine Lei'r, Die so freudig erklingen beim Göttermahl.
	<...>	<...>
	И только подумаю, как дрянны Боги, вас победившие, Новые, властные, скучные боги, То берёт меня мрачная злоба...	Die so freudig erklingen beim Göttermahl. Noch trauriger schaut Hephaistos,

³⁹⁸ Сибирский листок. Томск, 1903. № 27.

<...>³⁹⁹.

Und wahrlich, der Hinkende!
 <...>
 Und wenn ich bedenke, wie feig
 und windig
 Die Götter sind, die euch
 besieigten,
 Die neuen, herrschenden, tristen
 Götter,
 Die Schadenfrohen im Schafspelz
 der Demuth. <...>⁴⁰⁰.

Гейне описывает, как изменились греческие боги перед гибелью, его произведение эмоционально более печальное, проникнутое сочувствием и тоской по образам древних богов, что выражено за счет выразительных сравнений: “*Als ungeheure Gespenster dahinziehn / Am mitternächtlichen Himmel*” – «*Как призраки, грустно бродящие / По небу полному*».

Гейне также выражает свою неприязнь к христианству, пришедшему на смену язычеству. Негативный настрой автора передается за счет экспрессивной, негативной лексики: “*wie feig und windig die Götter sind*» – как гнили и пусты боги, «*Die neuen, herrschenden, tristen Götter*” - новые, властные, скучные боги и т.д.

Стихотворение Северного обладает противоположной эмфатической окраской. Боги Олимпа пируют и веселятся, раздаётся пьяный смех, тогда как у Гейне их смех давно умолк («*И пьяный смех богов колеблет своды неба...*» – “*Und längst ist erloschen das unauslöschliche Göttergelächter*” (досл.: и давно погас неугасимый смех богов)).

Из стилистических средств у Северного можно выделить перечисления, которые придают описанию богов некоторую динамику и наглядно демонстрирует множественность языческих богов. Также поэт использует антитезу, противопоставление двух понятий: в данном случае веселые, пирующие боги Олимпа противопоставляются христианскому богу, страдающему за людские грехи. Прием антитезы достигается путем антонимичных образов: Языческие боги: «*при громком звоне чаш, под звуки флейт и лир, идет веселый*

³⁹⁹ Русское слово. Москва, 1859. № 11. С. 133–136.

⁴⁰⁰ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. S. 136.

пир, пьяный смех богов»; христианский бог: «бледный Муж, струится кровь из ран, На плечах сгорбленных, Шипы вонзил в чело ему венец терновый...».

Стихотворение «Гибель Олимпа» Ивана Северного обладает обзорным характером, лишь отмечая факт гибели языческих богов и переход к христианству, в нем отсутствуют оценочные суждения по поводу старых и новых богов, в отличие от оригинала Гейне. «Гибель Олимпа» также является бытийным переводом, поскольку не подражает стилю и жанру Гейне, а лишь затрагивает ту же тематику смены религий. Псевдоперевод репрезентативнее в плане особенностей формировавшегося в начале XX века культурного сознания региона, обнаруживавшего значительную склонность к христианским ценностям, консерватизму и традиционной аксиологии.

В 1906 году появляется еще одно произведение с пометкой «Из Гейне». Стихотворение «Дуралеи» неизвестного автора печатается в томском журнале «Ерш». Очевидно, что данный псевдоперевод основан на второй главе поэмы «Германия. Зимняя сказка» Г. Гейне, но с некоторыми изменениями. Ср.:

Дуралеи (Из Г. Гейне).	Германия. Зимняя сказка (Пер. П.И. Вейнберг)	Deutschland. Ein Wintermärchen Caput II.
Дуралеи! Дуралеи! Книжек все они искали, - Чтоб запретные идеи К нам в отчизну не попали.	Глава II Меж тем как малютка про счастье в раю Пускала под музыку трели, Досмотрщики прусские мой чемодан Внимательно осмотрели.	Während die Kleine von Himmelslust Getrillert und musiciret, Ward von den preußischen Douanièrs Mein Koffer visitiret.
Перерыли чемоданы, Все до нитки осмотрели, Даже в задние карманы Под сюртук они глядели!	Всё перенюхали, рылись до дна В рубашках и панталонах, Искали кружев, вещей золотых, А также книг запрещённых.	Beschnüffelten alles, kramten herum In Hemden, Hosen, Schnupftüchern; Sie suchten nach Spitzen, nach Bijouterien, Auch nach verbotenen Büchern.
В голове лишь ротозей Посмотреть не догадались: Ах! А в ней то и скрывались: Контрабандные идеи!... ⁴⁰¹	Глупцы! Чего в чемодане искать! Ведь там ничего не найдётся. Моя контрабанда в моей голове Повсюду со мной везётся ⁴⁰²	Ihr Thoren, die Ihr im Koffer sucht! Hier werdet Ihr nichts entdecken! Die Contrebande, die mit mir reist, Die hab' ich im Kopfe stecken. <...> ⁴⁰³

⁴⁰¹ Ерш. Томск, 1906. № 7.

⁴⁰² «Новые стихотворения». Гейне Г. Стихотворения. Москва : Academia, 1931. С. 480–543.

В произведении сибирского автора отсутствует связка с предыдущей главой, в которой девочка поет о лучшей жизни на небесах, не упоминаются прусские таможенники, стихотворение имеет обобщенный характер. В остальном, перевод достаточно точен. Сибирский автор не упоминает источник перевода, выдавая стихотворение за самостоятельное произведение. Отсутствие упоминания сибирского переводчика и политическая тематика позволяют относить данный псевдоперевод к категории протестных. Этот аспект видится актуальным и исходя из времени создания и публикации сибирского стихотворения, а именно в период реакции, волнений в Томске, произошедших в 1905 году, в период начала первой русской революции, повлекшей массовые политические восстания во многих городах Российской империи, толчком для которых послужило «Кровавое воскресенье» - расстрел правительственными войсками в Санкт-Петербурге мирной демонстрации рабочих, что вылилось затем в массовые выступления против монархии, в защиту гражданских свобод, свободы совести, слова, собраний и союзов.

В другом томском журнале «Бубенцы» в 1906 году печатается стихотворение под заголовком «Из Гейне», принадлежащее автору, подписавшемуся псевдонимом «Скептик».

Из Г. Гейне (Скептик)

Любимцу муз, - ты мне сказала:
«Тебя, конечно, я люблю,
Но дай расписку мне сначала,
Потом – бери любовь мою»...

Ты любишь, как закладчик старый,
Беря проценты за любовь, -
И не понять тебе угара,
Мою волнующую кровь!..

Гляди: Вот лира золотая,
В ней все имущество мое,
Скажи-же, - сколько, дорогая,
Ты ласок дашь мне за нее?⁴⁰⁴

⁴⁰³ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. 481 S.

⁴⁰⁴ Бубенцы. Томск, 1906. № 4.

В данном стихотворении затрагивается излюбленный мотив Гейне, несчастная любовь, страдание поэта из-за женщины, холодной и меркантильной. Сибирский автор подражает жанру и стилю Гейне, что характеризует данный псевдоперевод как игровой. Однако, следует отметить обратный вектор интерпретации двойственного художественного метода Гейне: сочетания романтизма и сатиры. У томского автора романтизация исключается в пользу сатиры, так что ирония Гейне обостряется до скепсиса, что отличает переводчика под псевдонимом Скептик от И. Северного, склоняющегося к романтизму.

Как уже было отмечено, псевдопереводы часто возникают на рубеже эпох, при смене социальных, философских, культурных парадигм. Так и в сибирской литературной среде на рубеже XIX–XX веков был период самоопределения. В Сибири складывалось собственное литературное сообщество, со своими литературными вкусами и мнениями, открытое для экспериментов, пробующее себя в различных жанрах, при этом отдавая должное классикам мировой литературы.

В рассмотренных псевдопереводах сочетается интерес сибирских авторов к зарубежной поэзии и стремление проявить свою творческую индивидуальность. Сибиряки находят в произведениях Гейне знакомые мотивы и преобразуют их по своему литературному вкусу, склоняясь к романтизму, иронии или сатире.

Наконец, третьим типом творческого восприятия поэзии Г. Гейне на страницах сибирской периодики, наряду с переводами и псевдопереводами, являются подражания.

На рубеже XIX–XX веков в наиболее известных томских газетах вышли 4 подражания Гейне: «Грезы. На севере диком»⁴⁰⁵, «Подражание Гейне»⁴⁰⁶, «На мотив Гейне»⁴⁰⁷, «На мотив из Гейне»⁴⁰⁸.

Первое подражание представляет особый интерес, поскольку является фактом творческого усвоения поэтической семантики Гейне, опосредованной

⁴⁰⁵ Сибирская газета. Томск, 1884. № 8.

⁴⁰⁶ Сибирский вестник. Томск, 1894, № 107.

⁴⁰⁷ Там же. 1903, № 264.

⁴⁰⁸ Бубенцы. Томск, 1906, № 34

рецепцией русской классической литературы. Автор, подписавшийся псевдонимом Былинка, ссылается на стихотворение Лермонтова «На севере диком», которое является непосредственным переводом произведения Гейне “Ein Fichtenbaum steht einsam”. Ср.:

<p>Грезы (На севере диком, М. Ю. Лермонтов, 1841 г Лермонтов) Подпись: Былинка. 1884 г. Тянется ночь. Вьюга зимняя злится Снегом кидая в окно, В жалкой избушке кому-то не спится, Думы на юг унесло. Видится – море лазурное Плещет на берег волной, Ночь догорает зарею пурпурною, Нега царит над землей. Дремлют сады, дремлют розы цветущие, Горы синеют в дали... Сердце кому-то тоскою гнетущею Давит та прелесть земли. <...> Чудится ей: сторона молчаливая С вечной, студеной зимой. Песни поет себе вьюга тоскливая В снежной равнине большой. <...>⁴⁰⁹</p>	<p>На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна. И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим Одета, как ризой, она. И снится ей все, что в пустыне далекой, В том крае, где солнца восход, Одна и грустна на утесе горючем Прекрасная пальма растет⁴¹⁰</p>	<p>H. Heine, 1822 г. Ein Fichtenbaum steht einsam Im Norden auf kahler Höh'. Ihn schläfert; mit weißer Decke Umhüllen ihn Eis und Schnee. Er träumt von einer Palme, Die, fern im Morgenland, Einsam und schweigend trauert Auf brennender Felsenwand⁴¹¹</p>
---	---	--

В томском стихотворении имени Гейне не значит, то есть этот поэтический текст можно считать примером полного усвоения инонационального автора, однако о том, что текст Лермонтова имел под собой немецкий оригинал, сибирский автор вряд ли мог не знать. Образная система его «Грез» значительно богаче лаконичной структуры Гейне-Лермонтова и адаптирована к сибирскому ландшафту. Сибирский автор противопоставляет образы бесконечных бурь и метелей, «жалкой избушки» среди снегов и образам моря, садов и бесконечной неги. Таким образом, в стихотворении прослеживается надтекстовая антитеза, противопоставление безмятежности юга и суровой, «вечной» северной зимы. Для «Грез» характерна скорее лирическая тональность, тогда как в произведении Гейне проявляется драматическая коллизия разлуки. Сибирского автора

⁴⁰⁹ Сибирская газета. Томск, 1884. № 8.

⁴¹⁰ Родные поэты: Стихотворения русских поэтов-классиков XIX и начала XX века. 7-е изд. Москва: Дет. лит., 1979. С. 96.

⁴¹¹ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. 481 S.

привлекают романтические мотивы: томления, мечтания о далеком и недостижимом, стремления к неизведанному, противоположному обыденному восприятию.

В 1894 году в 107-ом номере «Сибирского вестника», в разделе «Фельетон» появляется стихотворение Ивана Северного, под заголовком «Подражание Гейне»:

Подражание Гейне (И. Северный, 1894)

Он прежде был угрюм, печален
И грустным видом выдавал,
Как он скорбел и как страдал
За то, что мир не идеален,
За то, что в мире столько зла...
И тщетно женщины желали
Своей улыбкой тень печали
Согнать с прекрасного чела.
Теперь, глядите, он хохочет:
Улыбка с уст его нейдет;
Минутой счастья он живет,
Минуты горя знать не хочет.
Но ведь ничто не успокоит
Души измученной его,
И вы не знаете того,
Какой борьбы все это стоит⁴¹²

В данном произведении проявляется типичный романтический герой – загадочный, переменчивый, привлекательный, близкий к байроническому. Такой персонаж, наделенный автобиографическими чертами, был близок самому Гейне: сложная ищущая и страстная натура, склонная к трагизму и неприятию современного общества. Однако, он был далеко не главной из масок гениального стилизатора, оттенявшего острой сатирой и иронией псевдоромантические фигуры лирических героев. То, что только чувствительно-романтическая ипостась этого комплекса оказалась близкой и понятной сибирякам, исходя из их резонансного выбора, характеризует культурное сознание реципиента.

Иван Северный неоднократно обращается к творчеству Гейне, передавая идеи и образы поэзии немецкого лирика и в прозе. Отрывок из стихотворения «Красавицу юноша любит...» (“Ein Jüngling liebt ein Mädchen...”, 1827, Buch der Lieder, Lyrisches Intermezzo) помещен в «Сибирском вестнике» в качестве

⁴¹² Сибирский вестник. Томск, 1894. № 107.

эпиграфа к его фельетону (1896). Первый перевод четверостишия был сделан в 1859 году А. Плещеевым для журнала «Русское слово». И. Северный, несмотря на собственный переводческий опыт, использует перевод Плещеева, тем самым, выражая свое признание.

Автор рассказа интерпретирует произведение в характерном для других своих сочинений ключе. Страдания поэта у Гейне выходят за пределы личной драмы. Лирический герой немецкого автора осознает, что не только он страдает от неразделенной любви. «Ему представляется невозможным достижение любви, гармонии, счастья. Все влюбленные в мире в одинаковом положении». И. Северный описывает страдания романтического героя, которого постигло разочарование в любви, эпиграф из Гейне служит универсализации конфликта, его реактуализации в рассказе.

Подражать стилю Генриха Гейне пытался также сибирский автор, скрывавшийся за подписью Quiddam, произведение которого «На мотив Гейне» было опубликовано в той же рубрике «Сибирского вестника» в 1903 году. Можно говорить, что прототипом этого подражания выступил сюжет стихотворения “Sie saßen und tranken am Theetisch...” (1823, Buch der Lieder, Lyrisches Intermezzo).

На мотив Гейне.
Подпись: Quiddam, 1903 .
 Сидели в гостинной все
 чинно,
 «В чем счастье» решали
 вопрос,
 Смеялись, шутили невинно
 Над жизнью, исполненной
 гроз...
 Не слушая слов разговора,
 «Он» взгляд твой упорно
 ловил
 И страстью сверкавшего
 взора
 Влюбленный с тебя не
 сводил!..
 Вдруг взор твой блеснул, как
 награда
 И тайну открыл мне, поверь:
 «В чем счастье?» – трудиться

Пер. А.Н. Плещеев, 1861
 Собравшись за столиком
 чайным
 Они о любви говорили;
 Мужчины изящны, а дамы
 Так нежны, чувствительны
 были.
 — Любить платонически
 должно!
 Советник сказал своё
 мнение.
 Советница только плечами
 Пожала, с улыбкой
 презренья.
 — Любить слишком пылко
 не надо,
 Заметил пастор. Не здорово!
 Ну вот! поспешила девица
 Вклеить в разговор своё
 слово.

H. Heine, 1817
 Sie saßen und tranken am
 Theetisch,
 Und sprachen von Liebe viel.
 Die Herren, die waren
 ästhetisch,
 Die Damen von zartem Gefühl.
 Die Liebe muß seyn platonisch,
 Der dürre Hofrath sprach.
 Die Hofrätin lächelt ironisch,
 Und dennoch seufzet sie: Ach!
 Der Domherr öffnet den Mund
 weit:
 Die Liebe sey nicht zu roh,
 Sie schadet sonst der
 Gesundheit.
 Das Fräulein lispelt: wie so?
 Die Gräfin spricht wehmüthig:
 Die Liebe ist eine Passion!
 Und präsentiret gütig

не надо Ему над вопросом теперь! ⁴¹³	Графиня промолвила томно: Любовью я страсть называю! Потом господину барону Вздохнув, подала она чаю. Твоё лишь, за столиком чайным, Местечко не занято было... А как бы ты им рассказала Мой друг — про любовь свою, мило! ⁴¹⁴	Die Tasse dem Herren Baron. Am Tische war noch ein Plätzchen; Mein Liebchen, da hast du gefehlt. Du hättest so hübsch, mein Schätzchen, Von deiner Liebe erzählt ⁴¹⁵ .
--	---	--

Гейне в своем стихотворении высмеивает равнодушие и ограниченность обывателя, мотивы любовных переживаний героя переплетаются с мотивами осуждения неприятного автору мещанского общества. Переводчик опускает этот сатирический подтекст. Лирическому герою оригинальной сибирской интерпретации интересна типология любовная тема, поэтому история переходит скорее в жанр философского анекдота, чему способствует риторический вопрос «В чем счастье», образующий рамочную конструкцию.

Еще одно подражание Генриху Гейне появляется в 1906 году в томском журнале «Бубенцы». Поэт под псевдонимом Дон Валентино обращается к уже устоявшемуся в сибирской рецепции образу Гейне, как поэта, писавшего о несчастной любви и коварности женщин.

На мотив из Гейне (Дон Валентино, 1906)

Был муж – престарелый садовник –
 Морщины, очки, седина.
 У этого дряхлого старца
 Была молодая жена.
 Кузен у ней был белокурый.
 Он запросто их посещал.
 В четыре руки на рояли
 С кузиною часто играл...
 Знакома ль вам старая песня,
 Звучит так печально она;
 Разбито семейное счастье:
 Сбежала с кузеном жена!⁴¹⁶

В произведении вновь появляются строки, используемые И. Северным в эпиграфе к рассказу («Знакома ль вам старая песня, // Звучит так печально она»), однако, скорее, с полемическим посылом. Данное подражание является

⁴¹³ Сибирский вестник. Томск, 1903. № 264.

⁴¹⁴ Стихотворения А. Н. Плещеева. Москва: Типография В. Грачева и Комп., 1861. С. 208.

⁴¹⁵ Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte. / Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. S. 314.

⁴¹⁶ Бубенцы. Томск, 1906. № 34.

исключением из проанализированных, представляя иную реализацию художественного метода и модальности Гейне-поэта: на первый план выходит ироническая ее составляющая. Бытовая зарисовка томского автора не облачается в романтическую образность, представляя Гейне как скептика-реалиста, что так же одномерно, как и романтические вариации его любовной лирики, реализованные в предшествующих подражаниях.

Произведения Гейне объединяют в себе множество аспектов: любовную лирику, личные тревоги и переживания, реакцию на социальную и политическую обстановку. Подобная многогранность писателя объясняет особенности рецепции его творчества: читателями, писателями и переводчиками последующих эпох Гейне воспринимается как яркая индивидуальность, в которой каждый находит близкие по духу мотивы. В сибирском восприятии Гейне выступает как яркий представитель романтизма, т.к. романтическое видение мира было близко сибирякам в данный период.

Восприятие Гейне, являясь неотъемлемой составной частью общероссийской рецепции и в целом подчиняясь ее внутренним закономерностям, в то же время обладает явственным «местным колоритом», обусловленным отдаленностью от столиц и спецификой культурного слоя, в значительной мере состоявшего из ссыльных. Сибирские писатели и переводчики выбирали произведения преимущественно из таких сборников, как «Книга песен» (Buch der Lieder, 1827, циклы Junge Leiden, Lyrisches Intermezzo, Die Heimkehr, Die Nordsee) и более поздних «Новых стихотворений» (Neue Gedichte, 1844). К излюбленным мотивам, привлекающим сибиряков в поэзии, можно отнести любовь и любовные переживания, как удел всех молодых людей, странствие как уход от проблем, альтернатива надоевшей жизни, связь с природой и любование, преимущественно, горными пейзажами, т.е. все, что типично для немецкого романтизма. Таким образом, формируется определенный стереотип о Гейне в сибирской рецепции: это поэт, писавший в обобщенных чертах о несчастной любви, взаимоотношениях, создавший условный женщины, обрекающей мужчин

на страдания, и призывающий к странствиям и обращению к природе, дарующей успокоение.

На основе представленных материалов можно сделать вывод, что сибирские переводчики достаточно хорошо чувствуют настроение Гейне. Несмотря на излишнюю романтизацию, они сохраняют художественный замысел автора, стараются подражать мелодике стихотворений, сохранять особенности ритма и рифмы.

3.5. Социально-политическая тема в стихотворных переводах с немецкого

В сибирской периодике публикуются 4 перевода с немецкого языка стихотворений менее известных сегодня немецких и австрийских поэтов рубежа веков: «Работнику. Из Бюргера» в переводе Л. Ленина⁴¹⁷, «Из Роберта Прутца» в переводе Г. Вяткина⁴¹⁸, «Три судьбы» Г. Фальке в переводе неизвестного автора⁴¹⁹, и «Блаженная забывчивость» из Гофмана Фаллерслебена, перепечатка из газеты «Слово»⁴²⁰. Этот корпус текстов следует рассматривать в качестве отдельного мотивно-тематического блока переводной поэзии, который требует особого внимания. Поэтому в рамках настоящего параграфа мы специально обратимся к литературоведческому, транслатологическому и рецептивному анализу этих произведений, определению их места в обозначенном выше контексте.

Наряду с романтическими мотивами, излюбленными сибирскими переводчиками, популярностью пользуется духовно-назидательная, политическая тематика немецкой поэзии XVIII-XIX веков в переводах из наследия представителя движения «Бури и натиска» **Готфрида Августа Бюргера** (*Gottfried August Bürger*; 1747–1794), а также **Роберта Прутца** (*Robert-Eduard Prutz*, 1816–1872), **Густава Фальке** (*Gustav Falke*, 1853–1916), **А. Г. Гоффмана фон**

⁴¹⁷ Сибирский вестник. 1889. № 92.

⁴¹⁸ Сибирский вестник, № 57, 1905

⁴¹⁹ Сибирский листок, № 38, 1903

⁴²⁰ Сибирский листок, № 16, 1908

Фаллерслебена (*Hoffmann von Fallersleben*, 1798–1874), разделявшего идеи «Молодой Германии». Социально-политический пафос, критика современности воплотились в стихотворных переводах сибиряков.

Из творчества поэтов конца XVIII века среди переводов выделяется произведение Г. А. Бюргера, знаменитого «народного» немецкого поэта. Бюргер известен своими балладами «Ленора», «Дочери Таубенгеймского пастора» и т.д., которые представляются его наиболее значимой поэтической заслугой⁴²¹. Хотя в целом творческое наследие Бюргера не слишком велико, полное собрание его сочинений включает семь томов, в России оно получило, как известно, значимый отклик благодаря переводам В. А. Жуковского, Д. Д. Минаева, Н. В. Гербеля и др.

В томской ежедневной газете «Сибирский вестник» в № 92 1889 года печатается перевод Л. Ленина, он выбирает небольшое стихотворений “Mannstrotz” (досл.: человеческое упорство), которое он озаглавливает «Работнику (Из Бюргера)»:

Mannstrotz

So lang ein edler Biedermann
Mit einem Glied sein Brot verdienen kann,
So lange schäm er sich nach Gnadenbrot
zu hungern!
Doch tut ihm endlich keins mehr gut:
So hab er Stolz genug und Mut,
Sich aus der Welt hinaus zu hungern⁴²².

Труженику (Д. Минаев)

Пока ты можешь день-деньской
Трудиться ради пропитанья,
Стыдись с протянутой рукой
Просить, как нищий, подаанья.

Когда же будут от утрат,
От горя силы все убиты,
Тогда себя, мой гордый брат,
Голодной смертью умори ты⁴²³.

Человеческое упорство

(Подстрочник)

Пока порядочный человек
Может своими руками зарабатывать
на хлеб,
Ему стыдно просить милостыню!
Но если он уже не в состоянии:
То ему надо достаточно гордости и
смелости

Умереть голодной смертью.

Работнику (Из Бюргера) (Л. Ленин)

Пока в тебе есть капля силы, –
Работай день-деньской,
Чтобы не быть тебе голодным, –
Нейди с протянутой рукой.

Когда-ж не будешь в состояньи
Работать и терпеть, –
Тогда ты лучше постарайся,
Мой друг, скорее умереть!⁴²⁴

⁴²¹ Гербель Н.В. Немецкие поэты в биографиях и образцах. Санкт-Петербург. 1877. С. 112.

⁴²² Bürger, G.A. Gedichte. Frankfurt und Leipzig, 1789. С. 96.

⁴²³ Гербель Н.В. Указ. соч. С. 125

⁴²⁴ Сибирский вестник. 1889. № 92.

Оригинал, как видно, представляет собой шестистишие с разностопным ямбом и со сплетенной рифмой (аабввб), переводы же состоят из 2 четверостиший, написанных 4-х стопным ямбом с перекрестной рифмой (абаб).

Бюргер в своем стихотворении использует обобщение: лирический герой – простой порядочный человек (*Biedermann*) олицетворяет всех представителей мещанства, простых рабочих. В произведении – горькая насмешка над судьбой «упорствующих», которые, теряя возможность зарабатывать на жизнь своим трудом, остаются без средств к существованию, и им больше ничего не остается, как покинуть этот мир. Слово *упрямство* используется Бюргером не в прямом значении: он не укоряет рабочих в том, что они лучше умрут от голода, чем пойдут просить милостыню, а скорее сочувствует им.

В стихотворении Бюргера отражается его характерная для немецкого локального романтизма и бидермайера, то есть фактически для немецкой поэзии всего XIX в., тяга к бытописанию и поэтизация быта бюргерских будней, сочувствие к праведному труду, восходящие к христианским идеалам, активно проповедовавшимся посредством книгоиздания за счет книг назидательной словесности. Современник Бюргера Шиллер писал о нем: «Мы должны сознаться, что поэзия Бюргера много еще оставляет желать, что в большей части ее мы не находим кроткого, всегда ровного, всегда светлого мужского ума – ума, посвященного в тайны прекрасного, благородного и истинного, и образовательно спускающегося к народу, но никогда не отрекающегося от своего небесного происхождения, не смотря на короткость с народом. Бюргер нередко мешается с толпою, к которой бы должен был только снисходить, и, вместо того чтобы, шутя и играя, тянуть ее к себе, ему часто нравится приравняться к ней»⁴²⁵.

В переводах Д. Минаева и Л. Ленина сохраняется основной мотив произведения: если нет сил работать, то лучше умереть, чем просить милостыню, то есть тема гордости, но не смирения и послушания, воспетых Бюргером. Кроме того, в обоих вариантах авторы используют местоимение «ты» («*Пока ты можешь, Пока в тебе есть капля силы*»), и прямые обращения (*мой гордый брат*,

⁴²⁵ Гербель Н.В. Указ. соч. С. 113–114.

мой друг), что более прямо отражает назидательный дух стихотворения. Таким образом, схожесть в переводах позволяет предположить, что сибирский переводчик мог пользоваться текстом Д. Минаева для создания своего перевода. Сам выбор сибирского переводчика, конечно, отражает актуальные для региона в конце XIX социальные настроения, назидательную мораль, изложенную с усилением лирико-драматического тона. Посредством подобных переводов сибирские журналисты и читатели, переводчики и обыватели, очевидно, могли содействовать формированию собственной культурной самоидентичности, минуя Центр и сообщаясь напрямую с образом Другого.

Еще одним, таким же редким, но показательным переводом является произведение Г. Вяткина «Из Роберта Прутца», которое публикуется в № 57 «Сибирского вестника» в 1905 году. Роберт Эдуард Прутц – австрийский поэт, известный своими политическими стихотворениями, полными сатиры. Его поэтическое наследие включает также несколько больших баллад, о которых Гербель пишет: «Главное их достоинство заключается в прекрасной форме и ясности мысли; но глубокой поэзии искать в них нельзя. Прутц пробовал себя также в качестве драматурга и романиста, затрагивая в произведениях национальные, политические и религиозные вопросы своего времени»⁴²⁶.

Из многообразного творчества Прутца Вяткин выбирает стихотворение «Молодость и старость» (“Alter und Jugend”). На русский язык Роберт Прутц переводился крайне мало, наиболее известны переводы его стихотворений А. Плещеевым, среди которых есть и произведение, заинтересовавшее сибирского переводчика:

Alter und Jugend. R. Prutz

Ihr könnt nicht uns verstehen
 Und wir nicht Euren Rath:
 Wohlan, so laßt uns gehen
 Ein Jeder seinen Pfad.
 Ihr legt die Stirn in Falten,
 Ihr nennt Euch selbst die Alten,
 Die Nüchternen, die Kalten:
 Und wir sind jung und wir sind frisch
 Und wir sind rasch und wir sind risch,

Подстрочник

Вы не можете нас понять
 А мы не понимаем Ваш совет:
 Вперед, так мы пойдем
 Каждый своим путем.
 У вас в морщинах лоб,
 Вы сами себя зовете стариками,
 Рассудительные, холодные:
 А мы молоды и мы свежи
 А мы проворны и мы ловки,

⁴²⁶ Там же. С. 610–611.

Das kann nicht Friede halten.
 <...>
 Du aber, Reich der Jugend,
 Steig' auf, du ewig jung,
 Du Götterreich der Tugend
 Und der Begeisterung!
 Und sollten wir verderben,
 Wir wollen für dich werben,
 Die Zukunft soll dich erben!
 Das Alter mag im Lehnstuhl ruh'n:
 Doch will Gott uns was Gutes thun,
 So laß er jung uns sterben!⁴²⁷

**Молодость и старость. Пер.
 Плещеев**

Нет, вы нас понять не в силах;
 Мы вас тоже не пойдем.
 Так расстанемся – и каждый
 Пусть идет своим путем.
 На челе у вас морщины,
 Веет холодом от вас;
 Вы и сами говорите,
 Что огонь в груди погас.
 Мы же юны, сильны, пылки,
 В нас кипит отвагой кровь:
 Тут союза быть не может,
 Тут непрочная любовь.
 <...>
 Мы стоим на перепутьи:
 Разойтись пора пришла.
 Вам – цветущие долины,
 Нам – подводная скала.
 Отдыхайте же, как предки,
 Под журчанье ручья,
 Убаюканные сладко
 Звонкой песнью соловья;
 Но никто воспоминанья
 Жизни прошлой не буди,
 Или кровью обольется
 Сердце в старческой груди.
 <...>⁴²⁸

Спокойствие это не остановит.
 <...>
 Но ты, господство юности,
 Взойди, ты вечно молодо,
 Ты царство добродетели
 И воодушевления!
 И если должны мы погибнуть,
 Мы будем за тебя агитировать,
 Будущее должно унаследовать
 тебя!
 Старость любит в кресле
 отдыхать:
 Но Бог хочет сделать для нас что-
 то хорошее,
 Поэтому мы умираем молодыми!

Из Роберта Пруца. Г. Вяткин

Наш час пробил! Прощай, о
 старость!
 Тебе нас, юных, не понять:
 Ты, утомленная, больная,
 Не можешь верить и желать.
 Твое мертвящее смирение,
 Твое бесстрашие – чужды нам:
 Не прикоснемся с поцелуем
 Мы к истлевающим гробам.
 <...>
 Покой один ты ценишь. Счастье
 В покое этом обрела:
 И ни одна живая дума
 Не тронет мертвого чела...
 Наш час пробил! Нас в даль
 живую
 Зовет житейский океан.
 Не страшны нам порывы бури,
 Не страшен тягостный туман.
 Не примиряясь с скорбной долей
 И поражая силу зла –
 Вперед, вселюбящая юность,
 И вдохновенна, и светла! <...>
 Коль сгибнем мы – придут
 другие:
 Нетленно то, чем дух наш жил!
 Прощай дряхлеющая старость!
 Нам в путь пора!! Наш час
 пробил!!!⁴²⁹

⁴²⁷ Prutz, R. Gedichte: neue Sammlung. Zürich: Dr.u.Verl.d.literarischen Comptoirs, 1843. S. 18-20.

⁴²⁸ Гербель Н.В. Указ. соч. С. 614.

⁴²⁹ Сибирский вестник. 1905. № 57.

Произведение Р. Прутца строится на аллегории – противопоставлении молодого поколения старому. Повествование идет от лица молодых людей, обращающихся к старикам, которые упрекают молодежь в легкомыслии, хотя когда-то сами были такими. У Вяткина изменяется модель повествования: остается местоимение «мы», обозначающее молодое поколение, которое обращается не к старикам, а к старости, в абстрактном значении. Противопоставление сохраняется в описании старости, утомленной и больной, и юности, вселюбящей, вдохновенной и светлой.

Старики у Прутца – старые, ворчливые, медлительные, с морщинами и седеющей головой, с грустью о прошлом уходят на покой, в долины, выступающие у Прутца образом спокойной жизни после смерти (*“Ihr geht gemach im Thale”*), в то время как молодые путешествуют по скалам, символам высоты и риска (*“Auf Klippen wandern wir”*). Лексика в переводе сибирского автора экспрессивнее, чем в оригинале, метафоры более эмоциональны: «*мертвящее смирение*», «*к истлевающим гробам*». У Вяткина образ старости связан с бессильной злобой, близостью неотвратимой и разрушающей смерти, дарующей покой: «*Все, чем душа твоя горела // В былые дни, давно-давно, // Тобой осмеяно, забыто, // На дне души погребено... // Покой один ты ценишь. Счастье // В покое этом обрела: // И ни одна живая дума // Не тронет мертвого чела...*». Старость в представлении немецкого поэта – неотъемлемая, значимая часть человеческой жизни, у Вяткина проявляется романтический фатализм. Вяткин передает пафос оригинально произведения, выраженный восклицаниями («*Прощай, о старость!, О, пусть же ярко, ярче солнца // Горят свободные мечты! Нам в путь пора!!*»), но добавляет свое, многократно повторяющееся: «*Наш час пробил!*».

Примечательно, что перевод Плещеева и Вяткина во многом совпадают: эпитет вселюбящая, относящийся у юности, когда в оригинале *Reich der Jugend*, и далее, ср:

У Плещеева

Ты ж, вселюбящая юность,
Поражая силу зла,
Шествуй твердою стопою,
Вдохновенна и светла!
Для грядущих поколений
Воздвигашь зданье ты...

У Вяткина

Вперед, вселюбящая юность,
И вдохновенна, и светла!
Для отдаленных поколений
Великий свет засветишь ты...

Из подстрочника

Но ты, господство юности,
Взойди, ты вечно молодо,
Ты царство добродетели
И воодушевления!

Произведение Вяткина можно назвать если не самостоятельным произведением, то бытовым псевдопереводом (по классификации В. Карасика⁴³⁰), основанным на оригинале и другом варианте перевода, с добавлениями собственного стиля переводчика.

Таким образом, эти два стихотворения, относящиеся к различным временным периодам, оказываются объединены общей тематикой в духе немецкого бидермайера, затрагивающего проблемы частной жизни простого человека, мотивы старости, труда и смирения в повседневности, которые освещаются авторами с помощью простых и ясных аллегорических образов. К ним примыкает и третий перевод, выполненный неизвестным автором и снабженный лишь указанием источника оригинала («*Берлинская корреспонденция для русских газет*»).

В 1903 году в № 38 томской газеты «Сибирский листок» публикуется стихотворение «Жизнеописания» немецкого поэта Густава Фальке:

Lebensläufe (G. Falke)

Drei kleine Knaben
Hüteten die Gänse,
Hatt' jeder seine Gaben,
und wurde große Hänse.

Einer ward ein Schneider,
Der hatte zehn Gesellen,
Dem König macht' er
Kleider,
Dem Narren eins mit
Schellen.

Der andre nahm 'ne Pfarre,
Wusch allem Volk die
Köpfe,
Der Herr lohnt ihm die

**Жизнеописания
(подстрочник)**

Три маленьких мальчика
Пасли гусей.
У каждого были свои
таланты,
И стали они взрослыми.

Один стал портным,
У которого было десять
подмастерий,
Делал он одежду для короля,
И для шутов с бубенчиками.

Другой стал пастором.
Задавал головоломку народу,
Господь вознаграждает его

**Три судьбы. Из Густава
Фальке**

Я знал трех мальчуганов
На родине своей
все три пасли баранов
овец, коров, свиней.

Один теперь портной.
Он отрастил брюшко,
прославил свой покрой
и метил далеко.

Другой стал клерикалом.
Корит он зло, обманы,
и подаянья валом
валят в его карманы.

⁴³⁰ Карасик В. И. Поэтический псевдоперевод как лингвокультурный феномен // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 9. Воронеж, 2011. С. 117.

Quarre Und füllt ihm Tasch und Töpfe.	брюзжания И наполняет ему стол и кастрюли.	А третий стал поэтом, слагал стихи и песни, хотя на свете этом есть надо, как известно.
Der dritte ward ein Schreiber, Hat schöne Lieder gesungen, Die Kinder und Weiber Sind um ihn herumgesprungen.	Третий стал писателем, Пел прекрасные песни, Дети и женщины Прыгали вокруг него.	Был одарен портной за швальные заслуги. Вошел в чины второй за ловкие услуги.
Der Schneider kriegt 'nen Orden, Der Pfarrer kriegt die Gicht, Der Schreiber ist verdorben, Wo, weiß man nicht ⁴³¹ .	Портной получил орден, Пастор получил подагру, Писатель скончался, Где, никто не знает.	За оды и сонеты пожалован ли третий? Ах, нет судьбы на свете грустней судьбы поэта!
		Я слышал и о нем: жил в вечной суете за ломаным грошом и умер в нищете ⁴³² .

Итак, оригинальное стихотворение в простой, ироничной форме повествует о трех мальчишках, пасших вместе гусей, которые выросли и пошли разными путями: больше всех повезло портному, который услужил королю и был награжден, пастор пытался направить людей на путь истинный, но получил лишь подагру (в сибирском варианте пастор вошел в чины, слово *Gicht* ‘подагра’ проигнорировано переводчиком), а поэт, хоть и радовал людей песнями, умер незамеченным.

Следует отметить, что перевод, опубликованный в «Сибирском листке», на два четверостишия больше оригинала. В добавленной концовке раскрывается судьба поэта: если в оригинале говорится только, что он умер, и никто не знает где, то в переводе он оказывается «избранным», ему единственному не повезло, и автор сочувствует его судьбе. Основываясь на анализе сибирской переводческой рецепции немецкой поэзии, который указывает на стремление переводчиков внести элемент собственного творчества в произведение, развивать и изменять идеи подлинника. Характер интерпретативной стратегии автора – тяга к романтическим темам, поэтическому тезаурусу «золотого века» русской поэзии, обращение «бытовых жизнеописаний», сатирически представленных в оригинале

⁴³¹ Falke, G. Der Frühlingsreiter. Gedichte von Gustav Falke. – Hamburg und Berlin: Alfred Jansfen, 1912. S. 215.

⁴³² Сибирский листок. 1903. № 38.

с явно просвечивающей христианской назидательной сентенцией о бренности земного бытия, в лирически возвышенное и распространённое повествование о «трех судьбах», из которых одна выделяется особенно и принадлежит герою-поэту, – позволяет предполагать в сохранившем инкогнито переводчике сибирского автора, постоянного корреспондента томской газеты.

Наконец, один представитель поэзии XIX века, чье произведение лишь однажды выбрано для перевода в сибирской периодике и примыкает к описанным выше – немецкий германист и поэт А. Г. Гоффман фон Фаллерслебен, автор песен, в том числе и текста «Песни немцев» (“Deutschland, Deutschland über alles”, 1841)⁴³³. Его стихотворение «Блаженная забывчивость» печатается в № 16 тобольской газеты «Сибирский листок» в 1908 году. Из подписи к переводу следует, что это перепечатка из газеты «Слово», авторство перевода принадлежит В. Лихачеву:

**Блаженная забывчивость
(Из Гоффмана ф. Фаллерслебена)**

Снегирь посажен в клетку был
И рощу скоро позабыл.
То прыг сюда, то скок туда,
Беспечно-радостен всегда,
Он пел о счастье лишь своим:
«О, как привольно мы живем!»
Таков и ты, мой друг и брат.
С чего-то бодр, чему-то рад,
Весь век свой в клетке ты сидишь
И неустанно голосишь
Совместно с глупым снегирем:
«О, как привольно мы живем!»⁴³⁴

Стихотворение повествует о снегире, который довольствуется жизнью в клетке, позабыв, что когда-то жил в роще, на свободе. Автор обращается к читателю: «*Таков и ты, мой друг и брат*», сравнивая снегиря с обывателем, который довольствуется малым, мирится с любыми условиями и при этом «голосит» о привольной жизни. Мотив заключения, смирения с обстоятельствами близок сибирскому читателю в связи с исторически-географическим контекстом

⁴³³ Elschenbroich, A. "Hoffmann von Fallersleben, Heinrich" in: Neue Deutsche Biographie. B.9. 1972. S. 421

⁴³⁴ Сибирский листок. 1908. № 16.

Сибири. Назидательный, призывной тон стихотворения мог пробуждать в сибиряке дух сопротивления, характерный для того времени.

Примечательно, что среди разнообразного творчества немецких поэтов сибиряки выбирают для публикации поэтические произведения социально-политического и назидательного характера. В русской литературе философия частной жизни не выделялась в центральное направление развития поэзии, однако оказалась близка региону. Интерес сибирских авторов к поучительным, философским мотивам уже отмечался в параграфе 2.2. о наследии М. Нордау и Т. Герцля, представленном в сибирской периодике.

Разнообразие восприятия творчества немецких писателей и поэтов, мотивы выбора текстов для печати являются показательным звеном в общей картине сибирской рецепции иностранных писателей. В сибирской словесности, выраженной публикациями переводов зарубежной литературы в региональных периодических изданиях, находит свое отражение культурная, историко-идеологическая и социальная специфика региона. Своеобразие словесной культуры Сибири обусловлено уникальностью социально-исторических и социально-политических процессов колонизации региона, а также особым положением Сибири как российской провинции, и как региона, включенного в международные культурные связи.

Заключение

Исследования русской рецепции иноязычной литературы зачастую ограничены изучением печатных изданий центрального региона России. В настоящей работе впервые собран и комплексно рассмотрен корпус публикаций газет Томска и Тобольска рубежа XIX–XX веков, посвященных театральной, литературно-критической и переводческой рецепции немецкой литературы с привлечением нового библиографического материала по рецепции инонациональной литературы в сибирской периодике.

Сибирские переводы, подражания, адаптации, театральные постановки являются малоизученной, но неотъемлемой частью русской рецепции зарубежных драматургов, поэтов и писателей. Однако результаты нашего исследования представляют не меньший интерес в плане пополнения знаний о культуре и литературе Сибири. Публикации в местных дореволюционных периодических изданиях отражают представления сибиряков о себе и о других, раскрывают характерные черты регионального сознания, формируемого в особых условиях ссылки, миграции, смешения культур разных народов. Включенность немецкого текста в периодические издания Сибири, свидетельствует о стремлении к преодолению сознания собственной периферийности, желании приобщиться к общероссийскому историко-культурному процессу и участвовать в нем на равных. Переводная литература, как показывает проведенная исследовательская работа, во многом определяла локальный текст Сибири. Сюжеты и мотивы зарубежной литературы становятся основой для собственных творческих исканий начинающих поэтов, переводчиков и публицистов.

В работе также систематизированы знания о сибирских авторах, с исторической, краеведческой и биографической точки зрения, что позволяет сделать вывод об особой прослойке интеллигенции, представленной как уроженцами, так и ссыльными, которые внесли значительный вклад в развитие региона, его социальной и культурной идентичности. Мотивы выбора сибирскими авторами произведений для перевода и публикации в периодике обусловлены

программными целями областничества, ориентированными на традиционную аксиологию, высокие духовные ценности, поэтику чувства, принципы романтизма в том их воплощении, которое определяло центральное положение русской классической словесности XIX века в русской культуре как таковой. Как и русские классики, сибиряки видят в литературно-переводческой деятельности важнейший инструмент для просвещения, воспитания, образования и социального взаимодействия, поэтому их стратегия восприятия современных и классических образцов германской словесности и философии является сознательной ретроспективностью и некоторым консерватизмом. В подобном освоении инокультурных тенденций, очевидно, происходило образование того самого фундамента для развития сибирского общества, о котором писал Н. М. Ядринцев: «Идеалы общечеловеческого развития воспримутся, они носят в современном воздухе, **они пройдут и в зарождающуюся национальность, но им надо дать почву**» (из письма Н. М. Ядринцева 1873 года) (выделено мною – Ю.С.)

Характерные черты собственного творческого стиля местных поэтов, переводчиков и публицистов отразились на образе немецкой литературы в сибирском восприятии, поскольку каждый из этих авторов, говоря словами Г. Н. Потанина, стремился «переводить с иностранного не на язык, этого недостаточно, а на формы русской жизни, на формы русского чувства» (из письма Г. Н. Потанина 1893 г.) (выделено мною – Ю.С.) Как известно, именно такая, доместицирующая, направленность была характерна и для творчества лучших русских поэтов и писателей-переводчиков, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Тютчева и др., чьи произведения обогатили русскую литературу.

Изучение библиографии переводов инонациональной литературы и критических статей, а также театральные рецензии на постановки зарубежных пьес, опубликованных на страницах сибирских периодических изданий, указывает на значимость немецкой литературы в общей рецептивной картине. Находясь на втором месте по частоте после французской литературы, она зачастую выполняет важнейшие посреднические функции для восприятия

польских, норвежских, датских и других авторов. Примечательна также роль немецких переводов в восприятии русской литературы, в частности творчества М. Ю. Лермонтова. Таким образом, в имагологической парадигме восприятия разных иноязычных литературных течений немецкая словесность выполняет конститутивную роль, не ограничиваясь самоценным значением.

В театральной рецепции немецкой литературы, помимо крупнейших немецких драматургов (Ф. Шиллера, И. В. Гете, Г. Зудермана, Г. Гауптмана), оригинальную критическую оценку получают местные и центральные постановки современных пьес гораздо менее известных сегодня М. Дрейера, Л. Фульды, О. Эрнста, Р. Фосса, А. Шницлера, Г. Бара. Тематика постановок данной плеяды современных драматургов характеризуется общими мотивами университетской и школьной жизни, воспитания, отображением разных профессий, женского вопроса и т.д. То есть творчество немецких драматургов сыграло важную роль в истории сибирского театра, а также в реализации социокультурной программы по формированию нравственных и эстетических идеалов активно развивающегося региона.

В периодике Сибири на рубеже XIX–XX веков популярностью пользовалась немецкая поэзия, в то время как поэтические переводы с французского практически отсутствуют, а стихи польских поэтов представляются выборкой перепечаток переводов современных авторов, английская поэзия представлена вдвое меньшим количеством публикаций. В работе новыми сведениями дополняется история изучения русской переводческой рецепции снискавшего популярность в России Генриха Гейне. Восприятие творчества немецкого поэта в России всегда отличалось многогранностью, но в сибирской периодике оно обретает новые черты. Сибиряки переводят стихотворения Г. Гейне в собственной манере: наблюдается интенция к романтизации, нивелирование скрытой иронии и политических тем, являющихся неотъемлемой частью творческого наследия писателя. Кроме того, в региональных газетах печатается множество подражаний поэзии Гейне и псевдопереводов, основанных на его характерных мотивах.

Интерес к романтическим образам и ретроспективный взгляд на литературные тенденции прослеживается также в сибирской рецепции творчества немецкого поэта и писателя Новалиса. Сибиряки намерено уходят от современных литературных тенденций, склоняясь к романтизму. При этом авторы по-своему интерпретируют главный романтический образ («голубой цветок», *Blaue Blume*), введенный Новалисом. Романтическая концепция взаимодействия человека и природы отражена в переводах из Н. Ленау. Сибиряки зачастую более удачно интерпретируют поэтическую образность романтизма, в сравнении с переводами именитых российских поэтов и переводчиков, но с ориентацией на собственную картину мира с характерными региональными чертами: акцент на тему узничества, суровой зимы и пр.

Свою нишу находит и социально-политическая поэзия, которая раскрывается в стихотворениях Г. Фальке, Р. Прутца, А. Бюргера и Г. ф. Фаллерслебена. В произведениях освещаются темы свободы и борьбы, смирения и труда, социальной несправедливости и революции; мотивы немецкой политической поэзии «в духе времени» оказываются близкими сибирскому читателю, а также адекватными формату периодических изданий. Схожие мотивы и переводческие стратегии наблюдаются и в переводах прозаических произведений, публикуемых в газетах. Духовно-назидательная тематика и философия частной жизни проявляется в рассказах Г. Герцля, М. Нордау и в коротких притчах О. Блюменталля.

При комплексном рассмотрении сибирская рецепция немецкой литературы в переводах, критических статьях и театральных обзорах обнаруживает ряд характерных черт. Очевиден интерес сибиряков к философским идеям современности, к женскому и еврейскому вопросу, к острым социальным и политическим темам, что обусловлено просветительскими, воспитательными целями областничества для формирования собственного оригинального культурного пространства. Для сибирской литературной рецепции характерно целенаправленное неприятие современных тенденций модернизма и декадентства.

Репрезентативным, но неисследованным блоком рецепции немецкой литературы в сибирской периодике остаются переводческие циклы без указания авторства перевода или оригинала, которые еще предстоит атрибутировать. Так, например, в переводе М. Прейса, подписывающегося криптонимом «М. Пр-м», в «Сибирском вестнике» в период с 1898 по 1900 год публикуются 23 перевода без указания оригинального авторства. Такими авторами также являются переводчики, публиковавшиеся под криптонимами «М. Ш.» (найденно около 40 переводов, преимущественно с французского языка), «О. К-ая» (в период с 1899 по 1903 годы печатаются 48 переводов с немецкого и французского языков), «Х.» (6 переводов с французского). Примечательным образцом рецепции немецкой литературы являются также 7 переводов Петра Черневича из немецкого журнала для семейного чтения «Фрея» (“Freya. Illustrierte Familien-Blätter”), оригинальные номера которого на сегодняшний день не удалось найти.

Для последующего расширенного изучения вопроса рецепции инонациональной литературы в сибирском регионе представляется важным обратиться к газетам других городов региона. Например, в Новониколаевске (Новосибирске) публицистика начинает активно развиваться позднее, с 1906 года. Крупнейшими являлись следующие издания: «Народная летопись», 1906–1909; «Обь: общественная, политико-экономическая и литературная газета», 1907–1908; «Обская жизнь: газета общественная, политико-экономическая и литературная», 1909–1912; «Обский вестник: общественно-экономическая, политическая и литературная газета», 1910–1912; «Алтайское дело: общественная, политико-экономическая и литературная газета», 1912–1916. По предварительным наблюдениям следует отметить, что в данных газетах гораздо меньший объем публикаций, посвященных зарубежной литературе, в сравнении с томскими периодическими изданиями.

Интересным для последующего анализа представляются также публикации, посвященные рецепции немецкой музыки, поскольку она является наряду с театром важной частью культурной жизни. Отдельным пластом можно выделить оперетки основоположника австрийской оперы Франца Зуппе, которые часто

ставились на томской сцене и имели успех. Обнаружено также множество публикаций, посвященных немецким композиторам. В Томске проходили концерты и камерные вечера, посвященные творчеству Л. в. Бетховена, В. А. Моцарта, И. С. Баха, Р. Штрауса. В газетах освещались важнейшие музыкальные события в мире. Дальнейшие исследования могут быть посвящены рецепции зарубежной литературы в периодических изданиях других регионов России.

Составленный нами корпус из 1000 переводов более чем с 20 языков, а также рецензии на театральные постановки пьес зарубежных авторов и критические отклики на события в историко-культурной жизни дореволюционной Европы и России не только выступает богатым материалом исследования имагологической парадигмы регионального сознания, характерных черт формирующейся культурной идентичности региона и словесной культуры территории, но имеет и самостоятельную ценность, то есть заслуживает специального научного издания.

Комплекс литературно-художественных текстов, рассмотренный в работе, обладает высокой историко-культурной значимостью, поскольку он системно раскрывает важнейшие черты культурного сознания региона сквозь призму имагологической парадигмы, то есть посредством понимания процесса формирования представлений о «своем» (национальном, региональном) и «чужом» (инонациональной словесной культуре). Эти представления отражаются в характерных жанрах, сюжетах, мотивах и образах в произведениях, выбранных авторами сибирских газет.

Список использованных источников и литературы

Источники

Источники переводов и немецкие оригиналы

1. Бальмонт, К. Д. Из Мировой Поэзии / К. Д. Бальмонт. – Берлин : Изд. Слово, 1921. – 325 с.
2. Брюсов, В. Я. Полное собрание сочинений и переводов. Стихи 1905–1909 гг. / В. Я. Брюсов. – Санкт-Петербург : Сирин, 1914. – Т. 4.
3. Вейнберг, П. Собрание сочинений / П. Вейнберг. – Санкт-Петербург: Вейнберг, 1902. – 470 с.
4. Гейне, Г. Новые стихотворения / Г. Гейне; [в переводе русских писателей]. – Москва : Academia, 1931. – 643 с.
5. Гербель, Н. В. Немецкие поэты в биографиях и образцах / Н. В. Гербель. – Санкт-Петербург. – 1877. – 656 с.
6. Ленау, Н. Стихотворения / Н. Ленау; [в переводе В.В. Левики]. – Москва : Академия, 1956. – 314 с.
7. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Воскресенье, 2000. – 2 т.
8. Михайлов, М. Л. Песни Гейне / М. Л. Михайлов. – СПб. : Типография Якова Трея, 1858. – 390 с.
9. Михайлов, М. Л. Сочинения в трёх томах / М. Л. Михайлов; [под общей редакцией Б. П. Козьмина]. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 1 т.
10. Ницше, Ф. Собрание сочинений в 8-ми томах / Ф. Ницше – Москва : 1900. 1–8 т.
11. Новалис. Генрих фон Офтендинген / Новалис. – Москва : Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 2003. – 367 с.
12. Новалис. Генрих фон Офтердингер / Новалис; [проза в переводе Зин. Венгеровой, стихи в переводе Вас. Вас. Гиппиуса]. – Москва : Госиздат, 1922. – 290 с.

13. Новалис. Ученики в Саисе. Генрих фон Офтердинген / Новалис; [в пер. З. Венегеровой]. – Москва : Ладомир; Наука, 2003. – 319 с.
14. Нордау, М. Вырождение (Entartung). Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием Р.И. Сементковского. // Санкт-Петербург : Изд. Ф. Павленков. – 1894. – 298 с.
15. Плещеев, А. Н. Стихотворения / А. Н. Плещеев. – Москва : Типография В. Грачева и Комп., 1861. – 307 с.
16. Родные поэты: Стихотворения русских поэтов-классиков XIX и начала XX века. – 7-е изд. – Москва : Дет. лит., 1979. – 675 с.
17. Blumenthal, O. Nachdenkliche Geschichten / O. Blumenthal. – Berlin: F. Fontene & Co, 1904. – 256 S.
18. Bodenstedt, F. Shakspear's Zeitgenossen und ihre Werke / F. Bodenstedt. – Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1860. – 373 S.
19. Bodenstedt, F. A. Puschkin's poetische Werke / F. Bodenstedt. – Berlin, 1854. – 315 S.
20. Bodenstedt, F. Der Sänger von Schiras: Hafisische Lieder / F. Bodenstedt. – Berlin, 1880. – 255 S.
21. Bodenstedt, F. Die Lieder des Mirza-Schaffy / F. Bodenstedt. – Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1873. – 224 S.
22. Bodenstedt, F. Die poetische Ukraine: eine sammlung kleinrussischer Volkslieder / F. Bodenstedt. – Stuttgart und Tübingen, 1845. – 367 S.
23. Bodenstedt, F. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass / F. Bodenstedt. – Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. – 2 Bd. – 354 S.
24. Bodenstedt, F. William Shakespeare's Sonette / F. Bodenstedt. – Berlin, Verlag der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1862. – 248 S.
25. Bürger, G. A. Gedichte / G. A. Bürger. – Frankfurt und Leipzig, 1789. – 365 S.

26. Falke, G. Der Frühlingsreiter. Gedichte von Gustav Falke / G. Falke. – Hamburg und Berlin: Alfred Jansfen, 1912. – 286 S.
27. Friedrich Bodenstedt's Gesammelte Schriften: Russische Dichter / F. Bodenstedt. – Berlin, 1866. – 512 S.
28. George S. Das Jahr der Seele. Blätter für die Kunst / S. George. – Berlin, 1897. – 65 S.
29. Heine, H. Heines Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte / H. Heine. – Leipzig : Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1972. – 481 S.
30. Heinrich von Ofterdingen. Aus Novalis Schriften herausgegeben / L. Tieck, Fr. Schlegel. – Wien, 1827. – 277 S.
31. Herzl, Th. Philosophische Erzählungen. Vollständige Neuausgabe / Th. Herzl. – Berlin : Herausgegeben von Karl-Maria Guth. – 2015. – 128 S.
32. Lenau, N. Gedichte / N. Lenau. – Cotta, Stuttgart/Augsburg, 1857. – Bd. 1. – 456 p.
33. Nachdenkliche Geschichten von Oscar Blumenthal. Auf der Treppe // Berliner Tageblatt. – Berlin, 2. Dezember 1901. – # 911. – S. 1.
34. Nikolaus Lenau. Sämtliche Werke und Briefe / W. Dietze.– Insel-Verlag Leipzig, Frankfurt a.M., 1970. – Bd. 1. – 349 S.
35. Nordau, M. Seelenanalysen / M. Nordau. – Berlin : Schall. – 1903. – 298 S.
36. Novalis. Die Lehrlinge zu Sais / Novalis. – Berliner Ausgabe, 2013. – 40 S.
37. Prutz, R. Gedichte: neue Sammlung / R. Prutz. Zürich: Dr.u.Verl.d.literarischen Comptoirs, 1843. – 300 S.

Периодические издания Томска и Тобольска

38. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск: [б. и.], 1885–1905. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349027> (дата обращения: 18.10.2015).
39. Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского

государственного университета. – Томск: [б. и.], 1894–1919 (С июля 1894 г. по май 1895 г. выходила под заглавием «Томский справочный листок». С июня 1895 г. по октябрь 1897 г. – «Томский листок»). – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349025> (дата обращения: 21.11.2015).

40. Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь»: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск, [б. и.], 1903–1913. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/index.html> (дата обращения: 21.11.2015).

41. Сибирская газета: первое частное периодическое издание Западной Сибири: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск, [б. и.], 1881–1888. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000351029> (дата обращения: 15.12.2015).

42. Сибирская мысль: ежедневная газета: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск, [б. и.], 1906–1907, 1918. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000383869> (дата обращения: 11.12.2015).

43. Сибирские отголоски [газета]: политическая, общественная и литературная газета. Томск, 1906–1910.

44. Сибирский наблюдатель: журнал [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901–1906. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000445966> (дата обращения: 17.10.2015).

45. Сибирское слово: общественно-экономическая, политическая и литературная газета: газета [Электронный ресурс] // Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета. – Томск, 1910–1911. –

URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000417841> (дата обращения: 18.10.2015).

46. Сибирский листок: [газета] / Ред. М.Н. Косторина. Тобольск , 1890–1919.

47. Бубенцы [газета]: сатирический и карикатурный отдел «Сибирских отголосков» / ред.-изд. В. А. Долгоруков. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1906.

48. Ерш [газета]: сатирический журнал. Томск, 1906.

Периодические издания центрального региона

49. Исторический вестник: русский ежемесячный историко-литературный журнал. – Санкт-Петербург, 1880–1917.

50. Весы: научно-литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал. – Москва: Скорпион, 1904–1909.

51. Вестник Европы: русский литературно-политический ежемесячник. – Санкт-Петербург, 1866–1918.

52. Русское слово: ежемесячный журнал. – Санкт-Петербург, 1859–1866.

53. Труд: вестник литературы и науки [журнал]. – Москва, 1889–1907.

Зарубежные периодические издания

54. Berliner Tageblatt [Zeitung]. – Berlin, 1872–1939.

55. Neue Freien Presse [Zeitung]. – Wien, 1864–1939.

56. Neues Wiener Tagblatt [Zeitung]. – Wien, 1867–1945.

57. Die Reichspost [Zeitung]. – Wien, 1894–1938.

58. Neues Wiener Journal [Zeitung]. – Wien, 1893–1939.

59. Literarische Chronik. Das Magazin für Literatur des Auslandes [Zeitschrift]. – Leipzig, 1832–1880.

Литература

Исследования о Сибири и регионалистике

60. Айзикова, И. А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) /

И. А. Айзикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 49. – С. 83–97.

61. Айзикова, И. А. Тема заселения Урала и Сибири в уральском, сибирском и «столичном» текстах о переселенцах (1850–1890-е гг.): проблема диалога / И. А. Айзикова // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2014. – № 3(7). – С. 23–44.

62. Айзикова, И. А. Тема переселения в Сибирь в аспекте проблемы самоидентификации (на материале литературы центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.) / И. А. Айзикова // *Sibirien – Russland – Europa. Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache. Grazer Studien zur Slawistik.* – Hamburg, 2013. – Bd 3. – S. 13–34.

63. Айзикова, И. А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и Сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. / И. А. Айзикова, Е.А. Макарова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 264 с.

64. Алишина, Г. Н. Немцы Томска в конце XIX – начала XX в.: религиозная и общественная жизнь / Г. Н. Алишина // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск : Оттиск, 2010. – С. 377–384.

65. Адрианов, А. В. Периодическая печать в Сибири / А. В. Адрианов. – Томск, 1919. – 31 с.

66. Андреева, А. А. СМИ региона: Учебно-методический комплекс для студентов 4 курса ОДО и 4–5 курса ОЗО специальности 021400 «Журналистика» / А. А. Андреева, О. А. Петрова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2009. – 90 с.

67. Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX вв. : особенности становления и развития региональной литературной традиции / К. В. Анисимов. – Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2005. – 300 с.

68. Беленький Е. Творчество Георгия Вяткина / Е. Беленький. Писатели моей земли. – Новосибирск, 1967. – 256 с.

69. Доманский, В. А. Структурные уровни сибирского текста / В. А. Доманский // Сибирский текст в русской культуре/ под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 50–59.

70. Доманский, В. А. Томская периодика XIX – начала XX в. как культурный феномен / В. А. Доманский // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. – Томск, 2009. – С. 5–19.

71. Гавриленко (Родченко), Ю. И. Георгий Вяткин о театральных постановках Мопассана на томской сцене / Ю. И. Гавриленко (Родченко) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы XII конференции молодых ученых. – Томск, 2011. Вып. 12. – 2 т. – С. 48–51.

72. Гольдфарб, С. И. Газетное дело в Сибири : первая половина XIX – нач. XX в. / С. И. Гольдфарб. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 312 с.

73. Горенинцева, В. Н. Английская и американская литература на страницах томской дореволюционной периодики: критика, переводы, театр / Отв. ред. О. Б. Кафанова. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 160 с.

74. Горенинцева, В. Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2009. – 218 с.

75. Горенинцева, В. Н. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / В. Н. Горенинцева, Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, Ю. И. Родченко и др. – Томск: Изд-во ТГУ, 2016. – 252 с.

76. Ермолинский, Л. Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. / Л. Л. Ермолинский. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 134 с.

77. Жилиякова, Н. В. Жанры литературной критики «Сибирской газеты» / Н. В. Жилиякова // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики : в 2 ч. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – Ч. 1 : Лингвистика и литературоведение. – С. 90–93.

78. Жилиякова, Н. В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества / Н. В. Жилиякова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 290 с.

79. Жилиякова, Н. В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / Жилиякова Наталья Вениаминовна. – Томск, 2002. – 270 с.

80. Жилиякова, Н. В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания / Н. В. Жилиякова, В. В. Шевцов, Е. В. Евдокимова. – Томск : Издательство Томского университета, 2015. – 524 с.

81. Жуков, В. Георгий Андреевич Вяткин, кто он? / В. Жуков // Класс. – 2002. – Май (№10). – С. 2–5.

82. Зародова, Ю. П. Эпистолярное наследие Г.А. Вяткина в фондах института русской литературы (Пушкинский дом) / Ю. П. Зародова // Материалы научно – практической конференции «Литературное наследие Сибири». – Москва : 2007. – С. 56–62.

83. Кафанова, О. Б. Лирика Дж. Г. Байрона в русских переводах / О. Б. Кафанова, Е. А. Королева // Содержательная и дидактическая интеграция в образовательном процессе / под ред. В. А. Доманского. – Томск : Том. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 52–76.

84. Кафанова, О. Б. Трагедия Карла Гуцкова «Уриель Акоста» на томской сцене / О. Б. Кафанова // Сибирский текст в русской культуре. / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 2. — С. 165–174.

85. Киселев, В. С. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья первая) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2013. – №. 3 (23). – С. 63–79.

86. Киселев, В. С. Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в.: регионализм, этнографизм, политизация (статья вторая. «Необходимо снизойти под кровлю селянина...») / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2013. – №. 6 (26). – С. 61–77.

87. Косых, Е. Н. Сибирский вестник / Н. Е. Косых // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2004. – 438 с.
88. Крутовский, Вс. Периодическая печать в Томске / Вс. Крутовский // Город Томск. – Томск, 1912. – С. 281–309.
89. Куклина, Е. А. Летопись сибирской периодики. 1857–1916 гг. / Е. А. Куклина // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири / отв. ред. Л.П. Якимов. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 214–231.
90. Левин, Ю. Д. Восприятие творчества инонациональных писателей / Ю. Д. Левин // Историко-литературный процесс : проблемы и методы изучения. – Л. : Наука, 1974. – С. 237–273.
91. Лобачева, Д. В. Драмы Ф. Шиллера на сцене томского театра (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») / Д. В. Лобачева // Сибирский текст в русской культуре. – Томск, 2007. – С. 157–164.
92. Любимов, Л. С. История сибирской печати / Л. С. Любимов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – 78 с.
93. Макарова, Е. А. Литературно-издательская ситуация Томска рубежа XIX–XX вв. в контексте развития издательского дела в Сибири / Е. А. Макарова // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 2(11). – С. 110–130.
94. Макарова, Е. А. Литературные альманахи Сибири накануне революционных потрясений (1914–1917) / Е. А. Макарова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 6(38). – С. 169–182.
95. Макарова, Е. А. Формирование регионального литературно-художественного сборника в литературно-издательской ситуации Сибири конца XVIII – начала XIX века / Е. А. Макарова // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 21–29.
96. Малинов, А. В. Философия и идеология областничества / А. В. Малинов. – СПб. : Интерсоцис, 2012. – 128 с.
97. Мандрика, Ю. Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири / Ю. Л. Мандрика. – Тюмень : РИЦ ТГАКИ, 2007. – 103 с.

98. Никиенко, О. Немецкая библиотека в Томске / Сибирская старина. – Томск, 2006. – № 25. – С. 20–21.

99. Никонова, Н. Е. Иностранная литература современности в «Сибирском вестнике» конца XIX века на материале рецепции творчества Л. фон Захер-Мазоха / Н. Е. Никонова // Сибирский текст в русской культуре. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 190–195.

100. Никонова, Н. Е. // Перевод и переводчики в литературной периодике университетского Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. – Томск, 2018. – № 9. – С. 30–52.

101. Никонова, Н. Е. Переводы немецкой литературы и лирика Г. Гейне на страницах томской периодики рубежа XIX–XX вв. / Н. Е. Никонова // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры. – Тобольск, 2007. – С. 24–27.

102. Никонова, Н. Е. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, В. Н. Горенинцева и др. – Томск : Изд-во ТГУ, 2016. – 280 с.

103. Никонова, Н. Е. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия (учебно-практическое издание) / Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина, Д. А. Олицкая, В. Н. Горенинцева и др. – Томск: Изд-во ТГУ, 2016. – 204 с.

104. Никонова, Н. Е. Польская литература на страницах периодики Сибири 1880–1910 годов / Н. Е. Никонова // Сибирский филологический журнал. – 2018. – №1. – С. 119–133.

105. Олицкая, Д. А. Г. Зудерман в томской периодике рубежа XIX–XX вв.: литературно-театральный портрет / Д. А. Олицкая // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. – Томск, 2009. – С. 143–152.

106. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. / под ред. В. Г. Одинокова, Ю. С. Постнова. – Новосибирск : Наука, 1982. – Т. 1 : Дореволюционный период. – 605 с.

107. Потанин, Г. Н. Интеллигенция и печать Сибири / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. 1913. – 17 февраля. – С. 2.

108. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / под ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск : НТЛ, 2004. – 200 с.

109. Разумова, Н. Е. Герхарт Гауптман в восприятии томской критики рубежа XIX–XX вв. / Н. Е. Разумова, Ю. Ю. Власова, А. Ю. Карпова // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. – Томск, 2009. – С. 104–142.

110. Разумова, Н. Е. Комедии Герхарта Гауптмана в восприятии русской критики / Н. Е. Разумова, А. Ю. Карпова // Сибирский филологический журнал. – 2009. № 3. – С. 51–61.

111. Родченко, Ю. И. История первого томского театра (1850–1882 гг.) (на материале «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты») / Ю. И. Родченко // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 366. – С. 78–81.

112. Родченко, Ю. И. Особенности критической рецепции французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») / Ю. И. Родченко // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. – С. 158–177.

113. Родченко, Ю. И. Французская литература в томской периодике конца XIX – начала XX в.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Родченко Юлия Игоревна. – Томск, 2014. – 220 с.

114. Скворцов, Г. В. Долгоруков Всеволод Алексеевич / Г. В. Скворцов // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. – Томск, 2004. – С. 103.

115. Тихомирова, Ю. А. Псевдопереводы Г. А. Вяткина из Роберта Бернса / Ю. А. Тихомирова // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. – Т. 2. – Москва : Флинта, Наука, 2014. – С. 393–401.

116. Томск и томская земля в воспоминаниях советской эпохи: аннотированная библиография / сост. Н. М. Дмитриенко, Е. В. Мавшенко,

А. С. Сучков, и др. Науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 40 с.

117. Черневич П. Л. // Томский некрополь : списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001. – 214 с.

118. Чмыхало, Б. А. Критика «новейших течений» в сибирских изданиях начала XX в. / Б. А. Чмыхало // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири / отв. ред. Л. П. Якимов. Новосибирск : Наука, 1989. – С. 70–78.

119. Шевцов, В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири / В. В. Шевцов. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – 414 с.

120. Штерн, М. С. Стилевые искания Г. А. Вяткина-лирика / М. С. Штерн // Литературное наследие Сибири. – Омск : Русь, 2007. – С. 40–43.

121. Ядринцев, Н. М. Начало печати в Сибири / Н. М. Ядринцев // Литературный сборник. – СПб., 1885. – С. 35–406.

122. Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). – Красноярск, 1918. – 236 с.

123. Яковенко, А. В. Г. А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестн. Ом. ун-та. – № 2. – Омск: 2007. – С. 86–90.

Критические и литературоведческие труды

124. Алексеев, М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX вв.) / М. П. Алексеев // Литературное наследство. – М., 1989. – Т. 91. – 863 с.

125. Алексеев, П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века : концептосфера русского ориентализма : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Алексеев Павел Викторович. – Томск, 2015. – 420 с.

126. Беляев, Б. Н. Летопись Нижегородского-Горьковского театра, 1798–1960 / Б. Н. Беляев. – Волго-Вятское книжное изд-во, 1967. – 317 с.

127. Бердяев, Н. Декадентство и мистический реализм / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. – М. : Канон+, 1998. – С. 22–34.
128. Боярский, Я. О. Сто лет. Александринский театр-театр Госдрамы 1832–1932, 1931 / Я. О. Боярский. Москва : Наука, 2009. – С. 335.
129. Вольский, А. Л. Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» / А. Л. Вольский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 81. – 2008. – С. 43–57.
130. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – 2 изд., доп. / М. Л. Гаспаров. – М. : Фортуна Лимитед, 2000. – 214 с.
131. Гиждеу, С. П. Лирика Генриха Гейне / С. П. Гиждеу. – Москва: Худож. лит., 1983. – 238 с.
132. Дейч, А. И. Поэтический мир Генриха Гейне / А. И. Дейч. – Москва : Гослитиздат, 1963. – 447 с.
133. Европейская поэзия XIX века / Майрхофер И., Цедлиц И., Грильпарцер Ф. и др. – Москва: Художественная литература, 1977. – 928 с.
134. Егоров, Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стилль / Б. Ф. Егоров. – Л. : Советский писатель, 1980. – 316 с.
135. Есин, Б. И. Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1981. – 132 с.
136. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. – 86 с.
137. Есин, Б. И. Русская журналистика 70–80-х годов XIX века / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1963. – 189 с.
138. Жанры русской литературной критики 70–80-х годов XIX века / В. Н. Коновалов и др. – Казань : Изд-во Казан, ун-та, 1991. – 163 с.
139. Жеребин, А. И. Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература / А. И. Жеребин. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 265 с.

140. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение / В. М. Жирмунский. – Л., 1979. – 493 с.
141. Карасик, В. И. Поэтический псевдоперевод как лингвокультурный феномен / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж: 2011. – С. 114–125.
142. Ключ, Э. Ницше в России: Революция морального сознания. Пер.с англ. Л.В. Харченко. / Э. Ключ. – СПб.: Академический проект, 1999. – 213 с.
143. Козлов, В. И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории / В. И. Козлов – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С.33–79.
144. Кройчик, Л. Е. Провинциальная частная газета: Формирование концепции / Л. Е. Кройчик // Российская провинциальная частная газета / сост. Л. Е. Кройчик. – Тюмень : Мандр и Ка, 2004. – С. 3–20.
145. Левинтон, А. Г. Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / А. Г. Левинтон. – Москва: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1958. – 358 с.
146. Летенков, Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века / Э. В. Летенков. – Л. : Изд-во Ленинград, ун-та, 1988. – 173 с.
147. Малашонок, М. Г. Д. С. Мережковский как автор, представитель романтической школы и романтический герой / М. Г. Малашонок // Аналитика культурологии. 2008. № 12. – С. 211–216.
148. Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века / С. Я. Махонина. – М. : Флинта, 2008. – 367 с.
149. Махонина, С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914) / С. Я. Махонина. – М. : Изд-во Московского госуниверситета, 1991. – 205 с.
150. Никонова Н. Е. Подстрочный перевод: типология, функции и роль в межкультурной коммуникации / Н. Е. Никонова. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – 112 с.
151. Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX в. / под ред. А. Я. Альтшуллера. – Л. : Искусство, 1976. – 340 с.

152. Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX начало XX века / под ред. А. Я. Альтшуллера. – Л. : Искусство, 1979. – 325 с.
153. Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М. : Мысль, 1988. – 272 с.
154. Петровская, И. Ф. Театр и зритель провинциальной России / И. Ф. Петровская. – Л. : Искусство, 1979. – 247 с.
155. Преображенский, В. П. Фридрих Ницше. Критика морали альтруизма / В. П. Преображенский // Вопросы философии и психологии. – М., 1892. Год III, кн. 15. – С. 115–160.
156. Пронин, В. А. Поэзия Генриха Гейне. Генезис и рецепция / В. А. Пронин. – Москва: Флинта, 2010. – 315 с.
157. Протопопов, М. А. Мотивы русской критики / М. А. Протопопов // Северный Вестник. – 1890. – № 3, отд. 2. – С. 22–41.
158. Пугина, О. В. Традиции народной смеховой культуры в «Романсеро» Генриха Гейне. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Пугина Оксана Васильевна. – Нижний Новгород : КГПУ, 1998. – 25 с.
159. Свасьян, К. А. Ф. Ницше: мученик познания / К. А. Свасьян // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990. – С. 115–121.
160. Серебренников, Н. В. Литературная критика: областническая, религиозно-философская / Н. В. Серебренников. – Томск, 2002. – 56 с.
161. Синеокая, Ю. В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.) : дисс. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. / Синеокая Юлия Вадимовна. – Москва, 2009. – 215 с.
162. Стадников, Г. В. Генрих Гейне (биография писателя) / Г. В. Стадников – Москва: Просвещение, 1984. – 127 с.
163. Толстгузова, Е. В. Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 3 (7). С. 5–17.

164. Томан, И. Б. Переводчик И. С.Тургенева – Фридрих Боденштедт / И. Б. Томан // Тургеневские чтения сборник материалов международной конференции. Москва, 11–13 ноября 1998 г. – Москва: Государственный литературный музей, 1998. – С. 95–106.

165. Троцкий, Л. Проблемы культуры. Культура старого мира / Л. Троцкий // Сочинения. – Москва-Ленинград, 1926. – Т. 20.

166. Трубецкой, Е. Философия Ницше / Е. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1903. – № 69. – С. 34–57.

167. Федоров, А. Русский Гейне / А. Федоров // Русская поэзия XX в. – Ленинград, 1929. – 305 с.

168. Фомина, З. Е. Прологомены «Веселой науки» Фридриха Ницше и специфика их метафорической категоризации / З. Фомина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. № 3 (27). – С. 32–49.

169. Хорев, В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей / В. А. Хорев // Поляки и русские в глазах друг друга. – Москва : Индрик, 2000. – С. 22–32.

170. Шарафадина, К. И. «Алфавит флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). – СПб.: Петербургский ин-т Печати, 2003. – 314 с.

171. Щеголев, П. Е. Лермонтов: воспоминания, письма, дневники / П. Е. Щеголев. – Москва: Директ-Медиа, 2016. – 871 с.

172. Bartels, A. Geschichte der deutschen Literatur / A. Bartels. – Berlin, 1902. – Bd 2. – 304 S.

173. Bahr, H. Ausgewählte Werke von Hermann Bahr: Expressionismus (Essay), Die Hexe Drut und Dostojewski (Essay) / H. Bahr. – Musaicum Books, 2017. – 525 s.

174. Bayram, A. Fridrix Bodenstedtin Mirza Safi Vazeh haqqinda xatiralari / A. Bayram. – Baki: Nurlan, 2008. – 245 p.

175. Benay, J. Hermann Bahr - für eine andere Moderne / J. Benay, A. Pfabigan. – Peter Lang, 2004. – 355 S.
176. Berman, A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. – 1990. № 4. – P. 1–8.
177. Bernhard, O. Gestalt und Geschichte Savonarolas in der deutschsprachigen Literatur. Von der Frühen Neuzeit bis zur Gegenwart / O. Bernhard. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2016. – 187 S.
178. Blank, Ch. S.Liebe und Sexualität in Arthur Schnitzlers Drama “Liebelei” / Ch. Blank. – GRIN Verlag, 2009. – P. 4.
179. Breckner, E. W. Hermann Bahr and the Quest for Culture: A Critique of His Essays / E. W. Breckner – University of Wisconsin, 1978. – 351 p.
180. Cardullo, B. German-Language Comedy. A critical Anthology / B. Cardullo. – Selinsgrove, 1992. – 346 p.
181. Daviau, D. G. Understanding Hermann Bahr / D. G. Daviau. – Röhrig, 2002. – 500 p.
182. Diethelm, B. Orient und orientalische Literaturen. In: Werner Kohlschmidt, Wolfgang Mohr (Hrsg.): Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte / B. Diethelm. – Berlin. 1965. – Bd. 2. – S. 816–869.
183. Duhamel, R. Dichter im Spiegel. Über Metaliteratur / R. Duhamel. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 2001. – 255 S.
184. Elschenbroich, A. Hoffmann von Fallersleben, Heinrich // Neue Deutsche Biographie. – Berlin, 1972. – Bd. 9. – S. 421–423.
185. Henderson, F. Expressionism by Hermann Bahr. Translated by B. T. Gribble / F. Henderson. – London, 1925. – 116 p.
186. Ammann, L. Östliche Spiegel // Ansichten vom Orient im Zeitalter seiner Entdeckung durch den deutschen Leser, 1800–1850. Hildesheim u. a. 1989. – S. 17 und S. 128–133.
187. Puttkammer, J. Mecklenburg-Vorpommern – 100 berühmte Köpfe / J. Puttkammer. – Erfurt, 2011. – 213 p.

188. Rappich, H. Fr. Bodenstedt's literarische Beziehungen zu Russland // Zeitschrift für Slawistik. – 1963. – Bd. 8. – H. 4. – S. 582–594.

189. Urbach, R. Schnitzler Kommentar. Zu den erzählenden Schriften und dramatischen Werken / R. Urbach. – Munich: Winkler, 1974. – P. 22.

190. Schenk, G. Friedrich von Bodenstedt, ein Dichterleben in seinen Briefen (1850-1892). – Berlin: G. Schenck, 1893. – 249 S.

191. Schmaus, M. Eine Poetologie des Selbst/Mordes. «Über die Zeit schreiben»: literature- und kulturwissenschaftliche Essays zu Ingeborg Bachmanns Todesarten-Projekt / M. Schmaus, M. Albrecht / D. Gottsche (Hrsg.). – Würzburg : Königshausen und Neumann, 1998. – 410 p.

192. Stark, G. D. Banned in Berlin. Literary censorship in Imperial Germany, 1871–1918 / G.D. Stark. – New York, Oxford, 2012. – 175 p.

193. Whittaker, G. Überbürdung – Subversion – Ermächtigung. Die Schule und die literarische Moderne 1880–1918 / G. Whittaker. – Göttingen, 2012. – 301 p.

Словари и энциклопедии

194. Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – Москва: издательство «Советская энциклопедия», 1981. – 784 с.

195. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – 16 изд., исправл. – М.: Русский язык, 1984. – 486 с.

196. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 82 т. СПб, 1895. – Т. XV. – 512 с.

Электронные ресурсы

197. Боневская, Н. К. Русский Ницше [Электронный ресурс] // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?id=788&option=com_content&task=view. (дата обращения: 20.02.2016 г.).

198. Ницше, Ф. Веселая наука («la gaya scienza») [Электронный ресурс] // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> (дата обращения: 04.02.2016 г.)

199. Немшилова, З. «Наше счастье – в кочующих звуках...» [Электронный ресурс] // Газета Республика. 26 января 2013 г. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/56224> (дата обращения: 26.01.2016 г.).

200. Синеокая, Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение [Электронный ресурс] // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/ideas/> (дата обращения: 04.02.2016 г.).

201. Смольянинов, А. Е. Мой Ницше. Хроники интерпретирующего пилигрима. (Рецепция Ницше сквозь призму личного восприятия) [Электронный ресурс] // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/smolianinov/> (дата обращения: 04.02.2016г.).

202. Aizikova, Irina. The concept of "other" and the problem of tolerance in the Russian public discourse on migration to Siberia in the 1850-1890's (based on publicistic materials) [Electronic resource] / I. Aizikova, I. A. Matveenko // SHS Web of Conferences. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. – Vol. 28 : Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). URL: <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801004><http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33097> (Access date: 03.15.2017).

203. Hermann, Bahr. Österreichischer Kritiker europäischer Avantgarden [Electronic resource]. – URL: <http://www.univie.ac.at/bahr/node/38716> (Access date: 24.01.2018).

204. Nietzsche, F. Die fröhliche Wissenschaft) [Electronic resource] // «la gaya scienza». URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/nietz/nietz11g.htm>. (Access date: 26.01.2016)

Приложение А

Немецкая литература в периодике Сибири: библиография

Сибирский вестник, Томск, 1885–1905

Переводы (Фельетон Сибирского вестника)

1. Вести из Германии. Гейне. Литературные новости // 1886. – № 2.
2. Работнику (Из Бюргера). // № 92. Подпись: Л. Ленин
3. Юванич-Тунзу. Ф.К. (С немецкого) // 1891. – № 74, 78. Подпись: Н. К.
4. На санях Захер-Мазоха (с немецкого) // 1892. – № 1. Подпись: Кузнечик
5. Ты видишь, я играю в шахматы. Новелла Германа Уде (с немецкого) // 1892. – № 14 пр. Подпись: Н. Ковалев
6. У моря. Из записок доктора Лионгарта (с немецкого) <С предисловием из Гейне> // 1892. – № 15пр, 17пр, 18пр, 20пр, 22пр, 23пр, 28пр. Подпись: Н.К.
7. «Портрет» Рассказ Р.Е. Ариге (с немецкого) // 1892. – № 82пр, 88пр. Подпись: Кузнечик
8. Зимние песни. Из Ленау // Сибирский вестник. – 1892. – № 146.
9. Вальс (Этюд). <Эпиграф из Гейне> // 1893. – № 14. Подпись: Клементовский
10. К моей гитаре (Из Ленауских мотивов) // 1893. – № 31. Подпись: П.Ч.
11. Свадьба по любви (Эпизод из дней венского конгресса) (перевод) // 1893. – № 54. Подпись: Каве.
12. Беладонна (с немецкого) Georg Asmus «Freya» // 1893. – № 58. Подпись: Чернч
13. Курьер первого разряда (Рассказ Альберта Рода) Перевод // 1893. – № 60. Подпись: Каве.
14. Просьба матери, рассказ прусского офицера. С немецкого. «Freya» // 1893. – № 67. Подпись: Чернч.
15. Между жизнью и смертью. Феликса Лилля (с немецкого) // 1893. – № 67пр. Подпись: Кузнечик
16. Мина. С немецкого. Adolf Schulze // 1893. – № 79. Подпись: Чернч.

17. В петербургской каменоломне. Валентина Ферна (С немецкого) // 1893. – № 96рг. Подпись: Кузнечик
18. Ожидание. Leo Reisner (Перевод) // 1893. – № 97. Подпись: Чернч
19. Первая и последняя. С немецкого // 1893. – № 108. Подпись: Чернч.
20. Agnus dei (с немецкого) // 1893. – № 127. Подпись: Чернч.
21. Из Гете // 1893. – № 139. Подпись: Ив. С-ный.
22. Зимняя сказка. Рождественский рассказ (с немецкого) // 1893. – № 150. Подпись: Чернч.
23. О переводах Гейне Д.И. Писарева. Между прочим // 1894. – № 10рг. – С. 2. Подпись: И.Л.
24. Истомленные дети (с немецкого) // 1894. – № 15. Подпись: И.Л.
25. Мистицизм и спиритизм <Эпиграф из Гете> // 1894. – № 22. Подпись: Чернч.
26. Поход общества трезвости (С немецкого) // 1894. – № 61. Подпись: Z
27. Идиллия J. Reibach (Перевод) // 1894. – № 70. Подпись: I.
28. Военные воспоминания. Новелла баронессы Суттнер. (Перевод) // 1894. – № 92. Подпись: П.
29. Подражание Гейне // Сибирский вестник. – 1894. – № 107. Подпись: Иван Северный
30. Как любят женщины (Макса Нордау. Перевод) // 1894. – № 147. Подпись: Перевел А. С-ский
31. Загадочная история (с немецкого) // 1894. – № 150. Подпись: И. Волгин
32. Превращение. Рассказ Г. Зудермана (с немецкого) // 1895. – № 15. Подпись: N.
33. Асра. Из Гейне // 1895. – № 41. – С. 7. Подпись: Иван Северный
34. Кто наш ближний (с немецкого) // 1895. – № 42рг. Подпись: Ф-в.
35. Мат через шесть ходов (с немецкого) // 1895. – № 48рг. Подпись: P.C.
36. Кто победил? (с немецкого) // 1895. – № 52. Подпись: Федоров
37. Богомольцы (Wallfahrt nach Keviaar). Гейне // 1895. – № 58.

38. Гениальность или сумасшествие? Рассказ (Перевод с немецкого) // 1895. – № 73. Подпись: Р.С.
39. Барабанный бой. Рассказ Heinz'a Tovote (Перевод с немецкого) // 1895. – № 87. Подпись: П.Л.
40. Он вдруг вспомнил. Рассказ I.H. Маскау*) (очерк). // 1895. – № 100pr. – С. 1. Подпись: П.
41. Наказ. Из Гейне // Сибирский вестник. – 1895. – № 107. Подпись: Иван Северный
42. Мелинда. Рассказ W.L. Alden'a (перевод с немецкого) // 1895. – № 174. Подпись: П.Л.
43. Тайны взгляда <стихотворение Боденштедта> // 1896. – № 4. Подпись: П.Ч.
44. Лилии. Элегии в прозе В. Новалис / Маленький фельетон // 1896. – № 40. Подпись: Перевел Иван Северный
45. Из песен сердца <Эпиграф из Гейне> // 1896. – № 19. Подпись: Иван Северный
46. Моим врагам. Из М.Ю. Лермонтова // 1896. – № 71. Подпись: Иван Северный
47. На волю! Из М.Ю. Лермонтова // 1896. – № 76. Подпись: Иван Северный
48. На родине (перевод с немецкого) // 1896. – № 124. Подпись: Х.
49. Разбитые мечты (с немецкого) // 1896. – № 131. Подпись: Х.
50. Суеверие (с немецкого) // 1896. – № 155. Подпись: Х.
51. Подтяжки (с немецкого) // 1896. – № 157. Подпись: Х.
52. Мисс Вильс (с немецкого) // 1896. – № 159. Подпись: Х.
53. Замок Жиральди (с немецкого) // 1896. – № 179. Подпись: Z.
54. Мой друг Иорган (с немецкого) // 1896. – № 249. Подпись: П.
55. Как они любят Рассказ Макса Нордау (Перевод) // 1896. – № 279. Подпись: П.Л.
56. Первая любовь (с немецкого). // 1897. – № 27. Подпись: Х.

57. Приключения молодого эмигранта (с немецкого) // 1898. – № 128.
Подпись: Х.
58. Из-за ордена. С нем. // 1898. – № 203. Подпись: М. Пр-с
59. Трубка табаку. Эпизод из истории Гейдельбергского Университета А. Бертольда (перевод с немецкого) // 1898. – № 243, 245. Подпись: М. Пр-с
60. Жан-Жак Руссо и дог (перевод с немецкого) // 1898. – № 266. Подпись: М. Пр-с
61. Искушение. Рассказ Гекера (перевод с немецкого). // 1898. – № 273, 275.
Подпись: С-ый
62. Жестокий приговор (с немецкого). // 1899. – № 43. Подпись: О..е
63. Посредничество в любви. Ковеллетта Генриха Фогеля (перевод с немецкого) // 1899. – № 59, 60. Подпись: М. Пр-с
64. Из страны чудес (Картины нравов) с немецкого. // 1899. – № 63.
Подпись: О. К-я
65. Пощечина (Рассказ, перевод с немецкого. // 1899. – № 181.
66. Черные ангелы. Рассказ Жерарда Боэра (с немецкого). // 1899. – № 185.
Подпись: М. Пр-с.
67. Первые резиновые галоши (Рассказ Феликса Тилля, перевод с немецкого) // 1899. – № 191, 192. Подпись: М.П-с.
68. Все должны работать (с немецкого) // 1899. – № 219. Подпись: М.Пр-с.
69. Последняя борьба. Рассказ (Перевод с немецкого) // 1899. – № 223. – С. 2. Подпись: О.К.
70. Мимоходом. Леопольда Якобсона (с немецкого) // 1899. – № 242. – С. 2.
Подпись: М.Пр-с.
71. Бедный малый. Генри Вейнделя. Перевод с немецкого. Берлин, 5 ноября, 1899 // 1899. – № 248. Подпись: М. Пр-с.
72. Тень. Гольмара Сёдерберга из шведской жизни (Перевод с немецкого) // 1899. – № 252. Подпись: М. Пр-с.
73. Шуба. Гольмара Сёдерберга из шведской жизни (Перевод с немецкого) // 1899. – № 253. Подпись: М. Пр-с.

74. На Шлакенберг (с немецкого) // Сибирский вестник. – 1899. – № 263.
Подпись: М. Пр-с.
75. По американски. Шарля Блюнта (с немецкого) // 1899. – № 265. – С. 2.
Подпись: М. Пр-с.
76. Так водится на свете (Новелла с немецкого) Е.Л. Камерона // 1899. – № 269. Подпись: М. Пр-с.
77. Добрый отец. Из французского быта ковалетта Вильгельма Таили (Перевод с немецкого) // 1899. – № 274. Подпись: М. Пр-с.
78. Десятый стул. Очерк из жизни артиста Генриха Лее. Перевод с немецкого // 1899. – № 277. Подпись: М. Пр-с.
79. Сказка о трех братьях, изучавших философию. П. Розенберга, с немецкого // 1899. – № 283. Подпись: М. Пр-с.
80. На жизнь и на смерть. Эскиз Г. Макази (Перевод с немецкого) // 1899. – № 286. Подпись: М. Пр-с.
81. Возвращение (Перевод с немецкого) // 1900. Подпись: М. Пр-с.
82. Чем мы живы. <Эпиграф из Гете> // 1900. – № 6.
83. Картинки (перевод с немецкого) // 1900. – № 16. Подпись: М. Пр-с
84. Очерки. Самое важное. Дочки. (с немецкого) // 1900. – № 17. Подпись:
М. Пр-с
85. Привычка министра (Исторический рассказ) (Перевод с немецкого) // 1900. – № 21. Подпись: О. К-ая.
86. Барон Фриц (с немецкого) // 1900. – № 23. Подпись: О. К-ая
87. Кошачья ферма! (с немецкого) // 1900. – № 26. Подпись: О. К-ая
88. Кошачья ферма (окончание) // 1900. – № 27. Подпись: О. К-ая
89. Только один эпизод (Перевод с немецкого) // 1900. – № 44, 46. Подпись:
О. К-ая
90. Фельетон «Сибирского вестника» // 1900. – № 79. Подпись: М. Пр-с
91. Возвращение Петра Сольберга. Петра Эггэ (Перевод с немецкого) // 1900. – № 89. Подпись: М. Пр-с

92. Стихоплет на всякий случай. Перевод с немецкого // 1900. – № 93.
Подпись: О. К-ая
93. Негодный чепец (перевод с немецкого) // 1900. – № 122. Подпись: О. К-ая
94. Лишенные пристанища. С нем. // 1900. – № 124. Подпись: А. З-с
95. Две женщины. Рассказ Иская. Перевод с немецкого // 1900. – № 165, 168.
Подпись: О. К-ая
96. Модель. Перевод с немецкого // 1900. – № 170.
97. Беренд-Вершнер. Спинная сухотка // 1900. – № 274. Подпись: О. К-ая
98. Рождественская звезда (перевод с немецкого) // 1900. – № 283. – С. 2.
Подпись: О. К-ая
99. Нарушенная встреча Нового года // 1900. – № 286. Подпись: О. К-ая
100. Апельсинные корки (с немецкого) // 1901. – № 11. Подпись: О. К-ая
101. Gis-moll-fantazie Impromptu (перевод с немецкого). Рассказ Лейдена // 1901. – № 31. Подпись: О. К-ая
102. Сметливая юность (перевод с немецкого) // 1901. – № 96, 102.
Подпись: О. К-ая
103. Первый урок. Карл Браун // 1901. – № 126. Подпись: О. К-ская
104. Превосходный тесть. С нем. // 1901. – № 147.
105. Волки (Из воспоминаний одного инженера). Карл Паули // 1901. – № 184. Подпись: О. К-ая
106. Преданность бура. (Биндера. Перевод с немецкого. Посвящается Р-к и Ф-берт) // 1901. – № 190. Подпись: Я. Ф.
107. Жених. Юмористический рассказ Н.Д. Борум (перевод с немецкого О.Д.) // 1901. – № 199.
108. Кондуктор (перевод с немецкого) // Сибирский вестник. – 1901. – № 218. Подпись: О. К-ая
109. Фиалковая война. Исторический рассказ Галсека. Перевод с немецкого // 1901. – № 243. Подпись: О. К-ая

110. Кубок. Карл Паули (перевод с немецкого) // 1901. – № 257. Подпись:
О. К-ая
111. Счастье (перевод с немецкого) // 1901. – № 263 (6 декабря). Подпись:
О. К-ская
112. На лестнице (Из рассказов О. Блюменталю) // 1901. – № 265. Подпись:
Б.
113. Слова (Из рассказов Оскара Блюменталю) // 1901. – № 271. Подпись:
М.Б.
114. Вилла «Дорнрезхен» (Штейермаера) // 1901. – № 274. Подпись: О. К-ая
115. Ортман Р. Геройский подвиг Руди // 1901. – № 277. Подпись: О. К-ая;
116. Рождественские картинки (Перевод с немецкого) // 1901. – № 277.
Подпись: О. К-ая.
117. Художник. Г. Сенхевича (По немецкому тексту). 1901. – № 277.
Подпись: М.Б.
118. Варен. Лихорадка на женитьбу в Портланде // 1902. – №3. Подпись: О.
К-ая;
119. Справедливость. Картинки из китайских нравов (перевод с немецкого)
// 1902. – № 10. Подпись: О. К-ская
120. Рейбрах. Гипноз // 1902. – № 28. Подпись: О. К-кая
121. Гаузер О. Дина // 1902. – № 40. Подпись: О. К-кая
122. Тетя «Фон» (перевод с немецкого) // 1902. – № 54. Подпись: О. К-кая
123. Не введи нас во искушение. Из воспоминаний моряка. В. Феддерсен //
1902. – № 54. Подпись: О. К-кая
124. Гирсбергер. Пасхальный день // 1902. – № 83.. Подпись: О. К-кая
125. В зеленой карете (Франц Вихман) // 1902. – № 86. Подпись: О. К-ая
126. Гудман. Приключения криминального романиста. пер. с нем. // 1902. –
№ 141. Подпись: О. К-кая
127. Оригинал (с немецкого) // 1902. – № 165, 166. Подпись: О. К-ая
128. «Дорогое» знакомство. (Перевод, соч. Курц-Элегейм) // 1902. – № 183.
Подпись: О. К-ская

129. Халиф и стихотворец. Восточная легенда. Род-Род. Маленький фельетон // 1902. – № 197.

130. Путь кончен. (Рассказ Ганса Оствальда) // 1902. – № 257. Подпись: (Рус.вед)

131. Судьба. Ганна Брандельсфельс (Перевод с немецкого для «Сиб. вестника») // 1902. – № 273. Подпись: О. К-ая

132. Ангел хранитель. Рождественский рассказ. Перевод с немецкого Гримм // 1902. – № 278. Подпись: О. К-ая

133. Рождественский бал подзнаменем. Перевод с немецкого Морец Лили // 1902. – № 279. Подпись: О. К-ая

134. Счастье. Рассказ Артура Толерто (Пер. с немецкого) / Маленький фельетон // 1903. – № 57. Подпись: «Южн. Об».

135. После 17 лет (Перевод с немецкого) Клаус Ритланд // 1903. – № 76. Подпись: О. К-ая

136. Голодный год. Феликса Лилла // 1903. – № 79,80,81. Подпись: О. К-ская

137. Поденщица. Клары Фибиг // 1903. – № 83. Подпись: (Сев. кр).

138. Осужден. Очерк Германа Штера (Пер. с немецкого Е. Белах) // 1903. – №№ 89–90. Подпись: «Курьер»

139. Только не романтично. (Сказка) Евгений Лирш. (Перевод с немецкого) // 1903. – № 98. Подпись: О. К-ская

140. Несносный. Лотар Бреннендорф (Перевод с немецкого) // 1903. – № 99. Подпись: О. К-ская

141. Опасная езда (Перевод с немецкого) Оскар Дамм // 1903. – № 100, 101, 102. Подпись: О. К-ская

142. Мечты. Елизаветы Линдеммонн-Куснер // 1903. – № 104. Подпись: (Донск. Речь)

143. Высшее счастье. Эрнст Клаусен (Перевод с немецкого) / Маленький фельетон // 1903. – № 125, 127. – С. 3. Подпись: О. К-ая

144. Эпизод из жизни артиста Айра-Ольридже. Феликс Лилла // 1903. – № 133. Подпись: О. К-ская

145. Уже и Только (перев. с немецкого. для «Сиб. Вестника») // 1903. – № 210. Подпись: Г.
146. Стыд (с немецкого) // 1903. – № 249. Подпись: Р. Д-р «Днепр. Вест.»
147. На мотив Гейне // 1903. – № 264. Подпись: Quiddam
148. Вторая молодость. Д. Визепа (Перев. с немец. для «Сиб. Вестн.»)// 1904. – № 208. Подпись: Пер. М.Ш.
149. Сказка о Неке. Мордтман (Перевод с немецкого для «Сиб.Вестн.») // 1904. – № 265. Подпись: Перевела **
150. Из Гейне // 1904. – № 271. Подпись: Г. Вяткин
151. Праздничная идиллия А. Мордтмана // 1905. – № 14. Подпись: Перевела **
152. Тьен-ци-ланг. Новелла Пу-ссунг-лингга (перевод с немецкого для «Сиб. Вестн.») // 1905. – № 37. Подпись: Перевела Р. Ш-ая
153. Из Роберта Прутца // 1905. – № 57. Подпись: Г. Вяткин
154. Предопределение (Перевод с немецкого для СВ) // 1905. – № 53. Подпись: М-н
155. Ночь в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера (Перевод с немецкого для СВ) // 1905. – № 70. Подпись: Перевел М-н
156. Из вечерних песен (на мотив Гейне). Маленький фельетон // 1905. – № 97 – С. 2. Подпись: Г. В-ин
157. Из Фридриха Боденштедта (Перевод с немецкого) // 1905. – № 145. Подпись: Г. Вяткин
158. Столп. Эскиз Альфреда Гедест-рна (Перевод с немецкого для «Сиб. Вестн.») // 1905. – № 154. Подпись: Перевел Р. М-н
159. Пятьсот франков. Маргариты фон Гертцен (С немецкого для «Сиб. Вестн.») // 1905. – № 181.

Критика

1. Захер-Мазох <об одном из его сочинений> // Очерки заграничной жизни / 1887. – № 4.

2. Литературная беседа <о речи лингвиста М. Мюллера к вопросу о мировой литературе и Гете> // 1887. – № 28. Подпись: А.Л.
3. Заграничная жизнь <о «Книге знаменитых дуэлей» автора Адольфа Когута> // 1888. № 76. Подпись: А.А.
4. Заграничная жизнь. Литературная шутка («Фауста» написал не Гете, а Лессинг) // 1889. № 28.
5. Мир и война (К минувшему конгрессу мира в Риме, «Против войны» Б. ф. Суттнер) // 1891. – № 147. Подпись: И.Д.
6. Литературная беседа <Общественная жизнь глазами Ламброзо и Нордау> // 1893. – № 30.
7. Очерки заграничной жизни <Современное положение германской литературы и причины ее упадка> // 1893. – № 38. Подпись: К. В-ков
8. Эгоизм по Нордау. Литературное обозрение // 1894. – № 115.
9. Очерки заграничной жизни (о книге Ницше «Анархист») // 1895. – № 27. Подпись: П.Ч.
10. Захер-Мазох. Некролог // 1895. – № 32.
11. Мистицизм и литература (По Ферреро) <Упоминается Нордау> // 1895. – № 43. Подпись: П.Ч.
12. Густав Фрейтаг. Некролог / Очерки заграничной жизни // 1895. – № 71. – С. 3. Подпись: П.Л.
13. Франц Зуппе. Некролог / Очерки заграничной жизни // 1895. – № 91.
14. Проповедь безумца. Будьте радостны и веселы, как я. Фр. Ницше // 1895. – № 151. Подпись: П.Ч.
15. Рентгеновские лучи и оккультизм // 1896. – № 56. Подпись: П.Ч.
16. «Современная Ева». Статья, упоминание Нордау // 1896. – № 271. Подпись: П.Ч.
17. Арабески. Судьба Сибири (упоминаются Гете, Гейне) // 1898. – № 35. Подпись: Ив. Северный
18. Арабески. Заслуга и роль прессы (упоминается Гете) // 1898. – № 92. Подпись: Ив. Северный

19. «Что такое литературный классицизм» (Упомянуты Гете, Шиллер) // 1899. – № 118.

20. Среди газет и журналов <Заметка об экономическом и социальном положении Германии. Приводится высказывание Шиллера: „Das alte stürzt; es ändert sich die Zeit. Und neues Leben blüt aus den Ruinen...“> // 1899. – № 188.
Подпись: В. Дол-ков

21. Мораль Фридриха Ницше и преступность. Эскиз // 1900. – № 216, 218.
Подпись: Р.Л. Вейсман.

22. Немного о «Фаусте» Гете / Среди газет и журналов // 1901. – № 160.

23. Толстой о романе В. фон Поленца / Среди газет и журналов // 1902. – № 49, 97.

24. Томский Фауст. Драмат. Отрывок, соч. Негете / Маленький фельетон // 1902. – № 134. Подпись: Дядя Артем

25. М. Нордау о русских писателях и о себе / Фельетон «Сибирского вестника» // 1902. – № 170.

26. Макс Нордау о преступности // 1902. – № 262. Подпись: «Нов.»

27. Как возник «Вильгельм Тель» Шиллера / Столетний юбилей // 1904. – № 78. Подпись: Е.В. Фукс

28. По поводу истекшего столетия со дня смерти Канта // 1904. – № 93.
Подпись: Гр. Жр.

Театр и музыка

1. Гуцков. Уриель Акоста // 1885. – № 20.

2. Ф. Шиллер. Коварство и любовь // 1887. – № 114.

3. Ф. Шиллер. Разбойники // 1887. – № 120.

4. Брахфогель. Нарцисс-Рамо или Правительница Франции, маркиза помпадур // 1887. – № 137.

5. Ф. Шиллер. Орлеанская дева // 1887. – № 146.

6. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1888. – № 22. – Подпись: Неизменный театрал

7. Волшебный стрелок. Вебер // 1889. – № 44.

8. Ф. Зуппе. Оперетка «Фатиница» // 1889. – № 141. – Подпись: Неизменный театрал
9. Ф. Шиллера. Разбойники // 1889. – № 148. – Подпись: Неизменный театрал
10. Г. Зудерман. Конец Содома // 1890. – № 143.
11. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1891. – № 20.
12. Два гренадера. Слова Гейне, музыка Шумана // 1891. – № 104. – Подпись: Неизменный театрал
13. Оперетта «Легкая кавалерия» (музыка Франца Зуппе) // 1891. – № 115. – Подпись: Неизменный театрал
14. К. Гуцков. Уриель Акоста / Театр и музыка // 1891. – № 127. – Подпись: Неизменный театрал
15. Бедный Ионафан. Оперетка Карла Миллёкера // 1891. – № 139. – Подпись: Неизменный театрал
16. Ф. Шиллер. Дон Карлос / Местная хроника // 1892. – № 12, 15
17. Г. Зудерман. Честь // 1892. – № 106.
18. Ф. Шиллер. Коварство и любовь // 1893. – № 122.
19. Честь. Г. Зудермана // 1893. – № 130.
20. Ф. Шиллер. Разбойники // 1893. – № 133.
21. Честь. Г. Зудермана // 1893. – № 139.
22. К. Гуцков. Уриель Акоста // 1894. – № 13.
23. Г. Зудерман. Гибель Содома // 1894. – № 22.
24. Очерки заграничной жизни (о Г. Гауптмане) // 1895. – № 27. Подпись: П.Ч.
25. Ф. Шиллер. Разбойники // 1895. – № 118.
26. Ева. Драма Фосса // 1895. – № 130. Подпись: Ив. Северный
27. Циганка Занда. Драма Гангофера и Бросинера // 1896. – № 16. Подпись: Ив. Сев.
28. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1896. – № 215.
29. Ф. Шиллер. Разбойники // 1896. – № 241.

30. Г. Зудерман. Гибель Содома // 1896. – № 257.
31. К. Гуцков. Уриель Акоста // 1896. – № 271.
32. Честь. Г. Зудермана // 1896. – № 277.
33. Ф. Шиллер «Разбойники», К. Гуцков «Уриель Акоста» // 1898. – № 76.
34. Коварство и любовь. Ф. Шиллер // 1898. – № 135, 255.
35. Коварство и любовь. Ф. Шиллер // 1898. – № 242. Подпись: Вс. Долг-ков
36. Честь. Комедия Зудермана // 1898. – № 242. Подпись: Всеv. Долг-ков
37. Золотая Ева // 1898. – № 259.
38. Чужой грех. Р. Фосс // 1898. – № 252.
39. Последний гость. С немецкого / Театр и музыка// 1899. – № 16. Подпись: Всеv. Долг-ков
40. Драма Сарду и «Аполон Бельведерский» с немецкого // 1899. – № 20. Подпись: Всеv. Долг-ков
41. «Фауст» Гете <библиографич. заметка> / Театр и музыка// 1899. – № 22.
42. Трагедия Гуцкова «Уриэль Акоста» в переводе П.Вейнберга // 1899. – № 23. Подпись: Всеv. Долг-ков
43. Герхард Гауптман. Потонувший колокол // 1899. – № 26, 27. Подпись: Всеv. Дол-гов
44. Чем мы живы <К постановке на сцене театра Королева «Потонувшего колокола»> // 1899. – № 30. Подпись: Невидимка
45. Комедия Фульда «Декаденты» // 1899. – № 41. Подпись: Всеv. Дол-ков
46. Драма «Ева» немецкого писателя Фосса в переводе Мансфельда // 1899. – № 47. Подпись: Всеv. Дол-ков
47. Опера «Гугеноты» Мейербера // 1899. – № 250. Подпись: Вс. Дол-ков
48. Натурщица. Оперетка Зуппе // 1899. – № 265. Подпись: Вс. Дол-ков
49. Гибель Содома. Г. Зудерман // 1900. – № 180. Подпись: Идилия
50. «Наша публика не воспитана на полутонах Гауптмана и пьесах Настроения Зудермана» / Театр и музыка// 1900. – № 212.
51. А. Шнитцлер. Забава / Театр и музыка// 1900. – № 221.

52. Г. Гауптман. Возчик Геншель // 1900. – № 230.
53. Т. Герцль. В новом гетто // 1900. – № 231.
54. «Уриэль Акоста» – герой истины // 1900. – № 244. Подпись: Эхов
55. Нордау М. Право любить // 1900. – № 268.
56. Больные люди, драма Гауптмана // 1901. – № 1. Подпись: W.
57. Огни Ивановой ночи. Г. Зудерман // 1901. – № 12.
58. Родина, драма Зудермана // 1901. – № 21. Подпись: W.
59. Одинокие. Драма Г. Гауптмана // 1901. – № 23. Подпись: Г.П.
60. Юбилей «Орлеанской Девы» Шиллера // 1901. – № 204.
61. Г. Зудерман. Родина // 1901. – № 215.
62. Банкир Даниэлли. Пьеса с немецкого / Театр и музыка// 1901. – № 217.
Подпись: Неизменный театрал.
63. Ф. Шиллер. Коварство и Любовь // 1901. – № 220.
64. К. Гуцков. Уриэль Акоста // 1901. – № 226. Подпись: Неизменный театрал.
65. Эрнст О. В борьбе с рутинной (воспитатель Флакман) // 1902. – № 3.
66. Нищие студенты. Оперетка К. Миллекера // 1902. – № 76. Подпись: Неизменный театрал
67. Г. Зудерман. Родина // 1902. – № 104. Подпись: Неизменный театрал
68. Скончался живописец Марсаль, с которого Гауптман писал своего профессора Крамптона // 1902. – № 173.
69. Огни Ивановой ночи. Г. Зудерман // 1902. – № 174. Подпись: Ми.
70. Der Sturmgesele Sokrates. Зудермана // 1902. – № 179.
71. <О Рихарде Вагнере> // 1902. – № 180.
72. Бой бабочек. Комедия Зудермана // 1902. – № 228. Подпись: Неизменный театрал
73. Потонувший колокол. Драма Гауптмана. // 1902. – № 238. Подпись: И. Ольгин
74. Ф. Шиллер «Мария Стюарт», К. Гуцков «Уриэль Акоста» // 1902. – № 262.

75. Новая драма Гауптмана. Бедный Генрих // 1902. – № 264.
76. Родина. Г. Зудермана // 1903. – № 12. Подпись: Неизменный театрал
77. Венера Анадиомена. Драма Рудольфа Пресберга // 1903. – № 43.
Подпись: Б. Вед.
78. Опера «Миньона» в театре Королева // 1903. – № 64. Подпись:
Неизменный театрал
79. Г. Зудерман. Огни Ивановой ночи // 1903. – № 118.
80. Шнитцлер А. Литература // 1903. – № 101.
81. Г. Зудерман. Родина // 1903. – № 125. Подпись: Г. В-ин.
82. Г. Зудерман. Родина // 1903. – № 254.
83. Пьеса И. Вейнберга. Без солнца // 1903. – № 271. Подпись: Е.С.
84. Г. Зудерман. Огни Ивановой ночи // 1903. – № 274
85. Школьные товарищи, Л. Фульда // 1904. – № 2. Подпись: Г. В-н
86. Школьные товарищи, Л. Фульда // 1904. – № 20.
87. Г. Зудерман. Родина / Театр и музыка// 1904. – № 167.
88. Комедия Отто Эрнста. Педагоги (Воспитатель Флакман) // 1904. – №
200. Подпись: Г. В-ин
89. Одинокие. Г. Гауптман // 1905. – № 6. Подпись: Г. В-ин
90. Уриель Акоста. К. Гуцкова // 1905. – № 33. Подпись: Г. В-ин
91. Семнадцатилетие. М. Дрейер // 1905. – № 158. Подпись: Г. В-ин
92. Ф. Шиллер и «Вильгельм Телль» // 1905. – № 162, 164. Подпись: Г. В-ин
93. Вильгельм Телль. Ф. Шиллера // 1905. – № 164. Подпись: Г. В-ин
94. Г. Гейермайс. Гибель надежды // 1905. – № 173. Подпись: Г. В-ин
95. Пара слов о «Роза Бернд» Г. Гауптмана / Театральная хроника // 1905. –
№ 177. Подпись: Г. В-ин

**Сибирская жизнь (Томский справочный листок, Томский листок),
Томск, 1894–1919**

Переводы

1. Один из многих (Психологический очерк.) (С немецкого) // Томский листок. – 1896. – № 38.
2. Посыльный № 213. Генриха Ле* // Томский листок. – 1896. – № 134.
Подпись: «Р.В.»
3. Джон и Жанна Мадакс. Картинка из жизни XX века, Роберта Бар *) Астр. Вест. // Томский листок. – 1896. – № 179.
4. Мадлен. Рассказ Эмиля Пешкау. (С немецкого) // Томский листок. – 1896. – № 240.
5. Как доктор медицины женскую прислугу нанимал. Пер. с нем. // Томский листок. – 1897. – № 31.
6. Изменник (Р. Traube). (Перевод с немецкого) // Томский листок. – 1897. – № 103.
7. Путь к небу. Елизаветы Гнаука-Кине (Вольный перевод с немецкого). // Томский листок. – 1897. – № 120. Подпись: А.В.
8. Семейное счастье. Е. Марриота. (Перевод с немецкого) // Томский листок. – 1897. – № 159.
9. Двусмысленный зонтик, или приключение с мокрым началом и сухим концом. (Юмористическая новелла М. Сафира). (Перевод с немецкого) // Томский листок. – 1897. – № 166. – С. 2. Подпись: «Од. Л.»
10. Без счастья. Макса Нордау // Томский листок. – 1897. – № 201.
11. Две встречи. (Альфреда фон Геденстиерна) (Перевод для Томского листка) // Томский листок. – 1897. – № 212.
12. Г. Хр. Андерсена. (Перевод для «Сиб. Жизни») Первый, второй, третий, четвертый, пятый вечер. Рассказы месяца // 1898. – № 75. – С. 2. Подпись: И. Муромов, Геттинген. Март 1898.
13. Последний глоток. Рассказ Феликса Лисс (с немецкого) // 1899. – № 10, 12. Подпись: Н. К.

14. Чистокровный конь (Из рассказов Гейстрома) // 1899. – № 105. Подпись:
15. В летные дни. Вольный перевод с нем. Маленький фельетон // 1899. – № 158.
16. Конгресс. Юлия Кнапфа (с немецкого перев. для «Сиб. ж.»). Маленький фельетон // 1900. – № 42.
17. Адорно и Уберто. Ф. Беттекс. Пер. с нем. Для «Сиб. ж.» // 1900. – № 197. Подпись: Перев. Г. А-кий.
18. Письмо с того света. Пер. с нем. // 1900. – № 245.
19. Глубже ройте! Доротея Гофман. Пер. с нем. // 1901. – № 178. Подпись: Перев. Г. А-кий.
20. Судный колокол. Финского писателя Юхани Ахо (С немецкого). Перев. Г. А-кий. // 1901. – № 189.
21. Каменотес. Японская сказка Мультаули. (С немецкого). Маленький фельетон // 1902. – № 126. Подпись: «Д.Р.»
22. Бык и муравьи. Юхани Ахо (с немецкого). Маленький фельетон // 1902. – № 214. Подпись: Перев. Г. А—кий.
23. Картинки Гэка. Незнакомец. Магнитная гора. (Перевод с немецкого). Фантазия и жизнь // 1902. – № 217. Подпись: Пер. Кр.
24. Прости ей, Господи! Рассказ Берты фон-Зуттнер // 1902. – № 252. Подпись: «Рус. С.»
25. Испытание. Пер. с нем. Для «Сиб. Ж.» // 1902. – № 283.
26. Ангел правды. Легенда. Рейнгарда Фольнера. Маленький фельетон // 1903. – № 8. Подпись: («Орл.Вед.»)
27. Старый писец. Эскиз с натуры. Пер. с нем. Для Сиб. жизни // 1903. – № 27. – С. 2. Подпись: Перевел Д. Муромов
28. Поддельный муж. Юлиуса Штинде // 1903. – № 36. Подпись: (Кур.)
29. Каналетта. Перевод для Сиб. Ж. с немецкого // 1903. – № 61, 63. Подпись: И. И. Муромов
30. Из Гейне // 1903. – № 67. Подпись: Ев. С-б.

31. Вечерние похождения. Перевод с немецкого для С.ж. // 1903. – № 67.
Подпись: И.И. Муромов
32. Фиделио. Пер. с немецкого для «С.ж.» // 1903. – № 79. Подпись: W.B.
33. На пожаре. Рассказ Болеслава Пруса (Перевод с немецкого для «Сиб. жиз.»). Маленький фельетон // 1903. – № 81. Подпись: М.У.
34. Зависть моря. (Перев. с нем. для Сиб. Ж.) Маленький фельетон // 1903. – №86. Подпись: W.B.
35. Бедный Ричард. Ричарда Шредера (С немецкого) // 1903. – № 112.
Подпись: «Хар. Лист.»
36. Последнее свидание. Эскиз В. Блюттина (С немецкого) // 1903. – № 113.
Подпись: «Сев. Край».
37. Золотая нить. Ненависть. Рассказы Карла Эвальда. Пер. с нем. «Курск. Газ.» // 1903. – № 125.
38. Золотой лотос. Японская легенда. С нем. Маленький фельетон // 1903. – № 139. – С. 3. Подпись: В.Ю.
39. Рассказ фон-Поленца. Крестьянин. Библиография // 1903. – № 139.
Подпись: Л.С.
40. Из Гейне // 1903. – № 153. Подпись: Е. С-ъ.
41. Легенда о богине девице. Из новеллы Ильи Фрапан «Проклятое место», пер. с нем. Для С.ж. Маленький фельетон // 1903. – № 172. Подпись: Перевел Г. А-кий.
42. Близнецы. Пер. с нем. Из «Южн. обозр.»// 1903. – № 182.
43. Басня. Пер. с нем для «Южн. обозр.» // 1903. – № 192.
44. Среди шумного бала. Пер. с нем. для «Южн. обозр.» // 1903. – № 199.
45. Оценка. Из сборника «Парабол, афоризмов и сказочек» Эбнер-Эшенбах // 1903. – № 200. Подпись: «Южн. обозр.»
46. Суета сует. Параболы. Эбнер-Эшенбах // 1903. – № 201. Подпись: «Южн. обозр.»
47. Газета для нервных людей (Перевод с немецкого для С.ж.). Маленький фельетон // 1903. – № 209. Подпись: П.П.П.

48. Гранд-отель “Victoria Romana” Румынского писателя И.Л. Каразиала. Перевод с немецкого для «Сиб. жизни». // 1903. – № 210.. Подпись: 1903. Перев. Г. А-кий.
49. Герман Бар. Апостол. Пер. с нем. Библиография // 1903. – № 218.
50. На деле. Эскиз И. Бершадского (перевод с немецкого). Маленький фельетон // 1903. – № 242. Подпись: «Х.Л.»
51. Заброшенная могила. Пер. с нем. для «Сев. зап. слова». Маленький фельетон // 1903. – № 253.
52. Торжество науки. Карла Эвальда. С немецкого. Маленький фельетон // 1904. – № 8. Подпись: «Ур. Ж.»
53. Круговорот жизни (Новелла) Германа Банг. Пер. с нем. для «Сиб. ж.» // 1904. – № 76. Подпись: Е.К.
54. О. Блюменталь. Маленькие рассказы. Маленький фельетон // 1904. – № 77. Подпись: «Кавк.»
55. На броненосце во время боя. Капитана графа Бернсторфа *) (перевод с немецкого) // 1904. – № 82. Подпись: «Сар.Л.»
56. Цуитата. Легенда писателя Отоги Хиану Монотогари. Пер с нем. для «Сиб. жизни.» // 1904. – № 86. Подпись: Г. А-кий.
57. Дух японской культуры. Лафкадье Гьярм (в Токио) (Перевод с немецкого для Сиб. жизни) // 1904. – № 90. Подпись:
58. Переехало. Венгерского писателя Стефана Тэмеркани (Перевод с немецкого для «Сиб. ж.») // 1904. – № 103. Подпись: Г. А-кий.
59. На лестнице (Из «Поучительных рассказов» О. Блюменталья). Маленький фельетон // 1904. – № 176. Подпись: «Од. Нов.»
60. Сборщица чаю. Китайский рассказ Карла Камифа (Перевел с немецкого для «Сиб. жиз.» А. Сак.) // 1904. – № 211. – С. 2. Подпись:
61. Отец. Эскиз Риттвегера. Пер. с нем. для «Сиб. ж.» // 1904. – № 220. Подпись: А. Сак
62. Мать. Л. Шульце. Перевод с немецкого для «Сиб. ж.» // 1904. – № 235. – С. 2. Подпись: Перев. Р. С-кий

63. Элла, предостережение для мужчин. Макс Герц. Пер. с нем. // 1904. – № 242. Подпись: Перев. А. Сак
64. Из легенд Мультатули. Дочь. Пер. с нем. М. Рапутова. Маленький фельетон // 1904. – № 248. Подпись: «Юж. Кр.»
65. Страндкирхгоф-фон-фолкестоне. Эскиз Шмидт-Гарлова. Пер. с нем. // 1904. – № 270. Подпись: А. Сак.
66. О нравах корейцев. Перевод с немецкого // 1905. – № 7. Подпись: И. А. Церн
67. Вопросы современной мировой политики. С немец. // 1905. – № 39. Подпись: И.А.Ц.
68. Сын. Рассказ Теодора Герцля. Пер. с нем. для «Сиб. жизни» // 1905. – № 213. Подпись: Е.К.
69. За кулисами. Рассказ Теодора Герцля. Пер. с нем. для «Сиб. жиз.» // 1905. – № 229. Подпись: Е.К.
70. Гусеница. Рассказ Теодора Герцль. Пер. с нем. для «Сиб.ж.» // 1905. – № 245. Подпись: Е.К.
71. Параболы. Мультатули (Перевод с немецкого). Об одном ребенке. О воспитании. О судьбе. О специалисте. О суеверии. Маленький фельетон // 1906. – № 111, 116, 120.. Подпись: Е.Г.
72. Из Г. Гейне // Сибирская жизнь. – 1906. – № 177. Подпись: Пер. Г. Вяткин
73. Ошибки. Эскиз, соч. Рейдена, пер. для «Сиб. ж.» // 1907. – № 156. Подпись: Ю. О-кий.
74. Красавец Карл. Соч. Фридриха-Вернера фон-Эстерен, пер. с нем. для «Сиб. ж.» // 1907. – № 168. – С. 2. Подпись: Перевл Ю. О-кий
75. Мюнцер К. Смерть в карете // 1907. – № 174. Подпись: Перевел Ю. О-кий
76. Путешествие госпожи Лары. Пер. с немецкого // 1907. – № 179. Подпись: Перев. Илья Лурье

77. Это ты - убийца. Пер. с нем. Соч. В. Якобса // 1907. – № 183. Подпись:
Перев. Ю. О-кий
78. Говорящая кукла. Пер. с нем. Рождественский рассказ. Соч. Филлирса //
1907. – № 197.
79. Любовь и спекуляция. Соч. Феликса Дермана, перевод с немецкого для
«Сиб. жизни» // 1908. – № 2. Подпись: Перев. Ю. О-кий.
80. Особый способ (Перевод с немецкого для «Сиб. жизни») // 1908. – № 9.
Подпись: И.Л.
81. В темноте (Соч. Розенфельда. перев. для «Сиб. жизни») // 1908. – № 10.
Подпись: Перев. Ю. О-кий
82. Искусительница (Перев. с немец.) // 1908. – № 17. Подпись: Перевел
И.Л.
83. Неапольский папаша. Соч. Бецониша. Перевод с немецкого для
«Сиб.жизни») // Сибирская жизнь. – 1908. – № 20. Подпись: Перев. Ю. О-кий
84. Крез. Юмористический рассказ. Пер. с нем. для «Сиб. жизни» //
Сибирская жизнь. – 1908. – № 42. Подпись: Ю. О-кий
85. Перед первым представлением. Р. Бернауэра. Пер. с нем. для «Сиб.
жизни» // Сибирская жизнь. – 1908. – № 60. Подпись: Ю. О-кий
86. Пасхальный поросенок. К Любовской. Пер. с нем. для Сиб. жизни //
Сибирская жизнь. – 1908. – № 76. Подпись: Ю. О-кий
87. Настоящие кружева моей жены. Эскиз Э. Фарова. Пер с нем. // 1908. – №
80. Подпись: Илья Л.
88. Пауль Блок. Амор. Пер. с нем. для «Сиб. Жизни» // 1908. – № 85.
Подпись: Ю. О-кий
89. Сладострастный убийца. Леона Голли. (Перевод с немецкого для «Сиб.
жизни» // 1908. – № 93. Подпись: Ю. О-кий
90. Мать. Пер. с нем. // 1908. – № 146.
91. Сто марок. Пер. с нем. // 1908. – № 182. Подпись: Перев. Илья Л.
92. Блок Пауль. Гениальный делец. Пер. с нем. для «Сиб. жизни» // 1908. –
№ 185. Подпись: Ю. О-кий

93. Карл Даппер. Красный поросенок. Пер. с нем. для «Сиб. ж.» // 1908. – № 224. Подпись: Перев. Ю. О-кий
94. Эскиз Э. Вальбрюк. Источник молодости. Перевод с немецкого // 1908. – № 239. Подпись: Илья Л.
95. Ганм Гоффенсталь. Майер – ангел-хранитель. Пер. с нем. Для «Сиб. жизни» А.С-ъ. // 1909. – № 127.
96. Письмо к прислуге. Перевод с нем. Маленький фельетон // 1909. – № 218. Подпись: Илья Л.
97. Туча. Из Ленау // 1912. – № 12. Подпись: Иосиф Иванов
98. Упрек (из Ленау) // 1912. – № 43. Подпись: Иосиф Иванов
99. Карбункул. Из Новалиса // 1912. – № 54. Подпись: Иосиф Иванов
100. Из Ленау. Праздник любви // 1912. – № 86. Подпись: Иосиф Иванов
101. Песня в камышах. Из Ленау // 1912. – № 149.

Критика

1. Вырождение (Entartung) Макса Нордау / Библиография // Сибирский справочный листок. – 1894. – № 4.
2. II Философ (по поводу Ницше) / Элегии в прозе // Томский листок. – 1896. – № 27.
3. О письме известного немецкого романиста Фр. Шпильгагена к Л.Н. Толстому / Заграничные известия // Томский листок. – 1896. – № 39.
4. Народный театр в связи с ближайшими задачами общества. (Речь секретаря совета Р.Л.Вейсмана). Статья о роли театра в обществе. Упоминается Шиллер / Городская хроника // Томский листок. – 1897. – № 169.
5. Путевые впечатления. От Барнаула до Томска. <В качестве эпиграфа к статье строки из Гейне: Was soll es bedeuten das ich so traurig bin> // Томский листок. – 1897. – № 192. Подпись: П. Сербин
6. О статье Венгерова «Основные черты истории новейшей русской литературы». Рус. лит. сравнивается с англ., амер., немецк. и франц. / Литературные беседы // 1898. – № 172.
7. Маркс о Гете / Журнальное обозрение // 1898. – № 83.

8. Бельтовский. Гете, его жизнь и произведения / Библиография // 1898. – № 244.
9. А. Шнитцлер. Прощание / Журнальное обозрение // 1898. – № 268.
10. Паленц. Хозяин. / Журнальное обозрение // 1899. – № 32, 115.
11. Нечто о великих произведениях Гете. По поводу 100-летия со дня рождения // 1899. – № 175. Подпись: Л.К.
12. Германия. Празднование юбилея Гете / Заграничная хроника// 1899. – № 187.
13. Фридрих-Вильгельм Ницше. Некролог // 1900. – № 185. – С. 3. Подпись: «Кур.»
14. О Людовиге Анценгрубере / Журнальное обозрение // 1901. – № 37.
15. Рудольф Вихров. По поводу 80-летия со дня рождения // 1901. – № 220.
16. Вихров-дуэлист // Сибирская жизнь. – 1901. – № 227.
17. Белый мак, Э. Мёринг, Зимний сон, М. Дрейер / Журнальное обозрение // 1901. – № 236.
18. Шнитцлер А. Дикий. Журнальное обозрение // 1902. – № 16.
19. Зудерман. Собрание сочинений. / Библиография // 1902. – № 52.
20. Август Шперль. Сыновья Будивоя. / Библиография // 1902. – № 146.
21. Ритланд К. Современный тип / Журнальное обозрение // 1902. – № 147.
22. Ф.А. Щербина в роли своего собственного критика. Эпиграф к статье: «Я слышал эхо, и оно меня хвалило» Ницше // 1902. – № 271. Подпись: Т. Сергеев
23. Гауптман. Собр. соч. / Библиография // 1903. – № 22.
24. Файгингерг. Ницше как Философ. / Библиография // 1903. – № 41.
25. Поленц. Землевладелец / Журнальное обозрение // 1903. – № 52.
26. Вера. Одна из многих. Пер. с нем. / Библиография // 1903. – № 53.
27. Сильная рука и золотое сердце. Роман по Зудерману / Библиография // 1903. – № 68. Подпись: Л.С.
28. Шнитцлер. Фрау Берта Гарлан. Роман. / Библиография // 1903. – № 128. – С. 4. Подпись: Л.С.

29. Поленц. Деревенский священник. Землевладелец. / Журнальное обозрение // 1903. – № 142.
30. Немного о Поленце // 1903. – № 165.
31. Зудерман. Соб. Соч. / Библиография // 1903. – № 169.
32. Избранные мысли Шиллера и Лессинга / Библиография // 1903. – № 176.
33. Г. Гауптман. Бобровая шуба. Красный петух / Библиография // 1903. – № 185.
34. Г. Зудерман. Родина / Библиография // 1903. – № 226.
35. Г. Гауптман. Роза Берндт / Библиография // 1903. – № 268.
36. Шнитцлер. Пьесы. В погоне за легкой добычей. Завещание. Сказка. / Библиография // 1904. – № 22.
37. О чем говорят и пишут. Сопоставление Гейне и Чехова // 1904. – № 31.
38. В. Поленц. Страна будущего. Как живут американцы. / Библиография // 1904. – № 179.
39. К. Фибих. Ради хлеба насущного. / Библиография // 1905. – № 28.
Подпись: Л.С.
40. О. Шрейнер. Грезы и сновидения / Библиография // 1905. – № 61.
Подпись: Л.С.
41. Певец свободы (к 100-летию со дня смерти Шиллера) // 1905. – № 97.
Подпись: В.Ф.
42. Литературная смута. Упоминаются Ведекинд, Шнитцлер, Кнут Гамсун / Литература и жизнь // 1908. – № 46. Подпись: Г. Вяткин
43. Литературные миниатюры. А. Шнитцлер. Г. Френзен // 1909. – № 20.
44. Кнут Гамсун, Редиар Киплинг, Октав Мирбо // 1909. – № 26. Подпись:
П. Николаев
45. Современник всех времен. Шиллер // 1909. – № 243. Подпись: Павел Николаев
46. Пауль Гейзе. К 80-летнему юбилею (статья Колтоновской) // 1910. – № 59. Подпись: «Рус. В.»

47. Фридрих Шпильгаген. Некролог о немецком романисте // 1911. – № 42.

Подпись: А.К.

48. Письмо Шиллера / Обо всем // 1911. – № 136.

49. Гауптман. Бегство Габриеля Шиллинга. / Библиография // 1912. – № 199.

Подпись: Г.В.

50. О юбилейной пьесе Гауптмана / Литературный дневник // 1913. – № 69.

51. Железо в огне. Роман Клары Фибих / Литературный дневник // 1913. – № 115.

52. Берта фон-Зуттнер. Некролог. Коротко о жизни и творчестве. // 1914. – № 129. Подпись: «Д.»

53. Письмо Ролана Гауптману // 1914. – № 211.

54. Ответ Г. Гауптмана Р. Ролану // 1914. – № 212.

55. Маленький фельетон (упоминается Гауптман) // 1915. – № 138.

Театр и музыка

1. Остров Робинзона. Л. Фульда / Известия из газет // 1895. - №261.

2. Ф. Шиллер. Коварство и любовь. Театр и музыка // 1896. – № 217.

3. К. Гуцков. Уриэль Акоста. / Театр и музыка // 1896. – № 270.

4. Комедия «Честь» Г. Зудермана // Томский листок. – 1896. – № 276.

Подпись: Виктор Лидин

5. <О закрытии театрального сезона и «Бое бабочек» Зудермана> / Городская хроника // Томский листок. – 1897. – № 45.

6. Новая драма Зудермана <О запрете драмы “Johannes” в немецких театрах> / Наука, литература и искусство // Томский листок. – 1897. – № 187.

7. Немецкий спектакль. О спектаклях (на немецком языке) в пользу лютеранского детского приюта. «Он делает визиты», «Певчая птичка» и «Безупречная жена» // 1898. – № 29.

8. О любительском спектакле на немецком языке: «Он делает визиты» комедия в 1 д. М. Вацермейстера, «Певчая птичка», пьеса с пением в 1 д. Э. Якобсон, «Безупречная жена», комедия в 1 д. К. Герлица / Объявления // 1898. – № 30.

9. Ф. Шиллер. Коварство и любовь // 1898. – № 224.
10. Г. Зудерман. Честь // 1898. – № 241.
11. Кандалы. М. Нордау / Объявления // 1898. – № 253.
12. Г. Гауптманн. Потонувший колокол // 1899. – № 27.
13. Извозчик Геншель. Драма Г. Гауптмана // 1900. – № 228.
14. Г. Гауптман. Больные люди // 1901. – № 2.
15. Г. Гауптман. Одинокие // 1901. – № 21, 24.
16. Г. Зудерман. Родина // 1901. – № 22.
17. Г. Зудерман. Родина // 1901. – № 216.
18. <О пьесах О. Эрнста «Воспитатель Флакман» и М. Дрейера «Пробный кандидат»> / Драма учительской жизни // 1901. – № 221. Подпись: Нечай.
19. К. Гуцков. Уриель Акоста // 1901. – № 227.
20. М. Нордау, Два мира // 1901. – № 241.
21. Г. Зудерман. Гибель содома // 1901. – № 252.
22. Педагоги, соч. О. Эрнста // 1902. – № 4. – Подпись: Ю.
23. Г. Гауптман. Потонувший колокол // 1902. – № 241.
24. Разбойники. Ф. Шиллер // 1902. – № 250. – Подпись: Ф.
25. Г. Гауптман. Микаель Крамер / Библиография // 1902. – № 252. – Подпись: Л. С.
26. Г. Зудерман. Бой бабочек // 1902. – № 257.
27. Мария Стюарт, Ф. Шиллер. Уриель Акоста, К. Гуцков // 1902. – № 263.
28. Литература, А. Шнитцлер; Воспитатель флакман, Отто Эрнста // 1903. – № 121. Подпись: N.
29. Г. Зудерман. Родина // 1904. – № 168.
30. О. Эрнст. Воспитатель Флакман // 1904. – № 200.
31. Фарисеи. А. Шнитцлер // 1906. – № 131. Подпись: Б. Стрилько
32. Гуцков. Уриель Акоста // 1907. – № 11.
33. Гастроли бр. Адельгейм. Разбойники // 1907. – № 13. Подпись: Г. Вяткин
34. Г. Гауптман. Потонувший колокол // 1907. – № 112.

35. Г. Гауптман. Роза Бернд // 1907. – № 122. Подпись: Г. В-ин
36. Г. Гауптман. Одинокие // 1907. – № 127. Подпись: Г. В-ин
37. Г. Гауптман. Ганнеле // 1907. – № 156.
38. Г. Гауптман. Коллега Крамптон // 1907. – № 163.
39. Г. Гауптман. Потонувший колокол // 1907. – № 176.
40. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1909. – № 97.
41. <О смене репертуара театра, упоминаются Шиллер, Ибсен> // 1909. – № 125. Подпись: Родриго
42. Г. Бар. Звезда // 1909. – № 127. Подпись: Родриго
43. Ф. Шиллер. Коварство и любовь // 1909. – № 129.
44. Герман Гейерманс. Всех скорбящих // 1909. – № 155.
45. К. Гуцков. Уриель Акоста // 1909. – № 162. Подпись: Г. В-ин
46. Потонувший колокол. Г. Гауптман // 1909. – № 189. Подпись: Г. В-ин
47. Гауптман «Одинокие» / Театр и искусство // 1910. – № 79.
48. Одинокие. Г. Гауптман. Мысли, навеянные пьесой Гауптмана в исполнении передвижников // 1910. – № 86. Подпись: Н. Б-ч.
49. Концерт. Г. Бар (к постановке на томской сцене) // 1910. – № 224. Подпись: Г.В.
50. Забава. Артур Шницлер // 1910. – № 237. Подпись: Г.В.
51. Седьмая заповедь. Хейрманс // 1911. – № 160. Подпись: А.Р.
52. Г. Зудерман. Среди цветов // 1911. – № 221. Подпись: Зритель
53. К. Гуцков. Уриель Акоста // 1911. – № 239. Подпись: И.И.
54. Разбойники. Ф. Шиллера // 1911. – № 240. Подпись: И.И.
55. Г. Зудерман. Среди цветов (Праздник жизни) // 1911. – № 262. Подпись: Н.
56. Далекая принцесса. Г. Зудерман // 1911. – № 263. Подпись: Иосиф Иванов
57. Новая драма Гауптмана // 1911. – № 285.
58. Майер-Ферстен. Наследный принц (В старом Гейдельберге) // 1912. – № 24.

59. Властелин жизни. Комедия Германа Бара // 1912. – № 110. Подпись: Иосиф Иванов

60. Правда небесная. Пьеса Д. Айзмана. Наполеон и Жозефина, ком. Г. Бара // . – № 136. Подпись: Иосиф Иванов

61. Гауптман. Потонувший колокол // 1912. – № 163. Подпись: Иосиф Иванов

62. Зудерман. Честь // 1912. – № 178. Подпись: Иосиф Иванов

63. Царь Эдип. Трагедия Софокла в переработке Гуго фон Гофмансталя // 1913. – № 220.

64. Гауптман. Потонувший колокол // Сибирская жизнь. – 1914.

Сибирская мысль, Томск, 1906, 1907, 1918

(Издавалась вместо «Сибирской жизни»)

Переводы

1. Промышленный барон. Синклер (Перевод с немецкого для «Сибирской Мысли») // 1906. – № 40. Подпись: А.Фр.

Театр и музыка

1. Гугеноты. Об опере Мейербера // 1906. – № 12. Подпись: Аккорд

2. Гугеноты. Вертер // 1906. – № 49. Подпись: Аккорд

3. Гейерманс. Седьмая заповедь // 1906. – № 54.

4. Долина жизни. М. Дрейера // 1907. – № 58. Подпись: Георгий В.

5. М. Дрейер. Долина жизни // 1907. – № 58.

6. Гейерманс. Еврейский квартал // 1907. – № 69.

7. Приват-доцент. М. Дрейер // 1907. – № 88. Подпись: Г.В.

8. Г. Зудерман. Каменотесы // 1907. – № 86. Подпись: Г.В.

Сибирский наблюдатель, Томск, 1900–1906; с 1907 по 1910 – Сибирские отголоски; с 1910 по 1911 – Сибирское слово
Переводы

1. Легенда о первой скрипке (Цыганская сказка) Перевод с немецкого Е. Ник-вой // Сибирский наблюдатель. – 1904. – № 3.
2. Из Ницше (Из «Пролога к веселой науке») // Сибирские отголоски. – 1907. – № 82. Подпись: Вас. Павлоградский
3. Стихотворение Марго Вольтер // Сибирские отголоски. – 1908. – № 169. Подпись: Перев. Г. Вяткин

Критика

1. Роман Боборыкина «Жестокие»: упоминание Ницше / Библиография // Сибирский наблюдатель. – 1901. – № 8.
2. «Глупая девушка» (“Die thoerichte Jungfrau”) Рудольфа Штраца, «Монте-Карло» Георга Омштеда, «Дети света» Клинковштрем, «Танталь» и «Мать и дитя» Поля Гейзе / Новости иностранной литературы (Немецкая беллетристика последних дней) / Библиография // Сибирский наблюдатель. 1902. №3.
3. Переведенные с немецкого «Недошедшие письма» неизвестного автора / Библиография // Сибирский наблюдатель. 1904. № 3.
4. В. Гауфф. Избранные сказки / Библиография // Сибирский наблюдатель. 1904. № 7–8.
5. Библиотека наших детей. В. Гауфф / Новые книги и брошюры // Сибирский наблюдатель. 1904. № 7–8.
6. Писатели об отъезде Л.Н. Толстого. Шпильгаген и Зудерман / Вести о Толстом // Сибирское слово. – 1910. – № 8.
7. Взгляд Л.Н. Толстого на литературу Западной Европы // Сибирское слово. – 1910. – № 10.

Театр и музыка

1. «Одинокие» Гауптмана // Сибирские отголоски. – 1907. – № 64. Подпись: Неизменный театрал

2. Юбилей Зудермана // Сибирские отголоски. – 1907. – № 64. Подпись: «У.»

3. Пьеса Гауптмана «Ганнелле» // Сибирские отголоски. – 1907. – № 79. Подпись: В. Правдин

4. Комедия Гауптмана «Коллега Крамптонъ» // Сибирские отголоски. – 1907. – № 82. Подпись: В. Правдин

5. Г. Зудерман «Честь» // Сибирские отголоски. – 1908. – № 28. Подпись: Г. В-ин

Сибирская газета, Томск, 1881–1888

Переводы

1. Грезы (На севере диком, Лермонтов) // 1884. – № 8. Подпись: Былинка

Критика

1. Захер-Мазох, Идеалы нашего времени / Объявления // 1883. – № 13.

Театр и музыка

1. О состоянии сибирского театра <упоминаются Гете, Шиллер, Лессинг и др.> // № 45. – 1882.

2. Уриель Акоста. К. Гуцков // № 39. – 1883.

3. Ф. Шиллер. Разбойники. Коварство и любовь // № 40. – 1883.

4. Ф. Шиллер. Разбойники // № 41. – 1883.

5. Фауст // № 46. – 1883.

6. Фауст и Мефистофель // № 47. – 1883.

7. Ф. Шиллер. Разбойники // № 6. – 1884.

8. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // № 7. – 1886.

9. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // № 8. – 1886. – С. 240.

10. Статья о постановках Шекспира // № 46. – 1886. – С. 1350.

11. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // № 47. – 1886. – С. 1389.

12. Уриэль Акоста // № 3. – 1887. – С. 91.

Сибирский листок, Тобольск, 1900–1919

Переводы

1. Рассеянность Марка Твена / Смесь. – 1901. – № 70.
2. Любитель суррогатов. Рассказ Юлиуса Штинде // 1903. – № 2.
3. Бинокль. Рассказ Габриэли Рейтер // 1903. – № 30. Подпись: Вест. Иностр. Литературы 1902 г.
4. Из Густава Фальке // 1903. – № 38. Подпись: Берлинская корреспонденция для русских газет.
5. Суэта Суэт. Параболы. Эбнер-Эшебах // 1903. – № 76. Подпись: Южн. об.
6. Картинки. Наек'а (с немецкого) // 1908. – № 16. – С. 4. Подпись: Пер. Гернрих- -ъ
7. Маленький фельетон // 1908. – № 16. – С. 4. Подпись: В. Лихачев

Критика

1. Шиллеровская премия <о Гауптмане> // 1900. – № 25.
2. 500-летие со дня рождения Гутенберга // 1900. – № 34.
3. Фридрих-Вильгельм Ницше (Некролог) // 1900. – № 70. Подпись: «Кур.»
4. Берта фон-Сутнер, некролог // 1914. – № 72.

Театр и музыка

1. Честь. Г. Зудерман // 1900. – № 97.
2. Честь. Г. Зудерман // 1900. – № 100.
3. Уриель Акоста. К. Гуцков // 1900. – № 100.
4. Уриель Акоста. К. Гуцков // 1900. – № 101.
5. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1901. – № 6.
6. Ф. Шиллер. Мария Стюарт // 1901. – № 9.
7. Т. Герцль. В Новом Гетто // 1901. – № 11.
8. Уриель Акоста. К. Гуцков / Городская хроника // 1901. – № 13.
9. Родина. Г. Зудерман // 1901. – № 83.
10. Огни Ивановой ночи. Г. Зудерман // 1901. – № 84.
11. Ф. Шиллер. Коварство и любовь // 1902. – № 1.
12. Уриель Акоста. К. Гуцков // 1902. – № 7.

13. Маркс Нордау. Два мира // 1902. – № 25.
14. Гауптман. Потонувший колокол // 1904. – № 8.
15. Пьеса Зудермана. Среди цветов // 1906. – № 46.
16. Отметка о поведении или трагедия ученика (в 4-х действ. А. Швайера, перевод И.Г. Ярона) // 1907. – № 7.
17. Вечерняя заря, соч. Франца Бейерлейна // 1907. – № 8.
18. Пробуждение весны. Трагедия детской души Франка Ведекинда // 1907. – № 100.
19. Макс Дрейер. Семнадцатилетние // 1909. – № 58.
20. Юность. Макс Гальбе // 1909. – № 82.
21. Наследный принц (Старый Гейдельберг). Пьеса Мейера-Форедера // 1909. – № 130.
22. Разбойники. Пьеса Шиллера // 1910. – № 13.
23. Коварство и любовь. Ф. Шиллер // 1912. – № 127. Подпись: М.К.
24. О собрании членов союза немецких драматических писателей <упоминаются Г. Гауптман, Гуно фон Гофмансталь, А. Шницлер, Г. Зудерман> // 1912. – № 137.
25. Царь Эдип. В постановке по плану Рейнгардта // 1913. – № 123.
26. Потонувший колокол. Г. Гауптман // 1913. – № 125.
27. Мария Стюарт / Театр // 1913. – № 128.
28. Дорога в ад. Комедия Кадельбурга // 1913. – № 129.
29. Фауст. Гете // 1913. – № 138.
30. Дурак. Л. Фульда // 1913. – № 140.
31. Дурак. Л. Фульда // 1913. – № 143.
32. Уриель Акоста. К. Гуцков // 1914. – № 15.
33. Уриель Акоста. К. Гуцков // 1915. – № 123. Подпись: Дядя Ваня.